

ВСЕ ЭРКЮЛЬ ПУАРО

АГАТА КРИСТИ

ТАЙНА
«ГОЛУБОГО ПОЕЗДА»

Annotation

Вдумчивое отношение к самой незначительной детали рассказов очевидцев помогает Эркюлю Пуаро быстро проникнуть в суть преступления и, несмотря на противодействие окружающих, найти убийц миллионера ван Олдина, владельца старинных рубинов.

- [Агата Кристи](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)

- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)

- [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
 - [52](#)
 - [53](#)
 - [54](#)
 - [55](#)
 - [56](#)
 - [57](#)
 - [58](#)
 - [59](#)
 - [60](#)
 - [61](#)
 - [62](#)
-

Агата Кристи

ТАЙНА «ГОЛУБОГО ПОЕЗДА»

Глава 1

Мужчина с седыми волосами

Ближе к полуночи площадь Конкорд пересек мужчина в тяжелой меховой шубе. В его походке и фигуре, однако, чувствовались неуверенность, нерешительность, которые никак не вязались с его кажущейся респектабельностью.

Маленький человечек с крысиным лицом... Глядя на него, вы могли бы решить, что он ровным счетом ничего из себя не представляет, но, подумав так, вы бы ошиблись: этот человек, на первый взгляд невзрачный, ничем не выдающийся, играл важную роль в судьбах мира. В империи, управляемой крысами, он был королем.

Вот и сейчас его возвращения ждали в посольстве.

Но у него были более важные дела, о которых там ничего не знали. В мерцающем лунном свете на его бледном лице отчетливо выделялся крючковатый нос.

Отец его был польским евреем, бродячим портным.

Ему наверняка понравились бы те дела, ради которых его сын ночью оказался на улице. Человек дошел до Сены, перешел через мост и очутился в одном из наименее респектабельных кварталов Парижа. Он остановился около высокого ветхого дома и поднялся на четвертый этаж. Ему не пришлось долго стучать: дверь сразу же открыла женщина, судя по всему, уже ожидавшая его. Не поздоровавшись, она помогла ему снять шубу и провела в безвкусно обставленную гостиную. Вспыхнула люстра, покрытая толстым слоем пыли, и ее мутный свет обнажил грубый макияж и широкие азиатские скулы женщины, выдавая и «профессию», и национальность той, кого звали Ольга Демидова.

— Все в порядке, детка?

— Все в порядке, Борис Иванович!

Он кивнул, пробормотав: «Не думаю, чтобы за мной следили», однако в его голосе слышалась тревога. Он подошел к окну, осторожно отодвинул штору, но тут же стремительно отпрянул назад.

— На противоположной стороне двое мужчин! Мне кажется... — Он запнулся и начал грызть ногти — верный признак волнения.

— Они стоят там давно, — попыталась успокоить его Ольга.

— Мне кажется, они наблюдают за домом.

— Возможно, — равнодушно согласилась она.

— Но ведь...

— Ну и что? Даже если это так, вам бояться нечего.

Чуть заметная жестокая усмешка тронула его губы.

— И правда...

Минуты две он молчал, а затем продолжил:

— Этот чертов американец сумеет позаботиться о себе как никто другой.

— Надеюсь.

Он снова подошел к окну.

— Бандюги, — процедил он брезгливо, — и, боюсь, хорошо известны полиции. Что ж, желаю им удачной охоты.

Ольга Демидова покачала головой.

— Если американец таков, как о нем рассказывают, то чем больше таких трусливых грабителей, тем лучше для него. — Она помолчала. — Я думаю о другом...

— О чем?

— Да так. Просто дважды за этот вечер по улице прошел мужчина. Мужчина с седыми волосами.

— И что из того?

— А то, что, проходя мимо этих двоих, он уронил перчатку. Один из них поднял ее и подал ему. Известный прием.

— Ты хочешь сказать, что этот седой их нанял?

— Что-то вроде этого.

Русский забеспокоился.

— Ты уверена, что сверток цел? Его не могли вскрыть? Вокруг него было так много шума, слишком много шума!

— Судите сами.

Женщина склонилась к камину, ловко разгребла угли. Под ними среди смятых газет лежал бумажный сверток. Женщина извлекла его и протянула мужчине.

— Гениально!

— Квартиру обыскивали дважды, копались даже в матрасе...

— Я же сказал, что было слишком много шума. Споры о цене... Это было ошибкой.

Он развернул бумагу. Внутри была коричневая картонная коробочка.

Проверив содержимое, он быстро закрыл ее и снова завернул в бумагу. В это время пронзительно зазвенел звонок.

— Американец пунктуален, — заметила Ольга, взглянув на часы.

Она вышла из комнаты и через минуту вернулась вместе с высоким широкоплечим мужчиной, чье заокеанское происхождение было очевидным.

— Месье Краснин? — любезно спросил он.

— Да, это я. Я... я должен извиниться за... за неудобство места встречи. Но секретность — это главное. Не хочу, чтобы мое имя связывали с делами такого рода.

— Вот как? — Американец остался бесстрастным.

— Вы дали слово, что подробности нашей сделки не будут преданы огласке. Не так ли? Это одно из условий...

— Именно так мы и договаривались, — спокойно кивнул американец. Давайте товар.

— У вас деньги в купюрах?

— Да. — Американец, однако, не торопился предъявлять их.

После небольшой заминки Краснин жестом указал на сверток.

Американец, подойдя к настольной лампе, проверил содержимое.

Удовлетворенный, вынул из кармана толстый кожаный бумажник, извлек из него пачку и передал русскому. Тот внимательно пересчитал купюры.

— Порядок?

— Благодарю, месье. Все правильно.

Американец небрежно положил в карман сверток, поклонился Ольге.

— Всего доброго, мадемуазель. Всего доброго, месье Краснин.

Когда он ушел, взгляды оставшихся встретились.

Мужчина облизал пересохшие губы.

— Интересно, дойдет ли он до отеля? — пробормотал он.

Не сговариваясь, они посмотрели в окно. В этот момент американец выходил из подъезда. Две тени бесшумно последовали за ним. Преследуемый и преследователи скрылись в ночи. Первой нарушила молчание Ольга Демидова:

— Он дойдет благополучно. Можете не бояться... или не надеяться.

— Почему ты думаешь, что он дойдет благополучно? — озадаченно спросил Краснин.

— Человек, у которого так много денег, как у него, наверняка не дурак. Кстати, о деньгах... — И она выразительно посмотрела на него.

— Что?

— My share^[1], Борис Иванович!

Не очень охотно Краснин протянул ей две купюры. Она благодарно, но бесстрастно кивнула и сунула их под чулок.

Он недоуменно посмотрел на нее.

— Ты не жалеешь, Ольга?

— Жалею? О чем?

— О том, чем владела. Женщины, большинство из них, насколько я знаю, с ума сходят от таких вещей.

— Да, вы правы. Большинство женщин на этом помешаны. Но не я. А сейчас я думаю... — Она замолчала.

— О чем? — удивленно спросил Краснин.

— Американцу ничего не грозит, это правда, — задумчиво произнесла Ольга. — Но интересно, что будет потом, когда...

— Когда что?

— Он подарит их, конечно, женщине, — продолжала размышлять Ольга. — А вот что случится потом...

Она опять запнулась и подошла к окну. Вдруг она вскрикнула, подзывая своего компаньона.

— Вот он, ну, тот мужчина, о котором я говорила!

Стройный элегантный человек в цилиндре и накидке не спеша шел по улице.

Когда он оказался под фонарем, свет выхватил из темноты его седые волосы.

Глава 2

Месье Маркиз

Мужчина с седыми волосами, тихонько насвистывая, не спеша продолжал свой путь. Он казался абсолютно спокойным. Повернул направо, затем налево.

Неожиданно он остановился и внимательно прислушался. Определенно, он услышал какой-то звук: лопнуло колесо? стреляли? С минуту насмешливая улыбка играла на его губах, затем так же не спеша он продолжил свою прогулку.

Повернув за угол, он увидел, что представитель закона что-то записывал в блокноте, а два-три случайных прохожих топтались рядом. Мужчина с седыми волосами обратился к одному из них:

— Что-то случилось?

— Два грабителя напали на пожилого джентльмена, месье!

— Надеюсь, все обошлось благополучно?

— Да, месье. — Прохожий рассмеялся. — У того, на кого напали, а им оказался американец, был револьвер. Он выстрелил — они трусили и удрали. Полиция, как всегда, появилась слишком поздно.

Мужчина с седыми волосами равнодушно кивнул и продолжил свою прогулку, посвистывая. Перейдя через Сену, он оказался в более богатом квартале.

Минут через двадцать остановился у небольшого дома, отличавшегося строгостью архитектурных форм.

Это был магазин. Он не бросался в глаза: его владелец, торговец антиквариатом доктор Папалоус был столь известен, что не нуждался в рекламе, большая часть его сделок совершалась отнюдь не за прилавком.

Месье Папалоус жил в роскошной квартире на Елисейских полях, и резонно было предположить, что сейчас он находится именно там, но, как видно, человек с седыми волосами знал о его местонахождении: он очень уверенно позвонил в дверь, бросив взгляд на пустынную улицу. И не ошибся: дверь приоткрылась, и в проеме показался мужчина с золотыми кольцами в ушах, смуглый и невозмутимый.

— Добрый вечер! Хозяин у себя?

— Хозяин здесь, но он не принимает в это время.

— Думаю, меня он примет. Скажите ему, что его друг месье Маркиз хочет видеть его.

Человек шире открыл дверь и впустил позднего визитера.

Тот, кто назвался Маркизом, во время разговора со слугой прикрывал лицо рукой. Когда тот вернулся, чтобы сообщить, что месье Папаполоус будет рад принять гостя, облик последнего изменился. Слуга, по всей видимости, был совсем не любопытным или хорошо выдрессированным, ибо он не выказал никакого удивления, увидев на лице посетителя небольшую черную маску.

Проводя его до двери в конце холла, слуга открыл ее и негромко объявил:

«Месье Маркиз».

Человек, поднявшийся, чтобы поприветствовать странного гостя, был незаурядным. В его облике чувствовалось нечто почтенное и патриархальное.

Высокий лоб, ухоженная седая борода, величественные царственные манеры.

— Мой дорогой друг, — произнес месье Папаполоус.

Он хорошо говорил по-французски, и тембр его голоса был богат и звучен.

— Я должен извиниться за столь поздний визит — сказал гость.

— Ничего. Ничего, — ответил месье Папаполоус. — Сейчас интересное время ночи. И вечер у тебя был, наверняка, интересным.

— Не у меня лично.

— Не. у тебя лично, — повторил месье Папаполоус, — нет, нет, конечно, не у тебя. И что, есть какие-нибудь новости?

Он огляделся, и взгляд его утратил царственность и мягкость.

— Новостей нет. Попытка не состоялась. Да я и не ожидал иного.

— Вот именно, — согласился месье Папаполоус — Тем более что жестокость... — И он сделал жест, показывающий, что не приемлет ее.

Действительно, ничего подобного не могло быть связано с именем Папаполоуса и его сокровищами.

Его хорошо знали во многих европейских королевских семьях, и царственные особы дружески называли его Деметрусом. Он имел репутацию весьма осторожного человека. Все это вместе с его

респектабельным обликом уже не раз позволяло рассеять малоприятные подозрения...

— Прямое нападение. — Месье Папаполоус покачал головой. — Иногда это срабатывает, но очень редко.

Собеседник пожал плечами.

— Зато экономит время, — заметил он, — и ровным счетом ничего не стоит, или почти ничего. Ладно, сделаем по-другому.

— О! — воскликнул антиквар, внимательно глядя на Маркиза.

Тот едва заметно кивнул:

— Я абсолютно уверен в твоей... репутации, — произнес антиквар.

Маркиз любезно улыбнулся.

— Думаю, — пробормотал он, — что и твоя репутация не пострадает.

— У тебя уникальные возможности... — В голосе антиквара послышались нотки зависти.

— Я сам их создаю, — сказал месье Маркиз.

Он встал и взял накидку, небрежно брошенную им на спинку стула.

— Буду информировать тебя по своим каналам, но наша договоренность должна остаться в силе, — как бы подытожил он.

— Я всегда держу свое слово. — Месье Папаполоус разволновался.

Маркиз улыбнулся и, не попрощавшись, закрыл за собой дверь.

Некоторое время месье Папаполоус пребывал в задумчивости, разглаживая свою почтенную белую бороду, а затем подошел к другой двери. Когда он повернул ручку, женщина, которая, вне всякого сомнения, подслушивала через замочную скважину, отпрянула. Месье Папаполоус не проявил ни удивления, ни раздражения. Для него это было в порядке вещей.

— Ну что, Зия?

— Я не слышала, как он ушел, — объяснила та.

Это была симпатичная молодая женщина с темными блестящими глазами, столь похожая на месье Папаполоуса, что сразу можно было сказать: перед вами отец и дочь.

— Жаль, — продолжала она сокрушенно — что нельзя слушать и одновременно смотреть через замочную скважину.

— Я сам частенько жалею об этом, — понимающе сказал месье Папаполоус.

— Значи, это и есть месье Маркиз, — тихо проговорила Зия. — Он всегда носит маску, отец?

— Всегда.

— Полагаю, что речь шла о рубинах? — после небольшой паузы спросила Зия.

Отец кивнул.

— Что ты думаешь, малышка? — Глаза его зажглись любопытством.

— О Маркизе?

— Да.

— Думаю, — тихо ответила Зия, — это большая редкость — англичанин, который так хорошо говорит по-французски!

Он не перебивал ее, слушая с милостивым интересом.

— Еще я думаю, — продолжила Зия, — что у него голова необычной формы.

— Большая, — согласился отец. — Неправдоподобно большая. Но так обычно бывает, когда надет парик.

Они посмотрели друг на друга и улыбнулись.

Глава 3

Огненное сердце

Миновав вращающиеся двери отеля «Савой», Руфус Ван Алдин подошел к конторке. Клерк почтительно приветствовал его.

— Рад видеть вас снова, мистер Ван Алдин!

Американский миллионер кивнул в ответ.

— Все в порядке?

— Да, сэр. Майор Найтон в номере.

Ван Алдин кивнул снова.

— Почта? — поинтересовался он.

— Ее уже отнесли вам, мистер Ван Алдин. Ой, одну минутку. —

Клерк пошарил в конторке и вынул письмо. — Только что получили, — объяснил он, Руфус Ван Алдин взял письмо. Когда он увидел неровный женский почерк на конверте, выражение его лица резко изменилось. Оно потеплело, линия губ расслабилась. В эту минуту он мог показаться совсем другим человеком.

Держа письмо в руке, он пошел к лифту, и улыбка не сходила с его лица.

В гостиной его номера за столом сидел молодой человек, аккуратно сортируя корреспонденцию.

— Хэлло, Найтон!

— Рад видеть вас, сэр. Все в порядке?

— Конечно, — равнодушно ответил миллионер. — В Париже сейчас весьма скучно, хотя я получил что хотел.

Он мрачно улыбнулся.

— Как всегда, — тоже улыбнулся секретарь.

— Безусловно!

Он произнес это тоном, каким обычно говорят об общеизвестном факте.

Сняв пальто, повернулся к столу.

— Что-нибудь срочное есть?

— Не думаю, сэр. Все как обычно. Я еще не закончил...

Ван Алдин едва кивнул. Он редко выказывал похвалу или порицание. Его метод общения с подчиненными был весьма прост: он

подвергал их суровому испытанию и оставлял лишь тех, кто успешно с ним справлялся. Отбирал людей он нетрадиционным способом. Найтона, например, Ван Алдин случайно повстречал на одном из швейцарских курортов месяца два назад. Обратил на него внимание и ознакомился с послужным списком, из которого узнал, что легкая хромота — следствие ранения во время войны. Найтон не делал секрета из того, что ищет работу, и спрашивал у миллионера, не порекомендует ли он его на какую-нибудь приличную должность.

Ван Алдин с самодовольной улыбкой вспоминал шок, в который впал молодой человек, когда ему была предложена должность секретаря.

— Но, но у меня нет опыта в таких делах, — смутился он.

— Это не важно! Для таких дел у меня есть три секретаря. Но я собираюсь в Англию на полгода, и мне нужен англичанин со связями, который знает жизнь этой страны.

Пока Ван Алдин не раскаивался в своем выборе.

Найтон оказался энергичным, умным и сообразительным человеком, к тому же с очаровательными манерами.

Секретарь показал на три или четыре письма.

— Было бы неплохо, если бы вы не откладывая ознакомились с ними. Самое важное — о Колтонском соглашении...

Но Руфус Ван Алдин сделал, протестующий жест.

— Не буду читать их на ночь. Подождут до утра, Все, кроме этого. — И он кивнул на письмо, которое держал в руке. Ричард Найтон понимающе улыбнулся.

— Миссис Кеттеринг? Она звонила вчера и сегодня. Кажется, хочет срочно видеть вас, сэр.

— Срочно?

Улыбка сошла с лица миллионера. Он распечатал конверт и начал читать письмо. Его лицо постепенно темнело, а губы сжимались в тонкую мрачную линию, которую на Уолл-стрит знали слишком хорошо. Найтон деликатно отвернулся, продолжая распечатывать и сортировать корреспонденцию.

Миллионер со злостью ударил кулаком по столу.

«Я не потерплю этого, — пробормотал он про себя. — Бедная маленькая девочка! Ну ничего, у нее есть отец, который не даст ее в обиду».

Несколько минут он ходил по комнате взад и вперед с угрюмо сдвинутыми бровями. Найтон по-прежнему сидел за столом. Вдруг Ван Алдин заторопился.

Он взял пальто, брошенное на спинку стула.

— Вы уходите, сэр?

— Да, я зайду к дочери.

— Если люди Колтона позвонят...

— Скажи, чтобы убирались к дьяволу! — воскликнул Ван Алдин.

— Хорошо, — спокойно отозвался Найтон.

Ван Алдин был уже в пальто и шел к двери, надевая шляпу. Перед тем как выйти, он задержался.

— Ты хороший парень, Найтон! Ты не дергаешь меня, когда я не в себе.

Найтон ограничился легкой улыбкой.

— Руфь — мой единственный ребенок, — продолжал Ван Алдин, — и никто не знает, что она значит для меня.

Добрая улыбка на миг озарила его лицо. Он опустил руку в карман.

— Хочешь кое-что увидеть, Найтон?

И он снова подошел к секретарю, достал коробочку, небрежно завернутую в бумагу, открыл ее. В ней оказался красный бархатный футляр с короной и инициалами, а в нем камни, красные как кровь.

— Боже мой! — воскликнул Найтон. — Они настоящие?

Ван Алдин довольно рассмеялся.

— Меня не удивляет твой вопрос. Среди этих рубинов три — самые большие в мире. Екатерина Великая носила их, Найтон. Тот, что в центре, называется Огненное сердце. Он прекрасен, ничего не скажешь.

— Однако, — пробормотал секретарь, — они, наверное, стоят целое состояние.

— Четыре или пять сотен тысяч долларов, — равнодушно сказал Ван Алдин.

— Не считая их исторической ценности, конечно.

— И вы вот так, запросто носите это в кармане?

Ван Алдин удовлетворенно рассмеялся.

— Вот именно. Это мой маленький подарок для Руфи.

Секретарь сдержанно улыбнулся.

— Теперь я понимаю, почему миссис Кеттеринг так волновалась, когда звонила, — заметил он.

— А вот тут ты ошибся. — Ван Алдин покачал головой. — Она ничего не знает, это сюрприз.

Он закрыл футляр и начал снова упаковывать его.

— Если бы ты знал, Найтон, как это трудно. Как мало мы можем сделать для тех, кого любим. Я мог бы купить огромный участок земли для Руфи, если бы в этом — был хоть какой-то смысл. Я могу надеть эти камни ей на шею и тем самым подарить миг, ну, или чуть больше радости, быть может, но...

Он покачал головой.

— Когда женщина несчастлива в собственном доме...

Он не закончил фразы. Секретарь понимающе кивнул. Он знал как никто репутацию Дерека Кеттеринга. Ван Алдин засунул пакет в карман, кивнул Найтону и вышел из комнаты.

Глава 4

На Керзон-стрит

Миссис Кеттеринг жила на Керзон-стрит. Привратник, открывший дверь, сразу узнал Ван Алдина. Улыбнувшись, он посторонился, пропуская его вперед, проводил до гостиной.

— В чем дело, дадди, куда это годится? — Женщина, сидевшая у окна, вскочила. — Я звонила майору Найтону весь день, пытаюсь поймать тебя, но он не знал, когда ты вернешься.

Руфи Кеттеринг было двадцать восемь лет. Ее трудно было назвать красивой или хотя бы хорошенькой, но она была интересной женщиной. В молодости Ван Алдин был огненно-рыжим, и у Руфи волосы были золотисто-каштановыми, почти рыжими. Темные глаза и очень черные ресницы (скорее всего, крашенные). Руфь была высока, стройна и грациозна.

Беззаботный взгляд придавал ее лицу некоторое сходство с лицом мадонны Рафаэля. И лишь присмотревшись, можно было заметить, что очертания губ и подбородка были столь же тяжелы и определены, как и у отца. Это хорошо для мужчины, но не для женщины. С самого детства Руфь привыкла идти своей дорогой, и тот, кто оказывался на ее пути, быстро понимал, что имеет дело с истинной дочерью Ван Алдина.

— Найтон сказал, ты звонила. Я всего полчаса как вернулся из Парижа. Что все это значит насчет Дерека?

Руфь покраснела от злости.

— Это не поддается никакому описанию. Он перешел все границы. Он... он даже слушать меня не хочет! — В ее голосе слышались не только злость, но и недоумение.

— Меня он выслушает, — мрачно произнес Ван Алдин.

— Я почти не вижу его последний месяц. Он всюду появляется с этой женщиной.

— С какой женщиной?

— Мирель. Она танцует в «Пантеоне», ты знаешь...

Ван Алдин кивнул.

— Я ездила в Леконбери на прошлой неделе. Я... я все рассказала лорду Леконберийскому.. Он добр ко мне, и он мне сочувствует. Сказал, что как следует поговорит с Дерекком.

— А! — воскликнул Ван Алдин.

— Что означает твое «а»?

— Только то, что ты подумала, Руфь. Бедный старый Леконбери... Тряпка! Вполне естественно, что он симпатизирует тебе и пытался тебя успокоить. Ведь его сын, наследник, женат на дочери богатейшего в Штатах человека... Но он одной ногой уже стоит в могиле, это знает каждый, как и то, что ничто из того, что он скажет, на Дерека не подействует.

— Неужели ты не можешь что-нибудь сделать, дадди? — воскликнула Руфь после минутной паузы.

— Могу. — Он помолчал, размышляя. — Есть несколько вещей, которые я могу сделать, но лишь одна из них имеет смысл. Насколько ты смела, Руфь?

Она пристально посмотрела на отца. Он утвердительно кивнул.

— Я имею в виду именно то, что сказал. Готова ли ты на весь мир признать, что совершила ошибку? Это единственный выход. Можешь ты все начать с начала?

— Ты имеешь в виду...

— Да, развод.

— Развод?

Ван Алдин сухо улыбнулся.

— Ты произнесла это слово, Руфь, словно никогда не слышала его раньше. Хотя твои друзья делают это чуть ли не каждый день.

— О, конечно, но...

Она запнулась, облизывая губы. Отец понимающе кивнул.

— Я знаю, Руфь, ты любишь меня, ты не хочешь, чтобы поползли слухи. Но я понял, и ты должна понять, что это — единственный путь. Я могу вернуть Дерека, но конец все равно один. Он — плохой человек, Руфь. И чем дальше, тем хуже. Представь, я клянусь тебе за то, что позволил тебе выйти за него замуж. Но тебе этого так хотелось. Мне казалось, что у него самые благие намерения, к тому же я пересек тебе однажды путь, милая...

Произнося последние слова, он не смотрел на нее.

А если бы взглянул, то увидел бы, как кровь прилила к ее лицу.

— Да, пересек, — мрачно подтвердила она.

— Было бы бессердечным сделать так во второй раз. Но если бы ты знала, как мне этого хотелось... Последние несколько лет ты была несчастна, бедняжка.

— Да, ты был не в восторге от моего замужества.

— Именно поэтому я и считаю, что это надо прекратить. — Он грохнул кулаком по столу. — Развяжи этот узел. Смотри в лицо фактам. Дерек Кеттеринг женился на тебе ради денег. Это ясно. Поэтому так все и вышло. Кончай с ним, Руфь.

Несколько секунд Руфь сидела опустив голову.

— Думаешь, он согласится?

Ван Алдин удивленно взглянул на нее.

— Да ему нечего будет возразить.

Она покраснела и облизала губы.

— О, конечно, нет, но...

Она замолчала. Отец пристально посмотрел ей в глаза.

— Ты о чем?

— Я хочу сказать... — Она замолчала, подбирая слова. — Он так просто этого не оставит...

— Ты имеешь в виду, что он будет сопротивляться? Пусть. Но ты не права: любой адвокат объяснит ему, что это бессмысленно.

— Но ты не думаешь... — Она опять запнулась. — Я не имею в виду открытую борьбу, но он наверняка попытается сделать мою жизнь невыносимой...

Отец с недоумением взглянул на нее.

— Начать процесс, ты это хочешь сказать?

Миссис Кеттеринг не ответила. Ван Алдин внимательно посмотрел на нее.

— Подойди ко мне, Руфь. Что тебя тревожит?

— Да нет, ничего. — В ее голосе не было уверенности.

— Ты боишься огласки, да? Предоставь это мне. Я сделаю все так, чтобы было как можно меньше шума и сплетен.

— Ну ладно, дадди, пусть так, если ты и впрямь уверен, что это лучший выход.

— У тебя еще остались какие-то иллюзии насчет этого парня?

— Нет.

Руфь произнесла это вполне естественно. Ван Алдин, казалось, был удовлетворен. Он потрепал дочь по плечу.

— Все будет хорошо, малышка. Не беспокойся. Ну а теперь давай забудем обо всем. Я привез тебе подарок из Парижа.

— Мне? Наверно, что-то очень красивое?

— Надеюсь, именно так ты это и оценишь. — Ван Алдин улыбнулся.

Он вынул сверток из кармана пальто и отдал его дочери. Аккуратно развернув его и распечатав коробочку, она открыла футляр. Длинное «ах!» сорвалось с ее губ. Руфь Кеттеринг обожала драгоценности.

— Дад! Это просто... это просто восхитительно!

— Прекрасные камни. — Ван Алдин был доволен. — Тебе они нравятся?

— Нравятся? Да они уникальны! Где ты достал их?

— Это мой секрет. Камни достались мне, конечно, конфиденциально. Они знаменитые. Видишь этот большой в середине? Возможно, ты слышала о нем. Это «Огненное сердце».

— Огненное сердце! — повторила Руфь.

Она вынула драгоценные камни из футляра и приложила их к груди. Глядя на Руфь, миллионер думал о женщинах, тех, что носили их, эти камни, с которыми были связаны трагедии, страдания, умопомешательства, особенно с Огненным сердцем. Однако, так по крайней мере казалось, попав в твердые руки Руфи Кеттеринг, он утратил свою роковую силу.

Расчетливая уверенность этой западной женщины не вязалась с трагедиями и сумасшествиями. Руфь положила драгоценности в футляр, подбежала к отцу и обвила его шею руками.

— Спасибо, спасибо, дад. Они изумительны. Ты всегда даришь мне замечательные вещи.

— Это так. — Ван Алдин обнял дочь. — Но ведь ты — единственное, что у меня есть.

— Ты пообедаешь со мной?

— Не думаю. Ты, наверное, должна уйти?

— Я могу все отменить. Это не столь важно.

— Нет, не меняй своих планов. Да и у меня куча дел. Увидимся завтра, дорогая. Я позвоню тебе. Мы можем встретиться у Гэлбрейтов.

Гэлбрейты были лондонскими адвокатами Ван Алдина.

— Хорошо. — Она запнулась. — Надеюсь, это не помешает мне поехать на Ривьеру?

— Когда ты собираешься ехать?

— Четырнадцатого.

— О, все будет хорошо. Это потребует немного времени. Но на твоём месте, Руфь, я бы не стал брать рубины за границу. Оставь их лучше в банке.

Миссис Кеттеринг согласно кивнула.

— Я не хочу, чтобы тебя убили из-за Огненного сердца, — пошутил миллионер.

— Ага, вот почему ты носишь их в кармане, дадди! — рассмеялась дочь.

— Да.

Что-то в его тоне насторожило ее.

— Что такое, дад?

— Ничего. — Он улыбнулся. — Вспомнил о маленьком, происшествии в Париже.

— Происшествии?

— Да. Это произошло в ту ночь, когда я купил их. — Он указал на камни.

— О, расскажи!

— Нечего рассказывать, Руфь. Какие-то грабители напали на меня. Я выстрелил, они удрали. Вот и все.

Она с гордостью посмотрела на него.

— Ты крепкий орешек, дад.

— Какой есть, Руфь.

Он поцеловал ее и ушел. Вернувшись в «Савой», он дал Найтону поручение:

— Разущи человека по имени Гоби. Пусть он придет сюда завтра утром. Его адрес найдешь в моей записной книжке. В половине десятого он должен быть здесь.

— Да, сэр, — Я также хочу видеть мистера Кеттеринга. Свяжись с ним. Попытайся разыскать его в клубе, пусть он придет завтра утром, но попозже, ближе к двенадцати. Такие люди, как он, рано не встают.

Секретарь понимающе кивал. Ван Алдин предоставил себя в распоряжение слуги. Ванна была готова, и он погрузился в горячую

воду, продолжая думать о разговоре с дочерью. В целом он был доволен: Руфь согласилась на развод более охотно, чем он ожидал.

Однако что-то в ее словах ему не нравилось. И он пробормотал про себя:

«Может, я фантазирую, но мне кажется, она не все говорит мне».

Глава 5

Полезный джентльмен

Руфус Ван Алдин только что закончил свой завтрак: кофе и сухой тост, все, что он обычно позволял себе, — когда в комнату вошел Найтон.

— Мистер Гоби здесь, сэр, ожидает приема.

Миллионер взглянул на часы. Половина десятого — минута в минуту.

— Олл райт, — проговорил он. — Пусть войдет.

Через пару минут в комнате появился мистер Гоби.

Это был маленький стареющий мужчина в довольно потертой одежде. Его внимательные глаза всегда смотрели в сторону и никогда — на собеседника.

— Доброе утро, Гоби, садитесь.

— Благодарю, мистер Ван Алдин.

Мистер Гоби уселся, сложив руки на коленях и заинтересованно разглядывая радиатор.

— У меня есть для вас работа.

— Да, слушаю, мистер Ван Алдин.

— Моя дочь замужем за Дерексом Кеттерингом, это вам, конечно, известно.

Мистер Гоби перевел взгляд с радиатора на левый ящик письменного стола и позволил себе неодобрительную усмешку. Мистер Гоби знал многое, но не любил этого показывать.

— По моему совету она собирается подать прошение о разводе. Конечно, это дело адвокатов. Но я желал бы получить наиболее полную информацию.

Мистер Гоби посмотрел на карниз и пробормотал:

— О мистере Кеттеринге?

— О мистере Кеттеринге.

— Хорошо, сэр.

Мистер Гоби поднялся.

— Когда вы это сделаете?

— Вы торопитесь, сэр?

— Я всегда тороплюсь, — ответил миллионер.

Мистер Гоби улыбнулся каминной решетке.

— Может, встретимся сегодня в два часа пополудни, сэр?

— Отлично! — воскликнул миллионер. — Пока, Гоби.

— Всего хорошего, мистер Ван Алдин.

— Это очень нужный человек, — сказал миллионер, когда Гоби вышел и вошел секретарь. — В своем деле он мастер.

— В каком именно?

— Информация. Дай ему двадцать четыре часа, и он раскопает частную жизнь архиепископа Кентерберийского.

— Действительно, нужный малый, — с улыбкой заметил Найтон.

— Пару раз он оказывал мне услуги, — сказал миллионер. — Ну, а теперь, Найтон, я готов поработать.

Следующие несколько часов они занимались делами.

В половине первого зазвонил телефон: пришел мистер Кеттеринг. Найтон вопросительно посмотрел на Ван Алдина.

— Пожалуйста, попросите мистера Кеттеринга войти.

Секретарь отложил бумаги и направился к двери, где столкнулся с Дерекком. Тот посторонился, давая пройти секретарю.

— Доброе утро, сэр. Я слышал, вы жаждали меня видеть.

Ленивый голос, легкая ирония в тоне воскресили в душе Ван Алдина воспоминания. Нет, все-таки в Дерекке был определенный шарм. Миллионер пристально посмотрел на него. Дерекку Кеттерингу было тридцать четыре.

Хорошо сложен, смуглое узкое лицо, а котором сохранилось что-то неуловимо мальчишеское.

— Заходи, — пригласил его Ван Алдин. — Присаживайся.

Кеттеринг легко, погрузил себя в кресло. Он смотрел на тестя с выражением терпеливого удивления.

— Давно не видел вас, сэр, — произнес он наконец, — около двух лет, кажется. Руфь видели?

— Вчера вечером, — ответил Ван Алдин.

— Выглядит неплохо, не так ли? — беззаботно поинтересовался зять.

— Полагаю, об этом тебе судить, — сухо ответил миллионер.

Дерек поднял брови.

— О, иногда мы случайно встречаемся в одном ночном клубе, — невинно произнес он.

— Я не собираюсь толковать о кабаках, — сказал Ван Алдин. — Я посоветовал Руфи развестись с тобой.

Дерек не дрогнул.

— Круто! — пробормотал он. — Ничего, если я закурю?

Он зажег сигарету, выпустил клуб дыма и бесстрастно поинтересовался:

— И что же Руфь?

— Руфь предпочитает последовать моему совету.

— Неужели?

— И это все, что ты можешь сказать? — Ван Алдин взорвался.

Кеттеринг стряхнул пепел в камин.

— Думаю, вы понимаете, — он с трудом подбирая слова, — что она делает огромную ошибку.

— С твоей точки зрения — несомненно, — мрачно проговорил Ван Алдин.

— Не надо переходить на личности. Сейчас я думаю не о себе. Я думаю о Руфи. Вы знаете, что мой бедный старый родитель долго не протянет, все врачи это подтвердили. Руфи лучше дожидаться, когда я стану лордом Леконберийским, ведь именно ради этого она вышла за меня.

— Я не собираюсь терпеть твои дерзости! — рявкнул Ван Алдин.

Дерек Кеттеринг улыбнулся ему, даже не шевельнувшись.

— Согласен с вами. Это старомодно. Сегодня титулы ничего не значат. Однако Леконбери — великолепный родовой замок, и в конце концов мы старейшая в Англии фамилия. Руфь огорчится, узнав, что другая женщина, а не она, получила мой титул.

— Молодой человек, я не шучу, — сказал Ван Алдин.

— Я тоже. Я на мели, и, если Руфь разведется со мной, я попаду в долговую яму. Она ждала десять лет, почему не подождать еще немного? Я даю слово чести: старик доживает последние месяцы, и будет обидно, если Руфь не получит того, ради чего она за меня вышла.

— Ты и впрямь думаешь, что моя дочь вышла за тебя замуж ради твоего титула и положения?

— А вы думаете, из-за огромной любви? — Дерек Кеттеринг засмеялся, но отнюдь не веселым смехом.

— Я помню, — тихо произнес Ван Алдин, — что десять лет назад ты рассуждал иначе.

— Правда? Хотя, наверное. Руфь была очень красивой, она напоминала мне ангела или святую — словом, то, что стоит в церковной нише. А я, смешно сказать, мечтал начать новую жизнь, остепениться, жить в высочайших традициях старинного английского рода, с женой, которая любила бы меня.

И он снова засмеялся, но еще более невесело.

— Но вы, наверно, не верите мне?

— Не сомневаюсь, что ты женился на Руфи ради ее денег, — уверенно ответил Ван Алдин.

— И что она вышла за меня по любви? — иронически проговорил Дерек.

— Конечно.

Дерек Кеттеринг минуту-другую смотрел на него, затем удовлетворенно кивнул.

— Вижу, вы верите в это. Впрочем, как и я в свое время. Но уверяю вас, мой дорогой тесть, очень скоро мое заблуждение было рассеяно.

— Я не знаю, к чему ты клонишь, и не хочу знать. Ты здорово мучил Руфь.

— Да, — равнодушно согласился Дерек. — Но она же как кремень. Она — ваша дочь. С виду овечка, а внутри — кремень. Вы тяжелый человек, но Руфь, уверяю вас, еще тяжелее. Вы хотя бы одно существо любите больше, чем себя. Руфь никогда никого не любила и не будет любить.

— Довольно, — прервал его Ван Алдин. — Я позвал тебя, чтобы сообщить, что я намерен делать. Моя дочь заслужила немного счастья, знай это, как и то, что за ней стою я.

Дерек Кеттеринг подошел к камину, швырнул сигарету. Когда он заговорил, голос его был очень спокойным.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, — ответил Ван Алдин, — что тебе не стоит пытаться раздувать это дело.

— Это угроза?

— Понимай это как угодно, — отрезал. Ван Алдин.

Кеттеринг придвинул кресло к столу. Сел прямо напротив миллионера.

— И вы думаете, — спросил он, — что только ради вашего спокойствия я не буду поднимать шума?

— Не вздумай встать на моем пути! Глупец! Расспроси своих адвокатов, они все растолкуют тебе. Твои похождения известны всему Лондону.

— Руфь что, злится из-за Мирель? Это очень глупо. Я же не обращаю внимания на то, с кем она дружит.

— Что ты хочешь этим сказать? — разгневанно спросил Ван Алдин.

— Я вижу, вы ничего не знаете, сэр. — Дерек Кеттеринг рассмеялся. — Вы пребываете в неведении.

Он взял шляпу и трость и направился к двери.

— Давать советы не в моих правилах. — Он сделал паузу. — Но я бы хотел, чтобы ваша дочь была честной с вами — своим отцом.

Он быстро вышел, закрыв за собой дверь в тот момент, когда миллионер вскочил.

— Какого черта, что он имел в виду? — проговорил Ван Алдин, снова плюхаясь в кресло.

Сомнения вспыхнули в нем с новой силой. Что-то не уместилось в его схему. Он снял телефонную трубку и попросил соединить его с дочерью.

— Алло! Алло! Миссис Кеттеринг у себя? Ее нет? Когда она вернется? Вы не знаете? О, хорошо нет передавать ничего не надо.

Ван Алдин рассерженно положил трубку. В два часа он пошел в свою комнату. Гоби пришел в десять минут третьего.

— Ну что? — нетерпеливо рявкнул Ван Алдин.

Но маленький мистер Гоби не спешил. Он сел за стол, вынул очень потрепанную записную книжку и принялся читать монотонным голосом. Миллионер слушал внимательно и со все возрастающим удовлетворением. Наконец Гоби прекратил чтение и уставился в корзину для бумаг.

— Хм, — произнес Ван Алдин — все совершенно ясно. Насчет отеля это точно?

— Абсолютно. — Гоби остановил меланхолический взгляд на ручке кресла.

— Он действительно на мели. Пытается сделать заем вы говорите? Он практически растранижил все отцовское состояние? Как только известие о разводе разнесется, он не сможет занять ни цента, и не только это. Его облигации можно скупить и хорошенько надавить на него. Мы скрутим его, Гоби, мы как следует прижмем его.

Он ударил кулаком по столу. Выражение его лица было торжественно-мрачным.

— Информация, — тонким голосом проговорил Гоби, — исчерпывающая.

— Я должен зайти сейчас на Керзон-стрит. Я очень обязан вам, Гоби. Вы превосходны.

Бледная улыбка благодарности проступила на лице маленького человека.

— Благодарю вас, мистер Ван Алдин. Я стараюсь делать все что могу.

Ван Алдин не сразу пошел на Керзон-стрит. Сначала он зашел в Сити, где имел две беседы, полностью его удовлетворившие. Затем на метро доехал до Даун-стрит.

Когда он шел по Керзон-стрит, кто-то вышел из дома номер 160 и пошел навстречу ему. На мгновение Ван Алдину показалось, что это Дерек — рост и фигура те же. Но когда они поравнялись, он понял, что человек ему незнаком.

Хотя нет, ему показалось, что он где-то уже видел это лицо, и оно было связано с чем-то неприятным. Он напряг свою память, но тщетно, а посему его охватило раздражение: он терпеть не мог неясности, Руфь Кеттеринг ждала отца. Когда он вошел, она подбежала к нему и поцеловала его.

— Как дела, дад?

— Отлично, но мне надо сказать тебе пару слов.

Он почувствовал: что-то в ней неуловимо изменилось, она несколько напряглась. Он уселся в большое кресло.

— Ну, дад, — проговорила она, — что же ты хотел мне сказать?

— Сегодня утром я видел твоего мужа.

— Ты видел Дерекка?

— Да, и он много чего наговорил. В основном пустое. Но уходя, сказал нечто, оставшееся мне непонятным. Он пожелал, чтобы ты была честной со мной. Что он имел в виду, Руфь?

Миссис Кеттеринг вздрогнула.

— Не знаю, дад. Откуда мне знать?

— Наверняка знаешь, — возразил Ван Алдин. — Он сказал также, что у него свои друзья и что он не интересуется твоими. Что он имел в виду?

— Не знаю, — повторила Руфь Кеттеринг.

Ван Алдин сел. Его губы сжались в мрачную линию.

— Послушай, Руфь, я не могу действовать вслепую. Я не уверен в том, что он не станет делать тебе неприятностей. Я могу заставить его замолчать, но я должен знать, что мне следует это сделать. Что он имел в виду, говоря о твоих друзьях?

Миссис Кеттеринг пожала плечами.

— У меня много друзей, — неуверенно проговорила она. — Не представляю, кого он имел в виду.

— Неправда! — Он заговорил своим обычным деловым тоном. — Я буду более конкретен. Кто этот мужчина?

— Мужчина?

— Мужчина. Дерек клонил именно к нему. Некий особенный мужчина, твой друг. Не беспокойся, радость моя, я уверен, все это ерунда, но мне должно быть известно все, что может заинтересовать суд. Они ведь, знаешь, как могут все перетолковать! Я хочу знать, кто этот мужчина и до какой степени ты с ним дружна.

Руфь не ответила, но ее руки нервно сжались.

— Ну, радость моя, — мягко продолжил Ван Алдин, — не бойся своего старого отца. Неужели я страшен, неужели я был страшен даже тогда, в Париже?

Тут он запнулся, как громом пораженный.

— Так вот кто это был, — пробормотал он себе под нос. — Думаю, я его знаю.

— О чем ты, дад? Не понимаю.

Ван Алдин подошел к ней и сильно сжал ее запястья.

— Слушай, Руфь, ты снова встречаешься с ним.

— С кем?

— С ним, из-за которого мы с тобой поссорились несколько лет назад. Ты знаешь, о ком я говорю.

— Ты имеешь в виду... — Она запнулась. — Ты имеешь в виду графа де ла Роше?

— Граф де ла Роше! — вскричал Ван Алдин. — Я говорил тебе тогда, что этот человек жулик. У вас тогда все зашло слишком далеко, но я вырвал тебя из его лап.

— Да, ты это сделал. — Руфь была подавлена. — И я вышла замуж за Дерек.

— Ты хотела этого, — сердито возразил миллионер.

Она пожала плечами.

— И вот, — тихо произнес Ван Алдин, — ты снова встречаешься с ним. После всего, что я говорил тебе! Сегодня он был у тебя. Я встретил его на улице, но сразу не узнал.

Руфь Кеттеринг успокоилась.

— Я хочу сказать тебе одну вещь, дад. Ты заблуждаешься насчет Арманда, то есть графа де ла Роше. Да, в молодости с ним было несколько неприятных случаев, он рассказывал мне о них, но... Но он страдает из-за меня. Его сердце было разбито, когда ты разлучил нас в Париже, и вот теперь...

Ее перебил возмущенный голос отца.

— И ты этим забиваешь свою голову? Ты, моя дочь? Бог мой! — Он взмахнул руками. — Только женщина может быть такой дурой!

Глава 6

Мирель

Дерек Кеттеринг вышел из номера Ван Алдина так стремительно, что налетел на женщину, которая шла по коридору ему навстречу. Он извинился, она со сдержанной улыбкой приняла его извинение, они разошлись, но в его душе осталось сияние ее больших серых глаз.

Хоть он и старался не подавать виду, разговор с тестем задел его. После ленча он в мрачном расположении духа отправился к женщине, известной под именем Мирель. Аккуратная француженка встретила его с улыбкой:

— Входите, месье. Мадемуазель отдыхает.

Он вошел в комнату, обставленную в восточном стиле. Мирель лежала на диване среди множества подушек янтарных тонов, гармонично сочетавшихся с золотистым цветом ее кожи. Мирель была красива, застывшее на ее лице выражение усталости придавало ей эксцентричный шарм. Мирель улыбнулась ему оранжевыми губами.

Поцеловав ее, Дерек уселся в кресло.

— Чем ты занималась? Только проснулась?

— Нет, — ответила танцовщица, — я работала, Длинной бледной рукой она показала на рояль, на котором лежали ноты.

— Был Амброзии. Он играл свою новую оперу.

Кеттеринг рассеянно кивнул. Ему были глубоко безразличны Клайд Амброзии и его новая постановка «Пер Гюнта».

— Дивные танцы! — сказала Мирель. — Я покорю всех. Буду танцевать в драгоценностях. Ах, mon ami^[2], я видела вчера такой жемчуг на Бонд-стрит! Черный жемчуг!

Она выжидательно замолчала.

— Моя дорогая девочка! Бессмысленно говорить мне о черном жемчуге: я, если я правильно все понимаю, разорен.

Она поняла, что он не шутит, и вскочила. Глаза ее расширились.

— О чем ты, Дерек, что случилось?

— Мой уважаемый тесть собирается меня уничтожить.

— То есть?

— Иными словами, он хочет, чтобы Руфь развелась со мной.

— Глупости! — воскликнула Мирель. — Из-за чего она хочет разводиться?

Дерек Кеттеринг помрачнел.

— В основном, наверное, из-за тебя, *cherie*^[3]!

Мирель пожала плечами.

— Чушь, — произнесла она тоном, не допускающим возражений.

— Ужасная чушь, — согласился Дерек.

— И что, же ты собираешься делать? — поинтересовалась Мирель.

— Моя дорогая девочка, что я могу сделать? С одной стороны — человек с неограниченной суммой Денег, с другой — человек с неограниченной суммой долгов. Нет сомнений насчет того, кто одержит победу.

— Какие они странные, эти американцы! Можно подумать, что твоя жена привязана к тебе.

— Ладно! Какой смысл во всех этих рассуждениях?

Мирель с обидой посмотрела на Дерека. Он подошел к ней и взял ее руки в свои.

— Ты же не бросишь меня?

— Что ты имеешь в виду? После...

— Да. После того как кредиторы набросятся на меня, как волки. Я чертовски привязан к тебе, Мирель. Ты не бросишь меня?

Она выдернула руки.

— Ты знаешь, что и я привязана к тебе, Дерек.

Но он почувствовал, что она уклоняется от ответа.

— Ах, вот что? Крысы бегут с тонущего корабля?

— Ах, Дерек!

— Ну, хватит об этом! Ты порываешь со мной, не правда ли?

Она пожала плечами.

— Я очень привязана к тебе, *mon ami*, ну право же, я действительно привязана к тебе. Ты такой симпатичный — *un beau garçon*, но *ce n'esr pas pratique*.^[4]

— Ты дорогая игрушка богачей, не так ли?

— Как тебе угодно. — Она откинулась на подушки. — Однако я действительно привязана к тебе.

Он подошел к окну и некоторое время стоял молча, глядя на улицу. Мирель приподнялась и заинтересованно посмотрела на него.

— О чем ты думаешь, mon ami?

— Я думаю о женщине, дорогая. — Он произнес это не оборачиваясь и необычным тоном.

— О женщине?

Мирель почувствовала нечто недоступное ее пониманию.

— Ты думаешь о другой женщине?

— Не волнуйся, это просто образ. Образ леди с серыми глазами.

— Где ты познакомился с ней? — злобно вскричала Мирель.

Дерек Кеттеринг ответил ей ироническим смехом:

— Я наскочил на леди в коридоре отеля «Савой».

— Да? И что же она сказала?

— Насколько я помню, я сказал: «Прошу прощения», а она ответила: «Ничего страшного» — или что-то в этом роде.

— И что дальше? — допытывалась танцовщица.

— А дальше ничего. Этим все и кончилось. — Кеттеринг пожал плечами.

— Я ни слова не поняла из того, что ты сказал, — объявила Мирель. — Образ леди с серыми глазами, — пробормотал Дерек невольно. — Не хотел бы я встретиться с ней снова.

— Почему?

— Она может принести мне несчастье. Как все женщины.

Мирель выскользнула из подушек и, подойдя к нему, положила длинные, как змеи, руки ему на плечи.

— Глупенький! — заговорила она. — Какой ты глупенький, Дерек! Ты beau garçon, и я привязана к тебе, но я не создана для бедности, нет, решительно, я не создана для бедности. Теперь выслушай меня: все Просто, ты должен помириться с женой.

— Боюсь, это уже неактуально, — сухо промолвил Дерек.

— Что ты говоришь? Не понимаю.

— Ван Алдин, моя дорогая, не отступится. Он такой человек, который что задумал, то и сделал.

— Я о нем слышала, — кивнула танцовщица. — Он очень богат, не так ли? Чуть ли не самый богатый человек Америки! Несколько дней назад в Париже он купил самый прекрасный рубин в мире. Он называется Огненное сердце.

Кеттеринг молчал. Мирель мечтательно продолжила:

— Это восхитительный камень, который должен принадлежать такой женщине, как я. Я люблю камни, Дерек, я понимаю, о чем они говорят. Ах, иметь бы Огненное сердце!

Она издала легкий вздох, а затем снова стала практичной.

— Ты ничего в этом не понимаешь, Дерек, ты всего лишь мужчина. Наверное, Ван Алдин подарит рубины дочери. Она — его единственный ребенок?

— Да.

— Значит, когда он умрет, все его богатства унаследует она? Она будет богатой женщиной.

— Она и так богатая женщина, — сухо ответил Дерек. — Он подарил ей несколько миллионов на свадьбу!

— Несколько миллионов! Это великолепно! А если она вдруг умрет? Все это получишь ты?

— На сегодняшний день да, — тихо ответил Дерек. — Насколько мне известно, она не писала завещания.

— Mon Dieu!^[5] — воскликнула танцовщица. — Значит, если она умрет, все проблемы решатся сами собой.

Наступила минутная пауза, затем Дерек неестественно рассмеялся.

— Мне всегда нравился твой практический ум, Мирель, но боюсь: того, чего ты желаешь, не будет.

Моя жена совершенно здорова.

— Eh blent!^[6] Бывают же несчастные случаи!

Он сердито посмотрел на нее.

Она продолжала:

— Но ты прав, mon ami, мы не должны полагаться на случай. Послушай, мой милый, ведь вокруг вашего развода поднимется шум. Твою жену это не пугает?

— А если нет?

Глаза танцовщицы сузились.

— Думаю, что испугает, мой друг. Она из тех, кто не любит огласки. Есть пара историй... Вряд ли ей захочется, чтобы ее друзья узнали о них из газет.

— Что ты имеешь в виду? — раздраженно спросил Дерек.

Мирель засмеялась, откинув голову.

— Parbleu!^[7] Я имею в виду джентльмена, который называет себя графом де ла Роше. Я знаю о нем все. Не забывай, что я парижанка. Он был ее любовником до вашей женитьбы, не так ли?

Кеттеринг рассерженно схватил ее за плечи.

— Это дьявольская ложь! Будь добра, запомни, что в конце концов она моя жена.

Мирель немного смутилась.

— Вы, англичане, странные, — произнесла она. — Однако, может, ты и прав. Американцы такие холодные, не так ли? Но все же позволь мне утверждать, mon ami, что она любила его до того, как вышла замуж за тебя. Ее отец послал графа подальше. И маленькая мадемуазель, бедняжка, пролила столько слез! Но она послушалась. Ты должен знать, Дерек, как знаю его я, что теперь началась другая история. Они видятся почти каждый день, и четырнадцатого она едет в Париж, где он будет ее ждать.

— Откуда ты все это знаешь? — возмутился Кеттеринг.

— Я? У меня в Париже друзья, мой дорогой Дерек, которые хорошо знают графа. Она говорит, что едет на Ривьеру, на самом же деле граф ждет ее в Париже и кто знает! Да, да, поверь моему слову, они обо всем договорились.

Дерек Кеттеринг застыл.

— Смотри же, — продолжала танцовщица, — если у тебя есть голова на плечах, твоя жена у тебя в руках. Ты можешь причинить ей большие неприятности.

— Ради Бога, успокойся, — воскликнул Кеттеринг, — закрой свой гнусный ротик!

Мирель, смеясь, снова опустилась на диван. Кеттеринг схватил пальто и шляпу и выскочил из квартиры, громко хлопнув дверью. А танцовщица осталась сидеть на диване, тихонько посмеиваясь про себя. Она была довольна собой.

Глава 7

Письма

«Миссис Сэмюэль Харфилд приветствует мисс Грей и настаивает на том, что мисс Грей не может в данных обстоятельствах...»

Миссис Харфилд остановилась, ибо принадлежала к типу людей, с трудом выражающих свои мысли на бумаге. После минутного размышления она начала сначала.

«Дорогая мисс Грей, до нас дошли слухи о том, что Вы выполнили свой долг, ухаживая за моей кузиной Эммой (чья смерть была большим ударом для нас), и я не могу не чувствовать...»

Миссис Харфилд снова остановилась. И снова письмо было смято и брошено в корзину для бумаг.

И только после четвертой попытки письмо было наконец написано и запечатано. Адрес на конверте гласил:

«Катарин Грей, Литтл Крэмpton, Сент Мэри Мед, Кент».

На другое утро письмо лежало на столе адресата вместе с письмом в голубом конверте, выглядевшем более презентабельно.

Вначале Катарин Грей распечатала письмо миссис Харфилд и прочитала следующее:

«Дорогая мисс Грей. Мой муж и я желаем выразить Вам нашу благодарность за помощь, которую Вы оказывали нашей бедной кузине Эмме. Ее смерть была большим ударом для нас, хотя мы давно не виделись.

Я поняла, что ее последнее завещание носит своеобразный характер и не может быть воспринято серьезно ни одним из судов. Не сомневаюсь, что при Вашем благородстве Вы уже поняли это. Будет лучше, если этот вопрос мы разрешим частным образом — так считает мой муж. Мы будем рады дать Вам рекомендательные письма и

надемся также, что Вы примете небольшой подарок. Доверьтесь мне, дорогая мисс Грей.

Искренне Ваша
Мэри Энн Харфилд».

Катарин Грей прочитала письмо, улыбнулась и еще раз перечитала его. На ее лице, когда она наконец отложила его в сторону, появилось насмешливое выражение. Затем она взялась за второе письмо.

Улыбка сошла с ее лица. Трудно было догадаться, о чем она думала.

Катарин Грей было тридцать три, Она родилась в хорошей семье, но отец ее разорился, и с юных лет Катарин пришлось работать. Ей было ровно двадцать три, когда она стала компаньонкой старой миссис Харфилд.

Все знали, что миссис Харфилд была трудным человеком. Компаньонки появлялись и исчезали со скоростью ветра. Они приходили, полные надежд, и уходили обычно в слезах. Однако с того момента, как в Литтл Крэмpton десять лет назад появилась Катарин Грей, здесь воцарился мир. Никто не знал, как это случилось. Обаяние, говорили люди, это врожденное, а не приобретенное качество. Катарин Грей родилась для того, чтобы успокаивать старых капризных леди, собак и маленьких мальчиков, и делала она это очень естественно.

В двадцать три Катарин Грей была уравновешенной девушкой с красивыми глазами. В тридцать три она была уравновешенной женщиной с теми же самыми глазами, сияющими, открытыми миру и выражающими полное его приятие. Кроме того, у нее было прекрасное врожденное чувство юмора.

Она все еще сидела за столом, глядя перед собой, когда раздался звонок, сопровождаемый энергичным стуком в дверь. В следующий момент появилась маленькая служанка и радостно доложила:

— Доктор Харрисон.

Большой, средних лет доктор вошел в комнату так стремительно, что сразу было понятно: это именно он стучал в дверь.

— Доброе утро, мисс Грей!

— Доброе утро, мистер Харрисон!

— Я пришел рано. — начал доктор, — боялся, что вы получите письмо от кузины Харфилд. Миссис Сэмюэль, как она сама себя называет, очень вредная особа.

Катарин молча протянула доктору письмо. Она не удивилась, увидев, как сдвигались его брови, пока он читал его.

— Отвратительное чудовище, — произнес он. — Не волнуйтесь, дорогая. Это все — вода в ступе. Миссис Харфилд была так же разумна, как вы и я, и никто не посмеет утверждать обратное. Они ничего не могут предъявить, и они это понимают. Все разговоры насчет суда — блеф. Поэтому они и намекают, что все надо решить конфиденциально. Но, моя дорогая, не разрешайте им провести себя. Не вбивайте себе в голову, что ваш долг поделиться с ними, и не будьте слишком щепетильной.

— Боюсь, мне это не грозит, — сказала Катарин. — Эти люди — дальние родственники мужа миссис Харфилд, и они ни разу не навестили ее и не писали ей.

— Вы чувствительная женщина, — сказал доктор. — Я знаю как никто другой, что последние десять лет вам было нелегко. Вы скрасили жизнь старой леди и заслужили за это небольшое вознаграждение.

Катарин задумчиво улыбнулась.

— Да... А сколько это, доктор?

— Думаю, что-то около пяти тысяч в год.

— Я тоже так думала. — Катарин кивнула. — Теперь прочитайте это.

Она протянула ему письмо в длинном голубом конверте. Читая его, доктор все больше и больше удивлялся.

— Невероятно, — бормотал он, — невероятно! ...Она была одним из главных пайщиков в Мортаулд. Уже сорок лет назад могла тратить восемь — десять тысяч в год. Но, насколько мне известно, никогда не тратила больше четырех. Она всегда была очень экономной. Я не переставал удивляться тому, что она считает каждый пенни. Однако это принесло свои плоды. Моя дорогая, вы становитесь очень богатой женщиной.

Катарин Грей кивнула.

— Да, — согласилась она равнодушно, как сторонний наблюдатель.

— Ну хорошо. — Доктор уже собрался уходить. — Поздравляю вас. Забудьте об этом дурацком письме. — Он показал на письмо миссис Харфилд.

— На самом деле это не дурацкое письмо, — спокойно возразила мисс Грей.

— Я считаю вполне естественным, что она его написала.

— Вы меня удивляете, — произнес доктор.

— Почему?

— Потому что находите естественными некоторые вещи.

Катарин Грей рассмеялась.

Доктор Харрисон во время обеда сообщил жене грандиозную новость. Жена очень обрадовалась.

— Чудная эта миссис Харфилд со своими деньгами. Но я так рада, что она все оставила Катарин Грей. Эта девушка — святая.

— Я иначе представлял себе святых, — возразил доктор. — Катарин Грей слишком человек, чтобы быть святой.

— Она святая, но с чувством юмора, — подмигнула жена. — Мне кажется, ты даже не замечаешь, что она красива.

— Катарин Грей? — Доктор был искренне удивлен. — У нее очень красивые глаза, вот и все.

— Ох уж эти мужчины! — воскликнула жена. — Слепые как кроты. У Катарин есть все, чтобы быть красивой. Что ей нужно, так это хорошая одежда, вот и все!

— Одежда? А что плохого в ее одежде? Она всегда выглядит очень мило.

Миссис Харрисон выразительно взглянула на него.

— Ты бы пригласила ее, Поли, — предложил доктор.

— Именно это я и собираюсь сделать.

— Дорогая, — сказала миссис Харрисон, пожимая Катарин руку, — я так рада, как и все в деревне.

— Как мило, что вы пригласили меня! Я как раз хотела расспросить о Джонни.

— О, Джонни! Ну так вот...

Джонни был младшим сыном миссис Харрисон. Она начала рассказывать длинную историю про аденоиды и тонзиллит Джонни. Катарин сочувственно слушала.

Привычки умирают с трудом. Слушать — вот что было основным ее занятием последние десять лет. «Моя дорогая, не помню, рассказывала ли я тебе о том бале в Портсмуте? Когда меня пригласил лорд Чарлз?»

И Катарин очень ласково и спокойно отвечала: «Может быть, рассказывали, миссис Харфилд, но я все забыла. Не могли бы вы рассказать снова?»

И старая леди начинала свой бесконечный рассказ, дополняя и исправляя уже сказанное, прерываясь, припоминая детали... А Катарин одной половиной сознания слушала, механически вставляя нужные слова, а второй — думала о своем.

Теперь точно так же она слушала миссис Харрисон.

Через полтора часа миссис Харрисон резко оборвала себя.

— Что это я, все о себе да о себе! — воскликнула она. — А ведь я собиралась поговорить о ваших планах.

— Я еще не знаю, что буду делать.

— Дорогая, но вы же, надеюсь, не намерены оставаться здесь?

Катарин улыбнулась тому ужасу, с каким это было произнесено.

— Мне кажется, я бы попутешествовала. Вы ведь знаете, что я нигде не была, — Конечно. Должно быть, вам приходилось скучать а последние годы?

— Не знаю, — ответила Катарин. — У меня было много свободы.

Она поймала недоверчивый взгляд своей собеседницы и продолжила:

— Наверное это звучит неубедительно, Конечно, физической свободы у меня не было...

— Разумеется, — согласилась миссис Харрисон, вспомнив, что у Катарин не было даже выходных.

— Но физическая несвобода дает много свободы духовной, свободы думать. А я предпочитаю духовную свободу.

— Мне это непонятно. — Миссис Харрисон покачала головой.

— О, на моем месте вы бы это поняли. Но я чувствую, что нужны перемены. Я хочу, чтобы что-нибудь случилось. Не со мной, не это я имею в виду. Но я хочу быть в гуще событий, настоящих событий, пусть даже только наблюдателем. Вы же знаете, что в Сент Мэри Мед ничего не случается.

— Действительно, — с сожалением признала миссис Харрисон. — Вначале я поеду в Лондон. Все равно мне необходимо увидеть адвокатов. Потом, наверно, отправлюсь за границу.

— Чудесно!

— Но, конечно, прежде всего...

— Что?

— Я должна приобрести одежду.

— Именно это я сказала Артуру сегодня утром, — воскликнула миссис Харрисон. — Знаете, Катарин, вы могли бы быть красавицей, если бы захотели.

Мисс Грей тихо засмеялась.

— Не думаю, что из меня можно сделать красавицу, — искренне сказала она. — Но приличная одежда мне и правда нужна. Боюсь, я слишком много говорю о себе.

Миссис Харрисон пристально посмотрела на нее.

— Должно быть, это совершенно необычно для вас, — вежливо заметила она.

Перед отъездом Катарин пошла попрощаться со старой мисс Винер. Мисс Винер была на два года старше миссис Харфилд и гордилась тем, что пережила свою подругу.

— Вы и представить себе не могли, что я переживу Джейн Харфилд, не так ли? — торжествующе сказала она. — Мы ведь учились в одной школе. И вот ее нет, а я живу. Кто бы мог подумать?

— Вы всегда едите черный хлеб на ужин, не так ли? — механически проговорила Катарин.

— Удивительно, что ты помнишь об этом, дорогая. Да, если бы Джейн ела черный хлеб каждый вечер, она была бы жива до сих пор.

Старая леди замолчала, победно качая головой, затем вдруг вспомнила:

— Я слышала, ты получила много денег? Хорошо, хорошо. Береги их. Ты собираешься ехать в Лондон, чтобы развлечься? Не думаю, что ты выйдешь замуж, ты не из таких, моя дорогая. Ты не из тех, кто увлекает мужчин. Сколько тебе лет?

— Тридцать три.

— Ну что ж, — задумчиво проговорила мисс Винер. — Это не так плохо. Ты, конечно, утратила очарование молодости.

— Боюсь, что да, — с готовностью согласилась Катарин.

— Ты — очень милая девушка. — ласково сказала мисс Винер. — Уверена: большинство мужчин ошибаются, выбирая в жены вертушек, а не таких, как ты, Женятся на тех, кто только и знает что выставить свои ноги, забывая приличия и Божьи заповеди. До свидания, моя дорогая, надеюсь, ты хорошо проведешь время, но жизнь редко соответствует тому, что мы о ней воображаем.

Выслушав такое напутствие, Катарин пошла готовиться к отъезду. Половина деревни пришла на станцию, включая служанку Алису, которая не скрывала слез.

— Таких, как она, больше нет, — сказала Алиса, когда поезд тронулся. — Я помню, когда мой Чарли вернулся с девушкой из Дери, никто не был добрее ко мне, чем мисс Грей, и она всегда понимала, когда видела пыль или мусор, что я не могу делать все сразу. Но для нее я бы могла. Я называю ее настоящей леди, вот как!

Так Катарин покинула Сент Мэри Мед.

Глава 8

И еще одно письмо

— Хорошо, хорошо, — сказала леди Темплин, отложив «Дейли мейл» и устремив взгляд на синюю гладь Средиземного моря.

Ветви золотой мимозы, трепещущие над ее головой, образовали эффектную раму для очаровательной картины: золотоволосая и голубоглазая леди почти в неглиже. Правда, в золотых волосах было нечто искусственное, как и в бело-розовой коже, однако голубые глаза были естественными, и в свои сорок четыре леди Темплин оставалась красивой и очаровательной. Правда, в тот момент она не заботилась о том, как выглядит. Она была погружена в более серьезные материи.

Леди Темплин хорошо знали на Ривьере, известны были и ее приемы на вилле «Маргарита». Она была женщиной с богатым жизненным опытом: первый раз она вышла замуж случайно и не любила вспоминать об этом; ее второй муж был благоразумен и умер с похвальной оперативностью, оставив вдове пуговичную фабрику, приносящую неплохой доход; за ним последовал виконт Темплин, который ввел Розали в те круги, о которых она всегда мечтала.

Выходя замуж в четвертый раз, она сохранила титул. На сей раз она вышла замуж просто ради удовольствия: мистеру Чарлзу Эвансу, красивому молодому человеку с прекрасными манерами, любовью к спорту и пристрастием к благам мира сего, было двадцать семь. Своих денег он не имел.

Леди Темплин в общем была довольна своей жизнью, но время от времени у нее возникали финансовые проблемы. Пуговичный фабрикант оставил своей вдове приличное состояние, но, как любила повторять леди Темплин, то одно, то другое (одно — это потери во время войны, другое — экстравагантность лорда Темплина), Жила она в достатке. Но жить просто в достатке — это не соответствовало темпераменту Розали Темплин.

Итак, в это январское утро ее голубые глаза широко раскрылись, когда, пробегая взглядом колонку новостей, она наткнулась на короткое сообщение и произнесла слово «хорошо». Единственным человеком, в тот момент находившимся на балконе, была ее дочь,

Ленокс Темплин. Такая дочь, как Ленокс, была сущим наказанием для леди Темплин. Никакого такта, выглядит старше своих лет и отличается слишком мрачным юмором.

— Дорогая, — воскликнула леди Темплин, — это фантастика!

— Что именно?

Леди Темплин указала на «Дейли мейл» и ткнула пальцем в заметку, вызвавшую ее интерес.

Ленокс прочитала равнодушно и вернула газету.

— Ну и что? — спросила она. — Такое случается чуть ли не каждый день.

Скучные старухи всегда умирают в деревнях и оставляют миллионные состояния своим бедным компаньонкам.

— Да, дорогая, знаю, — ответила мать. — И более того, наверняка состояние не так огромно, как об этом пишут. Но даже если оно равно только половине...

— Ну ладно! — воскликнула Ленокс. — Это же не нам оставили.

— Не совсем, дорогая, — сказала леди Темплин. — Эта девушка, эта Катарин Грей, моя кузина: она из ворчестерских Греев. Моя единственная кузина! Фантастика!

— А-га... — протянула Ленокс.

— И я очень удивлена... — начала мать.

— Тому, что оставили не нам, — закончила Ленокс с улыбкой, которую ее мать никогда не понимала.

— О, дорогая! — воскликнула мать укоризненно. — Удивляюсь, — леди Темплин артистически сдвинула брови, — неужели... О, доброе утро, Шабби, дорогой, ты идешь играть в теннис? Как мило!

Шабби, которому были адресованы эти слова, любезно улыбнулся, поощрительно проговорил: «Ты превосходно выглядишь в этом персиковом одеянии» — и пританцовывая, стал спускаться по ступенькам.

— Дорогая вещь, — заметила леди Темплин, глядя на удалявшегося мужа. Подожди, о чем я говорила? Ах да, я удивляюсь...

— Ради Бога, перестань твердить одно и то же.

— Хорошо, милая! Я полагаю, будет чудесно, если я приглашу дорогую Катарин сюда. Естественно, она никогда не была в обществе,

и для нее же будет лучше, если она выйдет в свет через своих людей. Это хорошо для нее и хорошо для нас.

— И как много ты надеешься сорвать с нее? — спросила Ленокс.

Мать с упреком посмотрела на нее и пробормотала:

— Мы могли бы прийти к соглашению, конечно. А то ведь то одно, то другое. Война, твой бедный отец...

— И теперь Шабби, — сказала Ленокс. — Дорогая игрушка!

— Она была милой девушкой, насколько я помню, — проговорила леди Темплин, продолжая думать о своем. — Спокойная, никогда не выпячивала себя, некрасивая, за мужчинами не охотилась.

— Значит, Шабби ничего не грозит? — спросила Ленокс, Леди Темплин с возмущением посмотрела на нее.

— Шабби никогда не станет... — начала она.

— Конечно, — подтвердила Ленокс, — я и не думаю, что он станет. Он слишком хорошо знает, чей хлеб с маслом ест.

— Дорогая, ты всегда так странно рассуждаешь...

— Сожалею, — отозвалась Ленокс.

— Я сейчас же напишу дорогой Катарин. И напомним ей милые старые дни в Эджворсе.

Леди Темплин пошла в дом. Глаза ее горели решимостью.

В отличие от миссис Сэмюэль Харфилд, она легко писала письма. Без передышки исписав четыре страницы и перечитав, она нашла, что все в порядке.

Катарин получила письмо утром по приезде в Лондон. Умела ли она читать между строк, это неважно. Она засунула письмо в сумочку и направилась к адвокату миссис Харфилд.

Контора находилась в старомодном Линкольн Инн Филдс, и Катарин предстала перед вежливым пожилым господином с голубыми глазами и отеческими манерами.

Они обсуждали завещание миссис Харфилд и связанные с ним проблемы минут двадцать, затем Катарин подала адвокату письмо миссис Сэмюэль.

— Я решила, будет лучше, если я покажу вам это, — сказала она, — хотя это, конечно, очень глупо.

Он прочитал письмо с насмешливой улыбкой.

— Это довольно подло, мисс Грей! Вряд ли надо говорить, что эти люди не имеют права на поместье и деньги и, если они вздумают

судиться, ни один суд не примет их прошения.

— Я тоже так считаю.

— Человеческая натура не всегда мудра. На месте миссис Самюэль Харфилд я бы лучше воззвал к вашей доброте.

— Об этом я и хотела попросить вас. Я бы хотела, чтобы определенная сумма досталась этим людям.

— Завещание не обязывает вас...

— Знаю.

— И потом, они могут понять это прямо в противоположном смысле. Они наверняка решат, что вы хотите откупиться от них, боясь процесса.

Катарин покачала головой:

— Знаю, что вы правы. Но все равно хочу это сделать.

— Они получают деньги, и станут вытягивать из вас еще и еще.

— Пусть, — сказала Катарин. — Пусть, если им так хочется.

Каждый развлекается как может. В конце концов они были единственными родственниками миссис Харфилд, и, хотя они относились к ней как к бедной родственнице и не уделяли ей никакого внимания, когда она была жива, мне кажется, будет несправедливо, если они вообще ничего не получат.

Она настояла на своем, хотя адвокат был против, а потом, идя по лондонским улицам, с удовольствием думала, что теперь может тратить деньги свободно и делать все, что хочет. Первым ее действием стало посещение известного модельера, Стройная пожилая француженка, — больше похожая на невыспавшуюся герцогиню, приняла ее, и Катарин сказала с определенной долей *naivete*^[8]:

— Я бы попросила вас заняться мной. Всю жизнь я была очень бедна и ничего не понимаю в одежде, но теперь у меня есть деньги и я хочу выглядеть прилично.

Француженка была очарована. У нее был артистический темперамент, омраченный в то утро ранним визитом аргентинской «мясной королевы», желающей получить именно те модели, которые соответствовали ее пониманию яркой кричащей красоты. Француженка внимательно оглядела Катарин острым взглядом.

— Да, да, это будет чудно. Мадемуазель имеет очень хорошую фигуру, простые линии для нее — самое лучшее. Она *tres anglaise*^[9].

Некоторые обижаются, когда я так говорю, но не мадемуазель. Une belle anglaise^[10] нет более изысканного стиля!

Куда девалась невыспавшаяся герцогиня? Она быстро начала отдавать указания.

— Клотильда, Вирджиния, скорее, мои малышки, tailleur gris clair и robe de solreesoupir dautomne^[11].

Марсель, моя деточка, маленькую цвета мимозы блузку из crepe de Chine^[12].

Это было восхитительное утро. Марсель, Клотильда, Вирджиния, шустрые и смешливые, бесшумно сновали вокруг Катарин. Графиня стояла рядом, делая записи в маленькую книжечку.

— Превосходный выбор, мадемуазель. У мадемуазель отличный gout^[13]. Да, действительно, мадемуазель не сможет выглядеть лучше, чем в этом облегающем костюме, если она, как я предполагаю, собирается на Ривьеру нынешней зимой.

— Разрешите мне взглянуть на это вечернее платье еще раз, — сказала Катарин, — на это, из розового муара.

Тихо кружа, появилась Вирджиния.

— Божественно! — воскликнула Катарин, прикладывая к себе дорогой муар в серых и голубых разводах. — Как это называется?

— Soupir dautomne, да, да, это платье именно для мадемуазель.

Что-то в этих словах навеяло на Катарин грусть, она вспомнила их, выйдя из магазина.

«Soupir dautomne, это платье именно для мадемуазель». Осень, действительно, это была ее осень. Она не знала весны и лета и никогда уже не узнает их.

Что-то ушло безвозвратно. За годы, проведенные в Сект Мэри Мед, жизнь прошла мимо...

«Я идиотка, — подумала Катарин. — Я идиотка. Чего я хочу? Три месяца назад я была более счастлива, чем сейчас».

Она вынула письмо из сумочки, то письмо, которое получила утром от леди Темплин. Катарин не была глупышкой. Она поняла подтекст этого письма, как понял бы его любой, поняла и причину, по которой леди Темплин неожиданно, после стольких лет молчания, вспомнила о ней. Конечно, из-за корысти, а не ради удовольствия.

— Хорошо, а почему бы и нет? Поеду, — решила Катарин. Она спустилась к Пикадилли и вошла в агентство Кука. Мужчина, с

которым беседовал клерк, тоже едет на Ривьеру. Она подумала, что все едут туда. Прекрасно, впервые в жизни она будет делать то же, что все.

Мужчина отошел, и она встала на его место. Она разговаривала с клерком, но половина ее сознания была поглощена другим. Лицо мужчины показалось ей странно знакомым. Где она его видела? Вдруг она вспомнила. Этим утром в «Савое», у ее номера Она столкнулась с ним в коридоре. Странно, дважды в день она встречается с одним и тем же человеком.

Она посмотрела через плечо, ощутив непонятное волнение. Мужчина стоял в дверях, глядя на нее.

Холодок прошелся по ней, она почувствовала дыхание трагедии...

Затем прогнала это ощущение и стала внимательно слушать клерка.

Глава 9

Предложение, которое было отвергнуто

Дерек редко позволял кому-либо портить себе настроение. Присутствие духа было его основной чертой, и он не допускал, чтобы его загоняли более чем в один угол. Даже выйдя от Мирель, он смог снова обрести спокойствие.

Оно было ему необходимо. Угол, в котором он оказался сейчас, был намного безысходнее, чем те, в которых он бывал раньше, потому что сейчас он не знал что делать.

Он шел, глубоко задумавшись. Различные варианты вспыхивали в его голове. Вообще Дерек был умнее, чем могло показаться. Он видел несколько путей, из которых надо было выбрать один, и он знал какой.

Лишь на мгновение ему захотелось не делать этого, но безнадежность положения диктовала безнадежность выбора. Война между Дерексом Кеттерингом и Руфусом Ван Алдином могла закончиться только одним исходом..

И Дерек проклинал деньги и их могущество. Он шагал по Сент-Джеймс-стрит, через Пикадилли, — в сторону площади. Когда он проходил мимо транспортного агентства Кука, его шаги сами собой замедлились.

Озаренный внезапным решением, он решил зайти туда.

Дерек махнул головой и резко повернул назад, натолкнувшись на пешеходов, Шедших в том же направлении, в каком секунду назад шел и он.

Офис был пуст, и он сразу же подошел к клерку.

— Я хотел бы поехать в Ниццу на следующей неделе. Это возможно?

— Какого числа, сэр?

— Четырнадцатого. Какой поезд самый удобный?

— Разумеется, Голубой. Вы можете сесть на него в Кале.

Дерек кивнул. Все это он и сам прекрасно знал.

— Четырнадцатого, — бормотал клерк, — это совсем скоро. Голубой поезд почти всегда заполнен.

— Посмотрите, может, что-то осталось, а если нет... — Он замолчал, загадочно усмехнувшись.

Клерк исчез на несколько минут.

— Все хорошо, сэр. Есть три свободных места. Я оформлю вас на одно из них. Ваше имя?

— Паве, — ответил Дерек. Он дал адрес своей квартиры на Джермен-стрит.

Клерк кивнул, пожелал Дереку счастливого пути и обратился к следующему клиенту.

— Я бы хотела уехать в Ниццу четырнадцатого. Есть билеты на поезд, называемый Голубым?

Дерек резко оглянулся. Совпадение. Странное совпадение. Он вспомнил то, что сказал Мирель: «Образ леди с серыми глазами. Не хотел бы я встретиться с ней снова». Но он увидел ее снова, и более того, как и он, она собиралась ехать Голубым поездом в Ниццу, и в тот же самый день. Его охватил трепет. Иногда он бывал суеверным. Он сказал, что эта женщина может принести ему несчастье, полушутя. А быть может, это окажется правдой? На пороге он обернулся и посмотрел на нее. Память не подвела его.

Это она.

Леди, леди в полном смысле этого слова. Не очень молода, не красавица.

Но было нечто — серые глаза, от которых не скроешься. Он понял, что боится этой женщины. В этом чувстве было что-то роковое.

Дерек вернулся к себе домой и позвал слугу.

— Возьми этот чек, Паве, и сходи в агентство на Пикадилли. Там выписан на твое имя билет. Заплати за него и возвращайся назад.

— Хорошо, сэр.

Паве ушел.

Дерек сел за письменный стол и начал перебирать корреспонденцию. Ничего нового. Счета. Счета большие, маленькие, и все требующие оплаты. Тон их пока вежливый. Но Дерек знал, что скоро этот тон изменится, если... если одна новость станет достоянием гласности.

Появился Паве с билетом и с сообщением:

— К вам пришел джентльмен, майор Найтон.

— Найтон?

Дерек выпрямился. Тревога внезапно охватила его.

Тихо, почти неслышно, он сказал:

— Найтон! Удивительно, каким ветром его занесло!

— Могу я его пригласить, сэр?

Дерек кивнул.

— Очень рад вас видеть, — радушно приветствовал Найтона Дерек.

Найтон был напряжен, и пронизательный взгляд Дерек тут же уловил это.

Секретаря явно тяготило возложенное на него поручение. На приветствие Дерек он ответил почти автоматически.

— Ну, — сказал Дерек, — и что же мой уважаемый тесть хочет от меня? Вы же пришли по его поручению, не так ли?

Найтон даже не улыбнулся.

— Да, — озабоченно сказал он, — я... я бы предпочел, чтобы мистер Ван Алдин выбрал кого-нибудь другого.

Поднятые брови Дерек выразили удивление.

— Что, так плохо, да? Ничего, у меня не слишком тонкая кожа, выкладывайте, Найтон.

Найтон откашлялся.

— Ван Алдин послал меня передать вам его предложение.

— Предложение? Это уже интересно.

— Я могу продолжать?

— Пожалуйста. Не обращайтесь на меня внимания.

Я удивлен. Мне кажется, мой дорогой тесть немного поостыл с сегодняшнего утра. А это так не похоже на сильного человека, которого называют финансовым Наполеоном. Значит, он понял, что его позиции не так прочны, как он думал вначале.

Найтон вежливо выслушал этот спокойный, насмешливый голос, не выказав никаких эмоций. Он подождал, пока Дерек закончит, а затем произнес спокойно:

— Я постараюсь передать его предложение в наиболее приемлемой форме.

— Продолжайте.

Найтон смотрел мимо Дерек. Его голос был сух и деловит.

— Все довольно просто. Миссис Кеттеринг, как вы знаете, собирается подавать прошение о разводе. Если все пройдет тихо, вы

получите сто тысяч в тот день, когда это будет сделано.

Дерек, собравшийся закурить, застыл как вкопанный.

— Сто тысяч! — повторил он быстро. — Долларов?

— Фунтов.

Две минуты стояла мертвая тишина. Кеттеринг обдумывал. Сто тысяч фунтов. Это означает, что Мирель сможет продолжить свою беззаботную жизнь.

Это означает, что Ван Алдин кое-что знает. Ван Алдин просто так не раскошеливается. Дерек подошел к камину.

— А если я откажусь? — спросил он с холодной, насмешливой любезностью.

— Уверяю вас, — Найтон сделал выразительный жест, — мне очень не хотелось выполнять это поручение.

— Ладно, не огорчайтесь, это не ваша вина. Так что вы ответите на мой вопрос?

— Если вы отвергнете это предложение, — ответил Найтон, — мистер Ван Алдин просил передать вам следующее: он разорит вас. Это все, Кеттеринг поднял брови, но внешне сохранил невозмутимость.

— Что ж, не сомневаюсь, что он может сделать это. Не мне тягаться с американцем, который сидит на миллионах. Сто тысяч! Если человек способен принять взятку, то тут нечего и думать. А если я скажу, что соглашусь за две сотни тысяч, что тогда?

— Я должен передать ваш ответ мистеру Ван Алдину, — ответил Найтон равнодушно. — Так это и есть ваш ответ?

— Нет! — сказал Дерек. — Это, конечно, забавно, но нет. Можете отправляться к моему тестю и передать ему, чтобы он сам и все его богатства катились к дьяволу. Ясно?

— Абсолютно. — Найтон встал. — Я, я... позволю себе признаться: я рад, что вы, мистер Кеттеринг, ответили именно так.

Дерек промолчал. Когда Найтон вышел из комнаты, он некоторое время стоял в задумчивости. Странная улыбка тронула его губы.

— Вот значит как, — прошептал он.

Глава 10

В Голубом поезде

— Дад!

Миссис Кеттеринг стремительно кинулась к отцу.

Нервы ее нынешним утром шалили. Одетая в изысканное длинное норковое манто и маленькую красную шляпку, она шла по многолюдной платформе вокзала «Виктория», погруженная в себя, когда перед ней внезапно появился отец.

— Что с тобой, Руфь, что за прыть?

— Я не ожидала тебя увидеть. Ты простился со мной прошлой ночью: ведь сегодня утром у тебя совещание!

— Так и есть, но ты дороже всех совещаний. Я пришел еще раз взглянуть на тебя перед долгой разлукой.

— Это очень мило с твоей стороны, дад. Я бы хотела, чтобы ты тоже поехал со мной.

— А если я соглашусь?

Это было сказано в шутку. Но он удивился, увидев, как краска прихлынула к щекам дочери. На мгновение ему почти показалось, что ее взгляд стал испуганным.

Она засмеялась неуверенно и истерично.

— Я было и впрямь подумала, что ты решил ехать.

— Ты была бы довольна?

— Конечно, — ответила она искренне.

— Хорошо, — заметил Ван Алдин, — это хорошо.

— На самом деле мы расстаемся ненадолго, дад, — продолжала Руфь, — ты же приедешь через месяц?

— Ах! Иногда я мечтаю, чтобы один из парней с Харлей-стрит (Улица в Лондоне, где принимают наиболее дорогие частные врачи.) сказал, что мне нужны свежий воздух и солнце и чтобы я немедленно ехал отдыхать.

— Не будь таким лентяем! — воскликнула Руфь. — Через месяц там будет еще лучше, чем сейчас. Ты получишь все, что тебе угодно.

— Да, знаю, — вздохнул Ван Алдин, — а сейчас лучше пойдем и найдем твое место.

Руфь Кеттеринг внимательно осмотрела поезд. У двери одного из пульмановских вагонов стояла женщина, одетая во все черное, — служанка Руфи. Она посторонилась, давая своей хозяйке пройти.

— Я положила ваш саквояж под сидение, мадам, на случай, если вам понадобится одежда. Взять пледы или они вам нужны?

— Нет, нет, не нужны, бери и иди на свое место, Мейсон.

Ван Алдин вместе с дочерью вошел в пульмановский вагон. Она нашла свое место, и Ван Алдин выложил на столик кипу газет и журналов.

Противоположное сидение было уже занято, и американец бросил внимательный взгляд на пассажира. Им оказалась женщина с удивительными серыми глазами и в элегантном дорожном костюме. Ван Алдин еще немного поговорил с Руфью, так, как обычно разговаривают в присутствии постороннего человека.

Наконец раздался звонок, и миллионер посмотрел на часы.

— Мне пора уходить, дорогая. До свидания. Не тревожься. Я все улажу.

— О, папа!

Он резко обернулся к дочери. В ее голосе было что-то совершенно ей несвойственное, что заставило Ван Алдина заволноваться. Это что-то было похоже на отчаяние. Она сделала инстинктивное движение в его сторону, но тут же взяла себя в руки.

— До встречи через месяц, — сказала она приветливо.

Через две минуты поезд тронулся, Руфь сидела неподвижно, кусая губы и пытаясь сдержать слезы. Чувство абсолютного, страшного одиночества внезапно охватило ее. И было сильное искушение спрыгнуть с поезда, пока не поздно.

Она, такая хладнокровная, так хорошо собой владеющая, впервые в жизни ощутила себя листом, уносимым ветром. Если бы отец знал, что бы он сказал?

Сумасшествие! Да, именно сумасшествие! Впервые в жизни она пошла на поводу у эмоций, делая то, что, она это прекрасно понимала, было глупым безрассудством. Она была истинной дочерью Ван Алдина, чтобы осознать собственную глупость, и достаточно разумной, чтобы оценивать собственные действия. Но она была истинной дочерью Ван Алдина и в другом смысле. В ней была его непреклонность: приняв решение, во что бы то ни стало выполнить

его. С колыбели она была очень своевольна, и все обстоятельства жизни только способствовали утверждению этого качества. Сейчас со всей беспощадностью она поняла это. Да, на карту поставлено все. И теперь она должна пройти через это.

Она подняла глаза, и ее взгляд встретился со взглядом женщины, сидящей напротив. Неожиданно она подумала, что женщина читает ее мысли. В ее серых глазах она увидела понимание и — да, да! — сострадание.

Но это было лишь мимолетным впечатлением. Лица обеих женщин приняли выражение благовоспитанности и покоя. Миссис Кеттеринг взяла журнал, а Катарин Грей стала смотреть в окно на исчезающие улицы и пригородные дома.

Руфи было трудно сосредоточиться на журнале.

Досадуя на себя, она мысленно представляла, какому множеству опасностей подвергала себя. Какая же она дура! Как все хладнокровные люди, теряющие контроль над собой, она потеряла его полностью. Поздно...

Разве поздно? О, если бы кто-нибудь дал ей совет!

Раньше она никогда не чувствовала в этом нужды, у нее на все было свое собственное мнение, но теперь... что случилось с ней? Паника. Да, вот именно, это была паника. Впервые в жизни она, Руфь Кеттеринг, была в полной панике, близкой к безумию.

Украдкой она бросила взгляд на соседку. Если бы среди ее знакомых был такой симпатичный и спокойный человек! Именно такой человек был ей нужен сейчас. Но посвящать в свои проблемы незнакомую попутчицу... Руфь улыбнулась про себя. Она снова стала рассматривать журнал. В конце концов надо взять себя в руки. Она сама все решила. Она поступает согласно собственной свободной воле. Что в этом такого? Она сказала себе: «Почему, в самом деле, я не могу быть счастливой?»

Время до Дувра пролетело незаметно. Руфь прекрасно переносила морскую качку, но не любила холод, и поэтому заказала себе отдельную каюту...

Отрицая это, иногда она становилась суеверной.

Кроме того, она принадлежала к тому сорту людей, для которых совпадения имеют значение. Прибыв в Кале и обосновавшись со

служанкой в сдвоенном купе Голубого поезда, она пошла в вагон-ресторан.

Ее удивило то, что за столиком она оказалась вместе с той самой женщиной, которая была ее соседкой в пульмановском вагоне. Обе женщины тепло улыбнулись друг другу.

— Какое совпадение! — сказала миссис Кеттеринг.

— Действительно, — ответила Катарин, — но обычно так и бывает.

Официант появился перед ними с той стремительностью, которую так ценит Интернациональная транспортная компания, и поставил перед ними две тарелки с супом. Когда суп сменил нежный омлет, женщины уже дружески беседовали.

— Господи, как хочется оказаться там, где солнце, — вздохнула Руфь.

— Уверена, это необыкновенное ощущение.

— Вы хорошо знаете Ривьеру?

— Нет, это моя первая поездка.

— Удивительно.

— А вы, наверное, ездите туда каждый год?

— Практически. Январь и февраль в Лондоне ужасны.

— Я жила в деревне. Там это тоже не слишком приятные месяцы.

Грязь и слякоть.

— Почему вы решили поехать сейчас?

— Деньги, — ответила Катарин. — В течение десяти лет у меня, едва хватало их, чтобы купить удобные туфли, а теперь я получила большое наследство, хотя для вас оно, наверное, совсем не большое.

— Удивительно, что вы так говорите. Неужели это так заметно?

Катарин засмеялась.

— Я не знаю наверняка. Я сужу по внешнему впечатлению. Когда я вас увидела, то подумала, что вы — одна из самых богатых женщин в мире. Возможно, я ошиблась.

— Нет, вы не ошиблись. — Внезапно Руфь помрачнела. — А не могли бы вы рассказать, что вы вообще обо мне думаете?

— О, пожалуйста! — Руфь прервала ее возражения. — Оставьте условности. Мне это необходимо. Когда мы отъехали от вокзала, я посмотрела на вас и мне показалось... вы понимаете, что со мной происходит.

— Уверяю вас, я не умею читать в душах. — Катарин улыбнулась.

— Нет, нет, скажите мне, пожалуйста, о чем вы подумали.

Руфь была столь настойчивой, что Катарин сдалась.

— Хорошо, если хотите, я скажу вам. Я подумала, что вы в сильном душевном смятении, и мне стало вас жаль.

— Вы правы, вы совершенно правы. Я в ужасной тревоге. Я... я хочу рассказать вам, если позволите...

— О, дорогая... — И тут Катарин подумала: «Как однообразен мир! Люди делились со мной своими бедами в Сент Мэри Мед, и вот опять то же самое, хотя я не хочу ничего знать об этом».

Но она только вежливо промолвила:

— Расскажите.

Руфь допила кофе, встала и, не обращая внимания на то, что Катарин к кофе еще и не приступала, сказала:

— Пойдемте ко мне.

Это были два одноместных купе, соединенных общей дверью. В одном из них сидела, держа на коленях большую сафьяновую шкатулку с инициалами «Р.В.К.», худенькая служанка, которую Катарин заметила еще на вокзале. Миссис Кеттеринг закрыла дверь, соединяющую два купе, и села. Катарин присела рядом.

— Я волнуюсь. Не знаю, что делать. Есть мужчина, который мне нравится, очень нравится. Мы познакомились, когда оба были молоды, но тогда нас насильно разлучили. Теперь мы снова встретились.

— Да?

— Я... я еду к нему. О, я уверена, вы скажете, что это плохо, но вы не знаете моих обстоятельств. Мой муж невыносим. Он так мучает меня!

— Да, — снова произнесла Катарин.

— Мне очень скверно. Я обманула отца, это он провожал меня сегодня. Он хочет, чтобы я разошлась с мужем, и, конечно, даже не подозревает, что я еду на встречу с другим мужчиной. Он бы назвал это фантастической глупостью.

— А вы так не думаете?

— Я полагаю, что так оно и есть. — Руфь Кеттеринг посмотрела на свои руки, которые слегка дрожали. — Но пути назад у меня уже нет.

— Почему же?

— Я... мы договорились, и это будет ударом для него.

— Вы же не верите в это, — твердо сказала Катарин. — Мужчины гораздо крепче, чем это кажется.

— Он подумает, что я струсил, что я не в состоянии выполнить обещание.

— Мне кажется, вы делаете ужасную глупость и прекрасно понимаете это.

Руфь Кеттеринг прижала ладони к лицу.

— Не знаю, не знаю. С той минуты, как мы отъехали от «Виктории», я не могу избавиться от ужасных предчувствий: что-то надвигается, и я не могу этого избежать.

— Не думайте об этом, постарайтесь взять себя в руки. Вы можете послать отцу телеграмму из Парижа, и он немедленно приедет.

Лицо Руфи просветлело.

— Да, так я и сделаю. Дорогой старый дядя! Странно, но до нынешнего дня я не понимала, как сильно люблю его. — Она выпрямилась и вытерла слезы носовым платком. — Я была такой дурой. Спасибо, что дали мне выговориться. Не знаю, что со мной, отчего я в таком истеричном состоянии... Но теперь мне легче. Думаю, мне и впрямь надо было выговориться. Теперь я даже представить себе не могу, отчего так идиотски вела себя. — Она встала.

Катарин тоже встала.

— Рада, что вам легче. — Катарин старалась придать своему тону официальность. Она слишком хорошо знала, что бывает с человеком после того, как он слишком разоткровенничается, и мягко добавила:

— Я должна идти в свое купе.

Она вышла в коридор, в это же время там оказалась служанка. Она смотрела мимо Катарин с выражением живейшего интереса. Катарин взглянула туда же, но, вероятно, тот, на кого смотрела служанка, уже скрылся в своем купе — коридор был пуст. Катарин пошла в соседний вагон. Неожиданно дверь последнего купе открылась, оттуда выглянуло женское лицо, и дверь снова закрылась. Это лицо было непросто забыть, как выяснила Катарин, когда позже увидела его снова.

Красивое лицо, нежное, смуглое, несколько эксцентричное. Катарин показалось, что она видела его раньше.

Без дальнейших приключений она дошла до своего купе, села и начала лениво размышлять о том, кем могла быть ее собеседница и чем кончится ее история.

«Если мне действительно удалось удержать ее от сумасбродства, я сделала неплохое дело, — подумала она. — Но кто знает? Такие женщины обычно бывают эгоистками, и, быть может, даже хорошо, если хоть раз в жизни они поступают необычно. Ладно, вряд ли я увижу ее снова. Она, конечно, не захочет встречаться со мной. Это большая ошибка — разрешать другим рассказывать об их делах. После они обычно раскаиваются».

Она надеялась, что за обедом окажется за другим столиком. Не без юмора подумала о том, что для них обеих это будет лучше. Откинувшись на сидении, она почувствовала грусть и усталость. Они подъезжали к центру Парижа, и поезд начал плестись, время от времени останавливаясь. На Лионском вокзале. Катарин была рада выйти на платформу и немного размяться.

После душного поезда холодный воздух бодрил. Она улыбнулась, заметив, что ее знакомая в норковом манто уже решила проблему обеда; служанка через окно принимала корзинку с едой.

Когда поезд тронулся и зазвенел колокольчик, извещавший об обеде, Катарин с легким сердцем пошла в вагон-ресторан. На сей раз ее визави оказался маленький человечек, похожий на иностранца, с прямыми усами и яйцеобразной головой, которую он по привычке немного наклонял в сторону.

С собой Катарин взяла книгу, но, начав ее читать, заметила, что человечек несколько озадаченно смотрит на нее.

— Я вижу, что у вас roman polsierl. Вы их любите?

— Они развлекают меня, — ответила Катарин.

Маленький человечек понимающе кивнул.

— Это — ходовой товар, так я обычно говорю. Но почему, мадемуазель? Я спрашиваю вас, как человек, всю жизнь изучающий людскую природу. Почему?

Катарин все больше и больше удивлялась.

— Наверное, потому, что они дают иллюзию жизни, настоящей жизни, решила она.

— Да, да, в этом что-то есть. — Он мрачно кивнул.

— Конечно, все знают, что на самом деле ничего такого не бывает, — продолжила Катарин, но он быстро перебил ее:

— Иногда, мадемуазель! Иногда! Это случилось с тем, кто говорит сейчас с вами, — со мной!

Она бросила на него быстрый, заинтригованный взгляд.

— Однажды, кто знает, вы тоже столкнетесь с чем-нибудь подобным. Это дело случая.

— Вряд ли! Ничего такого со мной никогда не происходило.

Он подался вперед.

— А вы бы хотели этого?

Вопрос напугал ее, и она вздрогнула.

— Может, это фантазии, — сказал маленький человечек, облизывая вилку, но мне кажется, вы вступаете в полосу интересных событий. Eh bien^[14], мадемуазель, за всю мою жизнь я понял одно: что желаешь, то и получаешь. Кто знает? — Он скорчил комическую гримасу. — Возможно, вы получите даже больше, чем хотите.

— Это пророчество? — Катарин улыбнулась и встала.

— Я не пророк, — уверенно ответил ее собеседник. — Правда, я имею привычку никогда не ошибаться, но не хочу этим хвалиться. Спокойной ночи, мадемуазель, желаю вам приятных сновидений.

Катарин пошла к себе, удивляясь тому, что сказал ей маленький человек.

Проходя мимо открытого купе своей знакомой, она увидела, что проводник стелет постель. Леди в норковом манто стояла лицом к окну.

Второе купе, как заметила Катарин, было пусто, на сидении лежали матрацы, пледы и постельное белье.

Служанки не было.

Катарин обнаружила, что ее постель уже готова.

Было половина десятого, и так как она очень устала, то сразу же легла и погасила свет.

Внезапно Катарин проснулась. Она не знала, сколько прошло времени с тех пор, как она легла.

Взглянув на часы, обнаружила, что они стоят. Ее охватила тревога, которая усиливалась с каждой минутой. Она встала, накинула капот и вышла в коридор. Поезд казался погруженным в сон. Катарин открыла окно и на минуту присела рядом, вдыхая голодный воздух и пытаясь

отогнать непонятные страхи. Потом решила пройти в конец вагона и узнать у проводника, который час, но проводника на месте не оказалось. Она перевела духи направилась в другой вагон. В длинном полутемном коридоре она с удивлением обнаружила мужчину. Он стоял у двери купе, которое занимала леди в норковом манто.

Она подумала, что ошиблась в темноте и что это его купе. Некоторое время он стоял, неуверенно держась за ручку двери, затем бесшумно повернулся, и Катарина увидела его лицо; к своему удивлению, она узнала в нем человека, которого встречала уже дважды — в отеле «Савой» и в агентстве Кука. Он открыл дверь и вошел в купе.

Катарина подумала, что это тот самый мужчина, о которой ей рассказывала леди в норковом манто, — мужчина, с которым она должна была встретиться.

Потом Катарина сказала себе, что она слишком романтична. Скорее всего, она просто перепутала купе.

Глава 11

Убийство

На другое утро Катарин проснулась от ослепительного солнечного света.

Она рано пошла завтракать и не встретила никого из своих вчерашних собеседников. Когда вернулась к себе, куле было уже убрано проводником — смуглолицым мужчиной с опущенными усами и меланхолическим выражением лица.

— Мадам повезло, — заметил он. — Солнце! Пассажиры обычно расстраиваются, когда просыпаются, а за окном пасмурно.

— О, я бы тоже наверняка расстроилась, — ответила Катарин.

— Мы сильно опаздываем, мадам! — Проводник собрался уходить. — Я предупрежу вас, когда будем подъезжать к Ницце.

Катарин кивнула. Сев у окна, она залюбовалась открывающимися панорамами. Пальмы, глубокая синева моря, цветущие мимозы совершенно очаровали ее, ведь за всю жизнь она знала лишь слякотную английскую зиму.

В Каннах Катарин решила прогуляться по платформе. Она вспомнила про леди в норковом манто и посмотрела на окно ее купе. Шторы были опущены это было единственное занавешенное окно во всем поезде. Катарин немного удивилась и, вернувшись в поезд, подошла к купе своей знакомой и убедилась, что оно заперто. Леди в норковом манто, похоже, была поздней пташкой.

Вскоре проводник сказал, что через несколько минут они прибудут в Ниццу.

Катарин дала ему чаевые, он поблагодарил ее, но без энтузиазма. Катарин решила, что либо чаевых недостаточно, либо что-то более важное тревожит проводника. Действительно, он был взволнован, его глаза бегали, казалось, он боится за свою жизнь.

— Мадам простит меня, если я спрошу, встречают ли ее в Ницце?

— Наверное, а что?

Но он только покачал головой, бормоча что-то невнятное. Он ушел и не появлялся до тех пор, пока поезд не остановился.

Катарин стояла на платформе, растерянно озираясь по сторонам. К ней подошел молодой человек с беззаботным лицом и нерешительно спросил:

— Мисс Грей?

Катарин ответила, что это она, тогда молодой человек, ослепив ее улыбкой, представился:

— Я — Шабби, муж леди Темплин. Надеюсь, она упомянула обо мне, но могла и забыть. Где ваш багаж?

Когда я в этом году приехал сюда, то потерял свои вещи, и вы даже представить себе не можете, сколько было шума. Типичный французский гвалт.

Катарин показала ему свои вещи, они уже собрались идти, когда услышали очень вежливый голос:

— Один момент, мадам, если позволите.

Катарин обернулась и увидела человека в униформе.

Он объяснил:

— Простые формальности. Мадам, конечно, будет так любезна и не откажется пройти со мной. Распоряжение полиции. — Он развел руками. — Абсурд, но что поделаешь.

Мистер Шабби напрягся, слушая: его французский оставлял желать лучшего.

— Как это похоже на французов, — прошептал он.

Он принадлежал к тому типу патриотически настроенных британцев, которые, предпочитая за границу своей собственной стране, весьма критично относятся к заграничным порядкам.

— Вечно у них какие-то глупости. Хотя раньше они не задерживали людей на станции. Это нечто новое. Думаю, вам следует пойти с ним.

К удивлению Катарин, человек повел ее к поезду.

Они вошли в одно из купе. Очень напыщенный человек, наверное служащий, поклонился Катарин и сказал:

— Извините, мадам, но необходимо выполнить кое-какие формальности. Я вижу, мадам говорит по-французски.

— Вполне сносно, думаю, — по-французски ответила Катарин.

— Это хорошо. Пожалуйста, садитесь, мадам. Я — месье Кау, комиссар полиции. — Он произнес это со значением, и Катарин

постаралась изобразить, что это произвело на нее должное впечатление.

— Вы хотите видеть мой паспорт? — предположила она. — Вот он.

— Благодарю, мадам, — сказал комиссар, взяв паспорт. Он откашлялся. — Но на самом деле нам нужна небольшая информация.

— Информация?

Комиссар спокойно кивнул головой.

— Насчет той дамы, что ехала с вами в поезде. Вы вчера говорили с ней во время ленча.

— Боюсь, я ничего не смогу рассказать о ней. Мы действительно говорили за ленчем, но я с ней незнакома и никогда раньше ее не видела.

— Однако вы пошли в ее купе после ленча и о чем-то говорили? — спросил комиссар.

— Да, — ответила Катарин, — это правда.

Казалось, комиссар ожидал, что она скажет больше.

Он поощрительно взглянул на нее.

— Продолжайте, мадам.

— О чем, месье?

— Вы ведь расскажете мне, о чем вы говорили?

— Я могла бы, но не понимаю, почему я должна это делать.

Как истинная британка, она была возмущена. Этот французский служака слишком бесцеремонен.

— Почему? — воскликнул комиссар. — О, мадам, уверяю вас, есть очень важная причина.

— Тогда, конечно, вы мне ее назовете.

Комиссар задумчиво поскреб подбородок.

— Мадам, — сказал он наконец. — Причина очень проста. Дама, о которой я спрашиваю, была утром найдена мертвой в своем купе.

— Мертвой! — воскликнула Катарин. — Сердечный приступ?

— Нет, — сонным голосом ответил комиссар. — Она была убита.

— Убита!

— Теперь, мадам, вы понимаете, что нам нужна любая информация.

— Но ведь ее служанка...

— Служанка исчезла.

— О... — Катарин замолчала, собираясь с мыслями.

— Проводник видел, что вы были с леди в ее купе, он сообщил об этом полиции, вот почему, мадам, мы вас побеспокоили.

— Как жаль, — сказала Катарин, — но я даже не знаю ее имени.

— Ее фамилия Кеттеринг. Это мы узнали из ее паспорта и пометки на багаже.

Раздался стук. Месье Кау встал и приоткрыл дверь купе.

— Что случилось? — спросил он недовольно. — Не отвлекайте меня.

В дверях показалась яйцеобразная голова вчерашнего собеседника Катарин.

— Мое имя, — представился он, — Эркюль Пуаро.

— Неужели, — запинаясь, проговорил месье Кау, — неужели вы тот самый Эркюль Пуаро?

— Тот самый. Я, помнится, встречал вас однажды, месье Кау, в Sulne^[15] в Париже, хотя не уверен, что вы меня помните.

— Ну что вы, месье, ну что вы! Входите, пожалуйста! Вы знаете о...

— Да, знаю! Я пришел узнать, не нужна ли помощь.

— Буду польщен, — ответил комиссар. — Позвольте представить вам, месье Пуаро, — он заглянул в паспорт Катарин, — мадам, то есть мадемуазель Грей.

Пуаро улыбнулся Катарин.

— Не странно ли, — проговорил он, — что мои слова начали сбываться так скоро?

— Мадемуазель, к несчастью, может рассказать нам совсем немного, заметил комиссар.

— Я уже объяснила, — сказала Катарин, — что эта бедная леди была мне незнакома.

— Но ведь она говорила с вами, не так ли? — мягко спросил Пуаро. — У вас, наверное, сложилось о ней определенное впечатление?

— Да, — задумчиво ответила Катарин. — Кажется, сложилось.

— Что ж, мадемуазель, — вмешался комиссар, — расскажите нам о нем.

Катарин подробно пересказала их вчерашний разговор. Она чувствовала, что предаёт свою собеседницу, но слово «убийство» все

меняло. И как можно точнее, слово в слово, она передала свой разговор с погибшей.

— Интересно! — Комиссар обратился к Пуаро:

— Месье Пуаро, правда, это интересно? Либо это не имеет с преступлением ничего общего... — Он не закончил свою фразу.

— А может, это самоубийство? — предположила Катарин.

— Нет, — ответил комиссар. — Это не самоубийство. Она была задушена черным шнуром.

— Боже! — Катарин задрожала.

Месье Кау успокаивающе поднял руку.

— Да, да, все это очень неприятно. Наверное, наши преступники более жестоки, чем ваши.

— Это ужасно!

— Да, да, — ласково произнес комиссар. — Вы очень смелая женщина, мадемуазель. Как только я увидел вас, я сказал себе: «Эта мадемуазель смелый человек». Поэтому я хочу попросить вас об одной вещи, очень неприятной вещи, но, уверяю вас, это необходимо.

Катарин ошарашенно смотрела на него. Он поднял руку, словно защищаясь.

— Осмелюсь попросить вас, мадемуазель, пройти со мной в соседнее купе.

— Это необходимо? — тихо спросила Катарин.

— Кто-то должен опознать ее, — ответил комиссар. — Служанка исчезла...

— Он покашлял со значением. — Вы единственная, кто с ней общался.

— Ну что ж, — спокойно сказала Катарин, — если это необходимо...

Она встала. Пуаро ободряюще кивнул ей.

— Мадемуазель весьма чувствительна, — сказал он. — Я тоже могу пойти, месье Кау?

— Разумеется, дорогой месье Пуаро.

Они вышли в коридор, и комиссар открыл дверь соседнего купе. Шторы на окне были подняты до половины. Убитая лежала на боку лицом к стене в такой естественной позе, словно спала. Месье Кау осторожно повернул ее на спину, и Катарин вскрикнула, сжав руки. Лицо было изуродовано до неузнаваемости.

Пуаро резко спросил:

— Когда это было сделано, до или после смерти?

— Врачи сказали, после, — ответил месье Кау.

— Странно! — Пуаро сдвинул брови, повернулся к Катарин. — Будьте мужественны, мадемуазель, хорошенько посмотрите на нее. Вы уверены, что это та самая женщина, с которой вы вчера общались?

У Катарин были крепкие нервы. Она заставила себя внимательно осмотреть убитую. Затем подалась вперед и прикоснулась к руке бедной женщины.

— Я совершенно уверена, — заявила она наконец. — Лицо трудно узнать, но фигура, рост, цвет волос не оставляют сомнений, и потом я узнала это.

— Она показала на маленькую родинку на запястье убитой. — Я заметила ее, когда говорила с ней.

— Von^[16], — сказал Пуаро. — Вы очень наблюдательны, мадемуазель. Таким образом, вопрос об идентификации трупа решен; но все это очень странно.

Он недоуменно указал на лицо убитой.

Месье Кау пожал плечами.

— Возможно, убийца сделал это в припадке злобы, — предположил он.

— Если бы она не лежала так спокойно, это было бы возможно, — размышлял Пуаро. — Человек, который задушил ее, сделал это безо всякого труда. Небольшой шок, и все, конец. Но почему он потом так изуродовал ее лицо? Почему? Надеюсь, что ее не узнают? Или он так ненавидел ее, что не мог видеть лица даже мертвой?

Катарин задрожала.

— Не позволяйте мне пугать вас, — обратился он к ней. — Для вас это необычно и ужасно. Для меня, о Господи, это обычная история. Один момент.

Пуаро тщательно осмотрел одежду убитой. Затем прошел в соседнее купе, где Катарин видела служанку.

На сидении лежали три или четыре пледа, шляпная коробка, саквояжи.

Неожиданно он спросил Катарин:

— Вы были здесь вчера. Как вам кажется, здесь что-нибудь изменилось, может быть, что-то исчезло?

Катарин внимательно осмотрела оба купе.

— Да! Исчезла яркая сафьяновая шкатулка. На ней были инициалы «Р.В.К.» Я видела ее на коленях у служанки.

— Вот как? — заметил Пуаро.

— Но ведь наверняка... — начала Катарин. — Я... я ничего в этом не понимаю, но наверняка совершенно очевидно, что и служанка, и шкатулка исчезли?

— Вы хотите сказать, что это сделала служанка?

— Нет, мадемуазель, против этого есть веский аргумент, — сказал месье Кау.

— Какой?

— Служанка осталась в Париже. — Он обратился к Пуаро:

— Я хотел бы, чтобы вы выслушали эту историю. Она очень убедительна.

— Мадемуазель, конечно, тоже захочет послушать, — предположил Пуаро. Вы не возражаете, господин комиссар?

— Нет, — ответил комиссар, хотя было видно, что он возражает. Конечно, нет, месье Пуаро, если вы этого хотите. Вы уже закончили здесь?

— Думаю, да. О, еще минуту!

Он заглянул под пледы, нашел там что-то, подошел к окну, потом вернулся, держа «это» двумя пальцами.

— Что это? — спросил месье Кау.

— Четыре рыжих волоса. — Он повернулся к убитой. — Они принадлежали мадам.

— Ну и что? Разве это важно?

— А разве нет? На данной стадии расследования мы не знаем, что важно, а что нет, и потому должны внимательно относиться к каждой детали.

Они вернулись в купе, и вскоре перед ними предстал проводник.

— Ваше имя Пьер Мишель? — спросил комиссар.

— Да, месье комиссар.

— Я хочу, чтобы вы повторили этому джентльмену, — он указал на Пуаро, — все, что рассказали мне.

— Хорошо, господин комиссар. Это было вскоре после того, как мы отъехали от Парижа. Я пошел стелить постель на ночь, думая, что мадам будет обедать в вагоне-ресторане. Но в ее купе стояла корзинка

с едой. Она сказала, что вынуждена была оставить служанку в Париже и надо застелить только одну постель. Она перенесла корзинку с едой в соседнее купе и находилась там, пока я стелил постель. Затем сказала, что не хочет вставать рано, что любит поспать. Я сказал, что все понял, и она пожелала мне доброй ночи.

— Вы заходили в соседнее купе?

— Нет, месье.

— В таком случае вы вряд ли могли заметить сафьяновую шкатулку среди других вещей?

— Я ее не видел, месье.

— Мог ли в соседнем купе прятаться человек?

Проводник подумал.

— Дверь была полуоткрыта, — ответил он. — Если человек стоял за дверью, я не мог его заметить, но, несомненно, мадам увидела бы его.

— Действительно! — сказал Пуаро. — Вы можете добавить что-нибудь еще?

— Думаю, это все, месье. Больше я ничего не могу вспомнить.

— А сегодня утром? — поинтересовался Пуаро.

— Как и велела мне мадам, я не стал тревожить ее. Лишь перед Каннами осмелился постучать в дверь. Не получив ответа, открыл ее. Мне показалось, что леди спит. Я тронул ее за плечо, чтобы разбудить, и...

— И увидели, что произошло, — перебил Пуаро. — Tres bien! Полагаю, я узнал все, что котел узнать.

— Надеюсь, месье комиссар, — робко произнес проводник, — что я не сделал ничего предосудительного. Такой кошмар, и где? В Голубом поезде! Это ужасно!

— Успокойтесь, — сказал комиссар, — вы все сделали правильно.

— И вы доложите об этом компании?

— Конечно, конечно! Мы немедленно сделаем это.

Проводник вышел.

— Врач считает, — сказал комиссар, — что леди была мертва до того, как поезд прибыл в Лион. Кто же убийца? Как рассказала мадемуазель, где-то по пути леди должна была встретиться с мужчиной, о котором говорила. То, что она оставила служанку, кажется мне важным. Быть может, мужчина сел в поезд в Париже и

расположился в соседнем купе? Если так, они могли поссориться и он мог убить ее в припадке ярости. Это одна возможность. Есть и другая, которая представляется мне более вероятной. Убийца — дорожный грабитель, который ехал этим же поездом. Он и украл шкатулку, в которой наверняка были драгоценности. Возможно, он вышел в Лионе, мы уже телеграфировали туда с просьбой разузнать, кто выходил из поезда.

— Или он доехал до Ниццы, — пробормотал Пуаро.

— Может быть, — согласился комиссар, — но это слишком рискованно.

Помолчав, Пуаро сказал:

— А если это так, то вы все равно считаете, что убийца — обычный дорожный грабитель?

Комиссар пожал плечами.

— Пока неясно. Надо разыскать служанку. Возможно, сафьяновая шкатулка у нее. Тогда мужчина, о котором говорила погибшая, наверняка замешан в этом деле, тогда это убийство в состоянии аффекта. Сам я думаю, что дорожный разбой более вероятен. Бандиты в последнее время совсем обнаглели.

— А вы, мадемуазель, — Пуаро повернулся к Катарин, — ничего не слышали и не видели ночью?

— Ничего, — ответила Катарин.

Пуаро обратился к комиссару:

— Полагаю, мы можем более не задерживать мадемуазель?

Комиссар кивнул.

— Она оставит нам свой адрес? — спросил он.

Катарин дала им адрес леди Темплин. Пуаро отвесил ей легкий поклон.

— Вы не возражаете, если мы увидимся снова, мадемуазель, — спросил он, — или у вас так много друзей, что вам будет не до меня?

— Напротив, — ответила Катарин, — мне совершенно нечего делать, и я буду рада видеть вас.

— Великолепно! — Пуаро дружески кивнул ей. — Это будет «roman pollcier a nous»^[17]. Мы вместе будем расследовать это дело.

Глава 12

На вилле «Маргарита»

— Так ты оказалась в самом центре событий! — восторженно воскликнула леди Темплин. — Моя дорогая, как это волнует. — Она широко раскрыла голубые глаза и вздохнула.

— Настоящее убийство! — ликовал мистер Эванс.

— Шабби ничего такого и в голову не пришло, — продолжала леди Темплин.

— Он и представить не мог, почему полиция задержала тебя. Дорогая, какая удача! Я думаю, знаешь ли... да, я определенно думаю, что с этого можно кое-что поиметь.

Расчетливость блеснула в ее глазах.

Катарин почувствовала неловкость. Они только закончили ленч. Они — это леди Темплин, воплощение практицизма; мистер Эванс, недалекий и напыщенный.

Ленокс с плутовской улыбкой на смуглом лице.

— Невероятная удача! Как бы мне хотелось пойти с вами и самому все увидеть. — Шабби сказал это совершенно по-детски.

Катарин молчала. Полиция не потребовала от нее хранить тайну, и, конечно, она не могла скрыть от своих новых друзей обстоятельств дела, из-за которого ее задержали, но рассказывать подробности ей совершенно не хотелось.

— Да! — Леди Темплин вернулась к своей мысли. — Из этого можно что-то сделать. Например, написать статью с таким названием: «Как я болтала с убитой женщиной» или что-то в этом роде.

— Вздор! — отрезала Ленокс.

— Ты даже не представляешь, — начала леди Темплин тихим учительским тоном, — сколько платят за «жареные» факты. Катарин, дорогая, если ты сама не хочешь это делать, познакомь меня со всеми деталями, и я сама напишу статью. Мистер Хайвеленд — мой закадычный друг. Мы неплохо понимаем друг друга. Очаровательный человек, не то что другие репортеры. Как тебе эта идея, Катарин?

— Я бы предпочла не делать ничего такого, — резко сказала Катарин.

Леди Темплин была весьма обескуражена этим бескомпромиссным заявлением.

Она вздохнула и принялась расспрашивать о подробностях.

— Женщина волновалась, ты сказала? Интересно, кто она такая? Ты не слышала ее имени?

— Его упоминали, но я забыла. Я была очень подавлена.

— Понимаю, — отозвался мистер Эванс, — должно быть, вы были в шоке?!

Если бы даже Катарин вспомнила имя убитой, вряд ли она назвала бы его.

Нездоровое любопытство леди Темплин и ее вопросы раздражали ее. Ленокс, девушка «себе на уме», поняла это. Проводив Катарин наверх в приготовленную для нее комнату, она сказала:

— Не обращай внимания на мать, она готова нажать хотя бы несколько пенни даже на смерти родной бабушки.

Когда Ленокс спустилась, она поняла, что мать и Шабби обсуждают гостью.

— Прилична, — говорила леди Темплин, — вполне прилична. И одета хорошо. Эта серая штучка, что на ней, точно такого же фасона, как на Глэдис Купер в «Пальмах Египта».

— Ты обратила внимание на ее глаза? — поинтересовался мистер Эванс.

— Думать не думала о ее глазах, Шабби, — недружелюбно, ответила леди Темплин. — Мы обсуждаем более реальные вещи.

— Конечно, конечно, — согласился мистер Эванс и снова, как улитка, спрятался в свою раковину.

— Мне кажется, она не слишком... сговорчива. — Леди Темплин немного замялась перед последним словом, как бы подбирая его.

— Она прирожденная леди, как об этом пишут в книгах, — усмехнулась Ленокс.

— Она ограничена, — пробормотала леди Темплин, — что, впрочем, вполне естественно при ее образе жизни.

— Не сомневаюсь, что ты постарайся ее расширить, — заметила Ленокс. но твои усилия могут оказаться напрасными. Ты не заметила, как она подобралась, поджала уши и затаилась на четырех лапах?

— Во всяком случае, — сказала леди Темплин, успокаивая себя, — она не похожа на других. Обычно люди, когда неожиданно получают много денег, становятся такими важными, что к ним не подступишься.

— И ты запросто сможешь получить от нее то что хочешь, — проворчала Ленокс. — И потом, не имеет значения, какая она. Ты же ее сюда пригласила в других целях.

— Она моя кузина, — с достоинством ответила леди Темплин.

— Кузина, да? — Шабби подался вперед. — Значит, я могу называть ее просто Катарин?

— Совершенно неважно, как ты будешь называть ее, Шабби, — заметила леди Темплин.

— Хорошо, — сказал мистер Эванс, — так я и буду ее называть. Как ты думаешь, она играет в теннис?

— Конечно, нет, — ответила леди Темплин. — Я же говорила тебе, она была компаньонкой. А компаньонки не играют ни в теннис, ни в гольф. Может быть, они играют в крикет, но мне всегда казалось, что они круглыми сутками сматывают шерсть и прогуливают собачек.

— О Господи! — воскликнул Шабби. — Неужели?

Ленокс поднялась в комнату Катарин.

— Могу я помочь тебе? — для приличия спросила она.

Выслушав отказ, уселась на кровати и задумчиво посмотрела на Катарин.

— Почему ты приехала? — спросила она наконец. — К нам, я имею в виду. Ты же совсем другая.

— Я хотела бы приобрести знакомых.

— Не прикидывайся, — Ленокс продемонстрировала подобие улыбки, — ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю. Ты совсем не такая, как я думала. Ты так хорошо одета. — Она вздохнула. — Это не для меня. Я родилась неуклюжей. А жаль, я люблю тряпки.

— Я тоже люблю, но до недавнего времени толку от этого не было. Тебе это нравится?

Они с Ленокс стали разглядывать наряды, привезенные Катарин.

— Ты мне нравишься, — вдруг сказала Ленокс. — Я хотела предупредить тебя, чтобы ты не шла на поводу у матери, но теперь вижу, это лишнее. Ты искренний, открытый человек, но не дура. О черт, что еще?

Из холла послышался голос леди Темплин.

— Ленокс! Дерек позвонил. Он хочет сегодня прийти к нам на обед. Хорошо? Ты не выкинешь какой-нибудь фортель?

Ленокс пошла к матери, а затем вернулась к Катарин. Ее лицо слегка порозовело и было менее насмешливым.

— Я рада, что приехал старина Дерек. Он тебе понравится.

— А кто такой Дерек?

— Сын лорда Леконберийского. Женат на богатой американке. Женщины сходят от него с ума.

— Почему?

— Все очень просто: он красив и совершенно испорчен. Каждая теряет из-за него голову.

— А ты?

— Иногда, но порой я думаю, что хотела бы выйти замуж за симпатичного дьячка, жить в деревне и поливать грядки. — Она помолчала, а потом кивнула как бы в подтверждение. — Ирландский дьячок лучше всего: в Ирландии я могла бы охотиться.

Помолчав, она вновь вернулась к прерванной теме.

— В Дереке есть что-то странное. Все его родные немного того чокнутые, игроки! В старину они разоряли жен, проигрывали поместья, рисковали жизнью Дерек мог бы стать чудным разбойником с большой дороги, беззаботным и веселым. Ладно, я пошла.

Оставшись одна, Катарин задумалась. Только сейчас она почувствовала, как устала от своего нового окружения и как все ее раздражает.

Происшествие в поезде, разговоры с полицией, расспросы ее новых друзей произвели на нее неприятное впечатление. Она жалела Руфь, но та не понравилась ей: эгоизм был основой ее натуры, а Катарин не принимала этого. Однако, привыкнув откликаться на радости и горести других, не могла не сочувствовать Руфи. Катарин вновь вспомнила свой разговор с ней и поняла, что Руфь приняла решение, но какое? Какое бы ни было, смерть сделала его не имеющим значения. Странно! Какой-то вор и убийца прервал столь важное для Руфи путешествие... Вдруг Катарин вспомнила деталь, о которой, забыла сказать полиции. А быть может, это совсем не важно? Она вспомнила, что видела мужчину, входящего в купе Руфи.

Но ведь она могла ошибиться! Это могла быть соседняя дверь, и тот мужчина совсем не похож на преступника.

Она очень хорошо его помнила после тех двух встреч — в «Савое» и в транспортном агентстве. Да, конечно, она ошиблась. Он не входил в купе убитой; хорошо, что она не сказала об этом полиции: она могла причинить ему вред.

Катарин вышла на балкон. Сквозь ветви мимозы она увидела синеву Средиземного моря. Все-таки хорошо, что она приехала сюда. Здесь лучше, чем в Сент Мэри Мед.

Вечером она надела платье «*sourir d'automne*» и, улыбнувшись своему отражению в зеркале, пошла вниз, впервые в жизни чувствуя в себе фантастическое сияние.

Большинство гостей леди Темплин уже собралось, и, так как болтовня была основным занятием хозяйки, шум стоял невероятный. Шабби подошел к Катарин, подал ей коктейль и взял ее под руку.

— О, Дерек, наконец-то! — воскликнула леди Темплин, когда вошел последний гость. — Теперь мы можем что-нибудь поесть. Я очень голодна.

Катарин взглянула в противоположный конец комнаты, Значит, его зовут Дерек — она поняла, что не удивлена. Она знала, что рано или поздно встретит человека, которого видела уже три раза. Да и он наверняка узнал ее. Он разговаривал с леди Темплин, потом отошел в сторону, казался смущенным. Все пошли в столовую, и Катарин обнаружила, что ее место рядом с ним. Он с улыбкой обратился к ней.

— Я знал, что увижу вас, и скоро, но никогда не предполагал, что это произойдет здесь. Мы уже встречались. Первый раз в «Савое» и второй — в агентстве Кука. Бог любит троицу. Только не говорите, что вы меня не запомнили или не заметили. Я настаиваю на том, что и запомнили, и заметили.

— Это так, — подтвердила Катарин. — Но мы встречались не два, а три раза. Сегодня — четвертый. Я видела вас в Голубом поезде.

— В Голубом поезде? — Что-то неувловимое произошло с ним, они не могла точно сказать, что это было: словно его неожиданно ударили. Затем он беззаботно сказал:

— Что за слухи ходили сегодня утром? Кто-то умер, правда?

— Да, — тихо сказала Катарин. — Кто-то умер.

— А вот вы не умрете в поезде, — засмеялся Дерек. — Уверен, что они спишут опоздание поезда на этот случай.

— Мистер Кеттеринг? — Крупная американка, сидевшая напротив Дерек, подалась вперед и начала говорить с напором, свойственным ее нации. — Мистер Кеттеринг, вы, наверное, забыли меня, мне кажется, вы очень приятный молодой человек...

Дерек что-то отвечал ей, а Катарин застыла в полном изумлении.

Кеттеринг! Та самая фамилия! Сейчас она ее вспомнила. Что за абсурд!

Мужчина, которого она видела входящим в купе своей жены прошлой ночью.

Он оставил ее живой и здоровой и теперь сидит за столом и даже не знает, что произошло. Сомнений не было. Он ничего не знает.

Слуга склонился над Дерек, подавая ему записку и что-то шепча на ухо.

Извинившись перед леди Темплин, Дерек развернул записку. То, что там было написано, удивило его. Он поднял глаза.

— Это невероятно, Розали, но боюсь, мне придется оставить вас. Начальник полиции хочет немедленно меня видеть. Не представляю, зачем я ему понадобился!

— Твои грехи настигли тебя, — пошутила Ленокс.

— Они и должны настигать, — согласился Дерек. — Наверное, идиотское недоразумение, но я должен идти. Почему бы старику не дать мне пообедать? Видимо, что-то смертельно серьезное заставляет его так мучить меня. — Он засмеялся, встал из-за стола и вышел из гостиной.

Глава 13

Ван Алдин получает телеграмму

Вечером 15 февраля жидкий желтый туман опустился на Лондон. Руфус Ван Алдин работал как вол в своем номере отеля «Савой». Найтона это радовало.

В последнее время ему трудно было заставить своего шефа сосредоточиться на делах, и, когда он напоминал ему о них, Ван Алдин довольно грубо осаждал его. Но теперь Ван Алдин с удвоенной энергией погрузился в работу, и, пользуясь благоприятным моментом; секретарь подсовывал ему все новые и новые бумаги. Он делал это как обычно, столь ненавязчиво и тактично, что Ван Алдин даже не замечал этого.

В самый разгар работы небольшая деталь утреннего разговора с Найтоном всплыла в сознании Ван Алдина.

Она тогда показалась ему не столь существенной, но теперь он снова и снова мысленно возвращался к ней и наконец вопреки обыкновению решил попросить секретаря рассказать все подробнее. Автоматически слушая Найтона и подписывая подсовываемые ему бумаги, он сказал:

— Ты не расскажешь мне все сначала?

— Вы имеете в виду это, сэр? — Найтон взял доклад компании.

— Нет, — ответил Ван Алдин. — Ты упоминал про служанку Руфи, которую встретил ночью в Париже. Не могу выкинуть это из головы. Может, ты ошибся?

— Я не ошибся, сэр. Я действительно видел ее и говорил с ней.

— Ну так расскажи мне, как это было.

— Я закончил дела с Береймерсом и вернулся в отель «Риц» собрать вещи, пообедать и успеть на поезд, который отходил в девять вечера с Северного вокзала. У конторки увидел женщину, в которой сразу признал служанку миссис Кеттеринг. Подошел к ней и спросил, где остановилась миссис Кеттеринг.

— Да, да, конечно, — продолжил Ван Алдин, — и она ответила, что Руфь поехала на Ривьеру, а ее оставила ждать дальнейших указаний.

— Точно так, сэр.

— Все это очень странно, — заметил Ван Алдин. — Очень странно. Может, она провинилась?

— Тогда, — сказал Найтон, — миссис Кеттеринг дала бы ей деньги и велела вернуться в Англию. Вряд ли она послала бы ее в отель «Риц».

— Действительно, — пробормотал миллионер, — это так.

Ван Алдин хотел еще что-то сказать, но сдержался.

Он был привязан к Найтону, любил его и доверял ему, но не мог обсуждать частную жизнь своей дочери с секретарем. Он и так был задет неискренностью Руфи, а здесь еще и это.

Почему Руфь оставила свою служанку в Париже?

Некоторое время он перебирал возможные варианты ответа на этот вопрос.

Руфи и в голову не пришло, что первым, кого встретит в Париже его секретарь, будет ее служанка. Хотя обычно так и бывает. Как правило, именно так все и всплывает наружу.

Последняя фраза, промелькнувшая в голове Ван Алдина, подтолкнула его к дальнейшим рассуждениям.

Что всплывает? Он задал себе этот вопрос, и ответ пришел незамедлительно: Арманд де ла Роше. Ван Алдину было горько, что его дочь могла связаться с таким человеком. Правда, Руфь он оставил в хорошем обществе — Ван Алдин вспомнил приятную сероглазую женщину, соседку по купе...

И он сказал Найтону самым обыденным тоном:

— Руфь вечно меняет свои планы ни с того ни с сего. А служанка не говорила, почему это Руфь вдруг передумала?

— Она сказала, сэр, что миссис Кеттеринг случайно встретила друга.

— Да? Мужчину или женщину?

— Кажется, она сказала — мужчину, сэр.

Ван Алдин кивнул. Худшие его опасения подтвердились. Он встал и заходил по комнате — он всегда так делал, когда волновался. Не в силах больше сдерживать свои чувства, он заговорил снова.

— Есть вещь, которую не в силах сделать ни один мужчина, — заставить женщину послушаться. Женщина живет вслепую. Любой

негодяй может ею завладеть. А негодяи обычно красивы, сладкоречивы. Была б моя воля...

Его перебили: мальчик-посыльный принес телеграмму. Ван Алдин развернул ее и смертельно побледнел. Он упал в кресло и махнул мальчику, чтобы тот ушел.

— Что случилось, сэр?

— Руфь! — горестно выговорил Ван Алдин.

— Миссис Кеттеринг?

— Убита!

— Дорожная авария?

— Нет, скорее всего ее ограбили. Они не написали, что ее убили, но я знаю, что мою бедную девочку убили.

— О Боже, сэр!

Ван Алдин указал на телеграмму.

— Это из Ниццы. Я должен ехать туда первым же поездом.

Найтон был как обычно услужлив. Он взглянул на часы.

— Поезд отходит в пять часов от «Виктории», сэр.

— Хорошо. Ты, Найтон, поедешь со мной. Скажи слуге Арчи и собери вещи. Проследи за всем. Я хочу зайти на Керзон-стрит.

Резко зазвонил телефон, и секретарь снял трубку:

— Да? Кто говорит?

Он обратился к Ван Алдину:

— Мистер Гоби, сэр.

— Гоби? Я не могу сейчас принять его. Хотя, подожди. У нас еще есть время. Скажи, чтобы его проводили сюда.

Ван Алдин был сильным человеком. Он обрел присутствие духа. Только самые близкие люди могли почувствовать нечто необычное в том, как он приветствовал Гоби.

— У меня мало времени, Гоби. Вы хотите сообщить мне что-то важное?

Мистер Гоби откашлялся.

— Действия мистера Кеттеринга, сэр. Вы просили, чтобы я сообщал вам о них.

— Ну и что?

— Мистер Кеттеринг, сэр, выехал из Лондона на Ривьеру вчера утром.

— Что?

Нечто в тоне миллионера насторожило мистера.

Гоби. Этот достойный джентльмен даже изменил своей привычке не смотреть на собеседника и бросил быстрый взгляд на миллионера.

— Каким поездом он уехал? — прорычал Ван Алдин.

— Голубым, сэр.

Мистер Гоби откашлялся и продолжал, обращаясь к каминным часам:

— Мадемуазель Мирель, танцовщица из «Пантеона», уехала тем же самым поездом.

Глава 14

История, рассказанная Адой Мейсон

— Я не могу найти слов, чтобы выразить, месье, наши соболезнования и наше глубокое почтение и уважение по отношению к вам...

Эти слова, адресованные Ван Алдину, принадлежали месье Карре, магистрату. Пока он их произносил, месье Кау издавал сочувственные возгласы. Ван Алдин протестующим жестом отверг соболезнования, почтение и уважение. Все это происходило в магистратуре Ниццы.

Кроме месье Карре, месье Кау и Ван Алдина, здесь был еще один человек, и вот этот человек заговорил:

— Месье Ван Алдин хочет действий, срочных действий.

— О! — воскликнул комиссар. — я не представил вам, месье Ван Алдин, нашего друга, месье Эркюля Пуаро. Не сомневаюсь, что вы слышали о нем. Он отошел от дел несколько лет назад, но и сейчас является величайшим детективом мира.

— Счастлив познакомиться с вами, месье Пуаро, — автоматически произнес миллионер слова, которые он уже давно не употреблял. — Так вы уже не работаете?

— Да, месье, я наслаждаюсь жизнью. — И маленький человек широко развел руками.

— Месье Пуаро случайно оказался в Голубом поезде, — объяснил комиссар, — и был столь любезен, что предложил нам помощь в расследовании.

Миллионер пристально посмотрел на Пуаро. И неожиданно произнес:

— Я очень богатый человек, месье Пуаро. Принято считать, что богатый человек полагает, будто можно купить все и всех, но это не так. Я большой человек в своем роде, и вот один большой человек просит об одолжении другого большого человека.

Пуаро оценил эту фразу, многозначительно покачав головой.

— Прекрасно сказано, месье Ван Алдин. Я к вашим услугам.

— Благодарю вас! Вы можете обращаться ко мне в любое время. Я уверяю вас, что можете рассчитывать на мою благодарность. А теперь,

джентльмены, к делу.

— Я предлагаю, — сказал месье Карре, — начать с Ады Мейсон, служанки. Я правильно понял, она здесь?

— Да, — ответил Ван Алдин, — мы захватили ее в Париже. Она огорчилась, узнав о том, что случилось с ее госпожой, но свою историю излагает вполне убедительно.

— Вот мы ее и выслушаем, — решил месье Карре.

Он позвонил в колокольчик, и через минуту перед ними предстала Ада Мейсон.

Вся в черном — она успела поменять даже серые дорожные перчатки на черные, — она шмыгала красным носом и тревожно оглядывалась, хотя присутствие Ван Алдина и подбадривало ее. Месье Карре, стараясь снять напряжение, заговорил добродушным тоном, ему помог Пуаро, выступивший в роли переводчика. Его доверительный, дружеский тон подействовал на служанку успокаивающе.

— Ваше имя Ада Мейсон, не так ли?

— Я была крещена как Ада Беатрис, сэра.

— Так, так. Мы понимаем, мадемуазель, что случившееся произвело на вас ужасное впечатление — о да, это так, сэра. Я служила у многих леди, и все они были довольны мной, но никогда не представляла, что подобное может случиться.

— Разумеется, — подтвердил месье Карре.

— Конечно, я читала о таких вещах в воскресных газетах, поэтому знала, что в этих иностранных поездах... — Она вдруг запнулась, вспомнив, что джентльмены, с которыми она говорит, той же национальности, что и поезда.

— Давайте поговорим о случившемся, — сказал месье Карре. — Насколько я понял, когда вы уезжали из Лондона, и речи не было о том, чтобы вы остались в Париже?

— О нет, сэра, мы должны были ехать прямо в Лондон.

— Были ли вы со своей госпожой за границей до этого?

— Нет, сэра. Я ведь проработала у нее всего два месяца.

— Как вы считаете, она была взволнована, когда вы уезжали из Лондона?

— Похоже, она нервничала, была расстроена, ей было очень трудно угодить.

Месье Карре кивнул.

— А теперь, Мейсон, что сказала ваша госпожа, когда вы приехали в Париж?

— Это случилось на Лионском вокзале, сэр. Моя госпожа решила выйти из поезда и прогуляться по платформе. Она вышла в коридор, как вдруг вскрикнула и тут же вернулась в купе с каким-то джентльменом. Закрыла дверь между своим купе и моим, я ничего не слышала и не видела до тех пор, пока она не открыла дверь и не сказала мне, что изменила свои планы. Она дала мне деньги, велела сойти с поезда и ехать в отель «Риц». Ее там хорошо знают, объяснила она, и мне дадут номер. Я должна была ждать ее дальнейших указаний. Времени у меня оставалась только-только, я едва успела схватить свои вещи и выскочить из поезда. Все происходило в ужасной спешке.

— Где в это время находился джентльмен?

— Он стоял в ее купе, сэр, лицом к окну.

— Вы можете его описать?

— Понимаете, сэр, я почти не видела его. Он все время стоял ко мне спиной. Высокий темноволосый джентльмен. Вот и все, что я могу сказать. Одет он был обычно — в темно-синее пальто и серую шляпу.

— Мог ли он быть одним из пассажиров поезда?

— Не думаю, сэр. По-моему, он ждал миссис Кеттеринг на станции. Конечно, может, он и ехал в поезде, не знаю. — Казалось, Мейсон взволновало такое предположение.

— О! — И месье Карре быстро сменил тему. — Среди багажа была сафьяновая шкатулка, не так ли? — спросил он. — Там ваша госпожа хранила драгоценности.

— Да, сэр.

— Вы взяли ее с собой в «Риц»?

— Я? Взять драгоценности госпожи в «Риц»? Что вы, сэр! — ужаснулась Мейсон.

— Значит, она осталась в поезде?

— Да, сэр.

— Много ли драгоценностей было у вашей госпожи с собой?

— Очень много, сэр, даже удивительно, неужели она не слышала все эти истории про грабителей в иностранных поездах? Это же так

рискованно. Ведь только рубины, как сказала мне госпожа, стоят несколько сотен тысяч фунтов.

— Рубины? Какие рубины? — взревел Ван Алдин.

Мейсон повернулась к нему:

— Ну, я думала, те, что вы недавно подарили ей.

— Господи! — воскликнул Ван Алдин. — Уж не хочешь ли ты сказать, что она взяла их с собой? Я велел оставить их в банке.

Мейсон сделала жест, показывающий, что она всего лишь служанка и не отвечает за действия своей госпожи.

— Руфь, наверное, сошла с ума, — горестно пробормотал Ван Алдан. — Что могло заставить ее сделать это?

— Один момент! — Месье Карре обратился к Мейсон:

— Я полагаю, с этим все. Пройдите в соседний кабинет. Там вы сможете прочитать и заверить протокол нашей беседы.

Мейсон вышла, сопровождаемая клерком, а Ван Алдин нетерпеливо обратился к судебному исполнителю:

— Ну что?

Месье Карре открыл ящик стола, вынул письмо и подал его Ван Алдину.

— Мы обнаружили это в сумочке мадам.

«Chere amie^[18], я буду сама послушность, осторожность, благоразумие всем тем, что ненавистно влюбленному. Наверное, Париж — это неразумно, но Йерские острова далеки от мира, и можешь быть уверена, что оттуда ничего не просочится. Твоя божественная любовь к драгоценным камням — чудное выражение твоей изысканной натуры. Именно тебе должно принадлежать необыкновенное право — видеть и держать в руках исторические рубины. Я посвящу отдельную главу моей книги Огненному сердцу. Моя восхитительная! Я сделаю все, чтобы грустные годы разлуки и пустоты стерлись в твоей памяти.

Вечно твой Арманд».

Глава 15

Граф де ла Роше

Ван Алдин читал письмо в полной тишине. Его лицо стало злым. Было видно, как вздуваются вены на висках и сжимаются кулаки. Не говоря ни слова, он вернул письмо месье Карре, который уставился на стол. Взгляд месье Кау блуждал по потолку.

Месье Пуаро стряхивал пылинки с рукава своего пальто. Из деликатности никто из них старался не смотреть на Ван Алдина.

Первым нарушил молчание месье Карре, видимо, вспомнив о своем служебном долге, вынуждающем его говорить на неприятные темы.

— Наверное, месье, — пробормотал он, — вам известно лицо, написавшее письмо?

— Боюсь, что да, — тяжело вздохнул Ван Алдин.

— Вот как? — заинтересованно сказал месье Карре.

— Это негодяй, который именуется графом де ла Роше.

Наступила пауза. Затем месье Пуаро резко подался вперед, задев линейку на столе месье Карре, и прямо, сказал миллионеру:

— Месье Ван Алдин, уверяю вас, нам очень неприятно говорить об этом, но, поверьте, сейчас не время скрывать что-либо. Происшедшее призывает нас сделать все возможное для раскрытия преступления. Если вы подумаете, то согласитесь со мной.

Ван Алдин помолчал, потом согласно кивнул.

— Вы совершенно правы, месье Пуаро! Мне очень неприятно, однако вы правы, сейчас не время что-либо скрывать.

Комиссар облегченно вздохнул, а магистрат откинулся на спинку стула, поправив пенсне.

— Конечно, вы расскажете все про этого джентльмена так, как сочтете нужным.

— Это началось одиннадцать или двенадцать лет назад в Париже. Моя дочь была молоденькой девушкой и, как все они, была романтична до идиотизма. Тайком от меня она подружилась с графом де ла Роше. Наверное, вы слышали о нем?

Комиссар и Пуаро дружно кивнули.

— Он называет себя графом, — продолжал Ван Алдин, — но сомневаюсь, что он имеет право на этот титул.

— Вы не найдете его имени в «Almanac de Gotba»^[19], — согласился комиссар.

— Это я выяснил, — продолжил Ван Алдин. — Он красивый мерзавец, сыгравший роковую роль в жизни многих женщин. Он вскружил голову Руфи, но я быстро положил конец их отношениям. Этот человек — самый обычный мошенник.

— Вы совершенно правы, — сказал комиссар. — Граф де ла Роше нам хорошо известен. Мы давно бы арестовали его, но, увы, это непросто: он очень осторожен. Он всегда имеет дело с дамами, занимающими высокое положение в обществе. Он добивается от них денег по фальшивым долговым распискам или с помощью шантажа, и они, естественно, не обращаются к нам. Выглядеть душой в глазах целого света! О нет, на это ни одна не пойдет. Поэтому он и держит женщин в своих руках.

— Да, это так. — Ван Алдин был глубоко подавлен. — Ладно... Как я сказал вам, я быстро положил конец этому. Я понятно объяснил Руфи, кто он такой, и казалось, она мне поверила. Примерно через год она встретила Дерека Кеттеринга и вышла за него замуж. Я думал, роман с графом закончился. Но несколько дней назад с удивлением обнаружил, что дочь возобновила встречи с графом де ла Роше. Они виделись в Лондоне и Париже. Я указал ей на недопустимость этого, ибо, признаюсь вам, джентльмены, по моему совету она решила подать прошение о разводе.

— Это интересно, — бормотал Пуаро, глядя в потолок. — Интересно.

Ван Алдин бросил на него быстрый взгляд и продолжил:

— Я объяснил ей, что в данной ситуации неразумно встречаться с графом. Думал, она согласилась со мной.

Магистрат деликатно откашлялся.

— Но, согласно этому письму... — начал он.

Ван Алдин крепко сжал челюсти.

— Знаю. Чертова мясорубка вышла. Как это ни неприятно, надо смотреть фактам в лицо. Не вызывает сомнений, что Руфь договорилась встретиться с графом в Париже. После нашего разговора она, видимо, объяснила графу, что он должен быть осторожным.

— Йерские острова, — задумчиво произнес комиссар, — спокойное и идиллическое местечко.

Ван Алдин покачал головой.

— Мой Бог! Как могла Руфь оказаться такой дурой! — в отчаянии вскричал он. — И что это он там болтает насчет книги о камнях? Мне кажется, прежде всего надо обратить внимание на рубины.

— Есть несколько очень известных рубинов, — заметил Пуаро. — Когда-то они украшали корону российских монархов. Они уникальны, и каждый из них легенда. Говорят, недавно их приобрел американец. Мы не ошибаемся, месье, предположив, что это вы?

— Да, — подтвердил Ван Алдин, — я купил их в Париже дней десять назад:

— Простите, месье, но как долго шли переговоры об этой покупке?

— Чуть более двух месяцев. А что?

— Подобные вещи быстро становятся известными, — сказал Пуаро. — Обычно по следам таких камней идет целая толпа.

Лицо Ван Алдина исказилось болью.

— Помню, — горестно сказал он, — я еще пошутил, когда дарил Руфи эти камни. Я сказал, чтобы она не брала их с собой на Ривьеру, ибо не хочу видеть ее убитой и ограбленной. Господи! Разве я мог предположить, что это окажется правдой?

Наступила сочувственная тишина. Потом снова заговорил Пуаро:

— Давайте расставим все факты по порядку. Согласно нашей версии, граф де ла Роше знал, что вы купили эти камни. Весьма примитивным способом он уговорил вашу дочь взять их с собой. Значит, Мейсон видела в Париже именно его.

Все дружно закивали.

— Мадам удивилась, увидев его, но он быстро все уладил: Мейсон была убрана с дороги. Мы знаем от проводника, что он приготовил постель в одном купе, но не заходил во второе, а там мог находиться граф. Никто не знал о том, что он в поезде, кроме мадам. Он был осторожен, поэтому-то служанка и не видела его лица. Она смогла лишь заметить, что он высок и темноволос. Но таких миллионы) Они одни, поезд летит в ночи. Все просто: ни сопротивления, ни крика, ведь это был мужчина, который, как она думала, любит ее.

Он деликатно обратился к Ван Алдину:

— Смерть, месье, произошла мгновенно. Граф взял шкатулку с драгоценностями. Вскоре после этого поезд прибыл в Лион.

Месье Карре почесал подбородок.

— Похоже. Проводник ничего не видел. Граф мог выйти из поезда незамеченным. Потом он мог спокойно вернуться в Париж, мог уехать куда угодно, рассчитывая, что преступление расценят как обычный дорожный грабеж. Письмо, которое мы нашли в сумочке мадам, граф не заметил.

— Это было опрометчиво с его стороны — не проверить сумочку, — заметил комиссар.

— Уверен, он думал, что мадам уничтожила письмо. Хранить его, простите, месье, было неблагоприятно.

— И кроме того, — пробормотал Пуаро, — странно, что граф не предвидел этого.

— Вы имеете в виду...

— Я имею в виду, что все мы едины в одном: граф жил за счет женщин. И зная женщин так, как знал их он, он не предусмотрел, что мадам могла хранить его письмо?

— Да, да, — неуверенно сказал магистрат, — в этом что-то есть. Но в такие моменты, знаете ли, человек не владеет собой. Он не способен хладнокровно рассуждать. Mon Dieu! — с чувством закивал он, — если бы наши преступники размышляли и руководствовались разумом, как бы мы ловили их?

Пуаро улыбнулся про себя.

— Все ясно, — продолжал месье Карре, — но доказать это будет нелегко. Граф — скользкий субъект, и пока служанка не опознает его...

— Что вряд ли произойдет, — вставил Пуаро.

— Да, конечно, — магистрат почесал затылок, — это будет трудно.

— Если он действительно совершил преступление... — начал Пуаро, но месье Кау перебил его:

— Если? Вы сказали «если»?

— Да, месье комиссар, я сказал «если».

Комиссар озадаченно посмотрел на него.

— Вы правы, — наконец произнес он. — Мы слишком торопимся. Возможно, у графа есть алиби.

И мы будем выглядеть дураками.

— Ah, да par exemple^[20], — заметил Пуаро, — как раз не Очень важно. Если он совершил преступление, у него есть алиби. Человек с таким богатым опытом, как граф, осторожен. Нет, я сказал «если» по другой причине.

— По какой же?

Пуаро, поднял указательный палец:

— Психология!

— Как? — сказал комиссар.

— Мы не учли психологию. Граф негодяй — да. Граф мошенник — да. Он собирался похитить драгоценности — да. Он похож на убийцу? Я утверждаю; нет! Люди типа графа трусливы, они никогда не рискуют. Они играют только в безопасные игры, англичане называют это «низкой игрой». Но убийство — тысячу раз нет! — И он энергично и протестующе покачал головой.

Однако магистрат был не согласен.

— Наступает день, когда подобные люди теряют голову и заходят слишком далеко, — нравоучительно произнес он. — Несомненно, мы имеем дело с таким случаем. Я не хотел бы спорить с вами, уважаемый месье Пуаро...

— Это лишь предположение, — поспешил объяснить Пуаро, — дело ведете вы, и вы вольны действовать, как считаете нужным.

— Во всяком случае, мы должны найти графа де ла Роше. Вы согласны со мной, месье комиссар?

— Полностью.

— А вы, месье Ван Алдин?

— Да, — ответил миллионер. — Да, этот человек — законченный негодяй, и сомневаться в этом не приходится.

— Боюсь, что поймать его будет нелегко, — сказал месье Карре, — однако мы сделаем все что в наших силах. Телеграфные инструкции будут отправлены немедленно.

— Позвольте мне помочь вам, — вмешался Пуаро. — Найти графа совсем несложно.

Все недоуменно посмотрели на него. Маленький человек широко улыбнулся.

— Знать — это моя профессия. — объяснил он. — Граф — человек из общества. В настоящий момент он находится на вилле, —

которую арендует. Она называется «Марина Антибис».

Глава 16

Пуаро собирает факты

Все с восхищением смотрели на Пуаро. Его слова произвели сильное впечатление. Комиссар принужденно засмеялся.

— Вы учите нас нашей же работе! — воскликнул он. — Месье Пуаро осведомлен больше полиции.

Пуаро самодовольно посмотрел в потолок.

— Да что вы, это просто мое маленькое хобби, — пробормотал он, — знать обо всем. Естественно, у меня было время научиться этому. Я изучил предостаточно разных преступлений.

— О! — комиссар выразительно потряс головой, — что до меня...

И он сделал жест, показывающий, что подобное лежит и на его плечах.

Пуаро обратился к Ван Алдину:

— Вы согласны, месье, с этой точкой зрения? Вы уверены, что граф де ла Роше — убийца?

— Ну, мне кажется... конечно, да.

Что-то в тоне этого ответа заинтриговало месье Карре, и он с интересом посмотрел на американца.

Казалось, тот не очень уверен в своей правоте и не договаривает всего, что имеет отношение к делу.

— Как насчет моего зятя? — спросил Ван Алдин. — Вы дали ему знать о случившемся? Мне известно, что он в Ницце.

— Конечно, месье. — Комиссар запнулся и неуверенно продолжил:

— Вы, наверное, уже знаете, что месье Кеттеринг тоже был среди пассажиров Голубого поезда?

Миллионер кивнул.

— Я узнал об этом еще в Лондоне, — кратко пояснил он.

— Он сказал, — продолжил комиссар, — будто даже не представлял, что его жена едет этим же поездом.

— Держу пари, что не представлял, — мрачно согласился Ван Алдин. — Ему было бы не по себе, если бы они встретились в дороге.

Присутствующие вопросительно посмотрели на него.

— Я не хочу вдаваться в подробности, — со злостью продолжил Ван Алдин.

— Никому неизвестно, что пришлось пережить моей бедной девочке. Дерек Кеттеринг был не один. С ним была женщина.

— Да?

— Мирель, танцовщица.

Месье Карре и месье Кау посмотрели друг на друга, а затем одновременно кивнули, словно пришли к одному и тому же выводу. Месье Карре откинулся на спинку стула, сцепил руки и уставился в потолок.

— Да, — пробормотал он, — удивительно. — Он откашлялся. — Вообще-то ходили слухи.

— Дама, — заметил месье Кау, — весьма примечательная.

— Кроме того, — тихо проговорил Пуаро, — весьма дорогая.

Ван Алдин побагровел. Он с силой грохнул кулаком по столу.

— Знайте же, — закричал он, — мой зять — отъявленный подлец.

Он переводил свирепый взгляд с одного на другого.

— Да, — продолжил он, — он красив, очарователен, прост в общении. На это я и купился однажды. Наверное, он притворился совершенно убитым горем, когда вы сообщили ему о Руфи, если, конечно, он уже не знал об этом?

— О, он был просто ошарашен.

— Проклятый лицемер, — сказал Ван Алдин, — он, конечно, изобразил глубочайшее горе?

— Н... нет, я бы так не сказал, — осторожно проговорил месье комиссар, — а вы как считаете, месье Карре?

— Шок, удивление, ужас да, — ответил тот. — Большое сожаление — нет.

Эркюль Пуаро заговорил снова:

— Позвольте задать вам один вопрос, месье Ван Алдин. Выигрывает ли месье Кеттеринг от смерти своей жены?

— Он получает два миллионам.

— Долларов?

— Фунтов. Я перевел эту сумму на имя Руфи, когда она выходила замуж. Она не оставила завещания, детей у них не было, поэтому деньги переходят к ее мужу.

— С которым она собиралась разводиться, — пробормотал Пуаро. — Ах, да, preclsemem^[21].

Комиссар вопросительно взглянул на него.

— Вы хотите сказать... — начал он.

— Я ничего не хочу сказать, — перебил его Пуаро. — Я просто собираю факты, вот и все.

Ван Алдин смотрел на него со все возрастающим интересом.

Маленький человек встал.

— Не думаю, чтобы я мог быть вам полезен чем-нибудь еще, — произнес он, отвешивая легкий поклон в сторону месье Карре. — Надеюсь, вы будете информировать меня о ходе расследования. С вашей стороны это было бы огромной любезностью.

— Ну, разумеется.

Ван Алдин тоже поднялся.

— Мое присутствие больше не обязательно?

— Нет, месье, мы получили всю информацию, в которой нуждались в данный момент...

— Тогда я немного пройду с месье Пуаро, если, конечно, он не против?

— Буду польщен, месье. — Пуаро отвесил поклон.

Ван Алдин закурил сигару, вначале протянув свой портсигар Пуаро, но тот отказался и закурил свою сигарету. Человек сильный и волевой, Ван Алдин уже обрел свое обычное присутствие духа. Некоторое время они шли молча, первым заговорил миллионер:

— Насколько я понял, месье Пуаро, вы отошли от дел?

— Это правда, месье, я наслаждаюсь жизнью.

— Однако вы помогаете полиции в расследовании этого преступления?

— Месье, представьте: врач идет по улице, происходит несчастный случай. Разве он станет рассуждать: «Я отошел от дел и продолжу свою прогулку», если в это время у его ног будет умирать человек? Если бы я уже был в Ницце и полиция попросила бы меня о помощи, возможно, я бы и отказался. Но раскрытие этого преступления на меня возложил сам Бог.

— Потому, что вы оказались на месте преступления, — задумчиво произнес Ван Алдин. — Вы ведь осмотрели купе, не так ли?

Пуаро кивнул.

— Наверняка вы нашли там что-то, что вас заинтересовало?

— Возможно, — ответил Пуаро.

— Надеюсь, вы понимаете, к чему я клоню? Мне кажется, что все говорит против графа де ла Роше, но я не дурак. Я все время наблюдал за вами и понял, что у вас есть веские причины не соглашаться с этой версией.

Пуаро пожал плечами:

— Я могу ошибаться.

— Вот мы и подошли к одолжению, о котором я хочу попросить вас. Не могли бы вы свои соображения изложить мне?

— Лично вам?

— Именно это я имею в виду.

Пуаро немного помолчал, затем сказал:

— Вы понимаете, о чем просите?

— Думаю, да, — ответил Ван Алдин.

— Очень хорошо, — произнес Пуаро. — Я допускаю это. Но в таком случае я вправе ожидать честных ответов на мои вопросы.

— Разумеется. Это мне понятно.

Тон Пуаро изменился. Он вдруг стал резким и деловым.

— Вопрос касается развода. — сказал он. — Это вы посоветовали дочери подать прошение?

— Да.

— Когда?

— Около десяти дней назад. Получив письмо, в котором она жаловалась на мужа, я объяснил ей, что развод — единственный выход.

— На что именно она жаловалась?

— Это связано с весьма заметной дамой, о которой мы говорили, — с Мирель.

— Танцовщица. Хм! И мадам Кеттеринг возражала против этой связи? Она была предана мужу?

— Я бы так не сказал, — после небольшой паузы ответил Ван Алдин.

— Вы считаете, что на, самом деле страдало не ее сердце, а самолюбие?

— Да, полагаю, именно так и было.

— Тем более что брак не был счастливым с самого начала?

— Дерек Кеттеринг неисправим, — сказал Ван Алдин. — Он не способен сделать счастливой ни одну женщину.

— Как говорят, он — тяжкий крест. Да?

Ван Алдин кивнул.

— *Tres bien!* Значит, вы посоветовали мадам подать на развод; она согласилась; вы проконсультировались у адвокатов. Когда месье Кеттеринг узнал об этом?

— Я сам вызвал его и объяснил, что намерен делать.

— И что он сказал? — тихо пробормотал Пуаро.

Ван Алдин напряг память:

— Он вел себя очень нагло.

— Простите мой вопрос, месье, но упоминал ли он о графе де ла Роше?

— Это имя он не называл, — мрачно ответил миллионер, — но дал понять, что ему кое-что известно.

— Позвольте поинтересоваться финансовым положением месье Кеттеринга.

— Откуда мне знать? — сказал миллионер в замешательстве.

— Полагаю, что прежде всего ты должны были выяснить именно это.

— Хорошо, вы правы. Я выяснил; Я выяснил, что Кеттеринг на мели — А теперь он получит два миллиона фунтов! *La vie*^[22], — не удивительно он?

Ван Алдин свирепо посмотрел на него:

— Что вы имеете в виду?

— Я морализирую, — сказал Пуаро. — Размышляю, философствую. Но вернемся к нашим баранам. Конечно, месье Кеттеринг не собирался сдаваться без боя?

Ван Алдин ответил не сразу:

— Я не знал о его намерениях.

— Вы поддерживали с ним связь?

Снова пауза, затем Ван Алдин сказал:

— Нет.

Пуаро застыл как вкопанный, потом приподнял шляпу и помахал рукой.

— Всего доброго, месье. Я ничем не могу вам помочь.

— В чем дело? — воскликнул Ван Алдин.

— Если вы не говорите мне правды, я ничего не могу для вас сделать.

— Я вас не понимаю.

— Думаю, понимаете. Будьте уверены, месье Ван Алдин, я умею хранить чужие секреты.

— Ну хорошо, — сдался миллионер. — Признаю, что сказал неправду. Я еще раз общался со своим зятем.

— Да?

— Точнее, я поручил моему секретарю майору Найтону от моего имени предложить Кеттерингу деньги — сто тысяч фунтов — за то, что он не будет поднимать шума во время развода.

— Хорошенькая сумма, — задумчиво проговорил Пуаро. — И что ответил ваш зять?

— Он передал через секретаря, чтобы я убирался к дьяволу, — кратко ответил Ван Алдин.

Пуаро сохранял бесстрастность. Он методично собирал все факты.

— Месье Кеттеринг заявил в полиции, что не видел свою жену во время поездки. Вы склонны верить в это?

— Да, — ответил Ван Алдин. — У него были свои причины не встречаться с ней, — Какие?

— С ним была женщина.

— Мирель?

— Да.

— Откуда вам это известно?

— Человек, которому я поручил следить за ним, доложил мне, что они уехали одним поездом.

— Понимаю! Это и было причиной, по которой его встреча с мадам Кеттеринг была нежелательна.

Маленький человек замолчал. Ван Алдин не мешал его размышлениям.

Глава 17

Аристократ

— Вы бывали на Ривьере, Жорж? — такой вопрос задал Пуаро своему слуге на следующее утро.

Жорж был ярко выраженным англичанином с застывшим выражением лица.

— Да, сэр. Я был здесь два года назад, когда служил у лорда Эдварда Фрэмптона.

— А сегодня, — пробормотал маленький человек, — вы служите у Эркюля Пуаро. Какой прогресс!

Слуга никак не прореагировал на это замечание. После продолжительной паузы он спросил:

— Коричневый костюм, сэр? Ветер сегодня резкий.

— На жилете пятно, — возразил Пуаро. — A morceau of Filet de sole a la Jeanette^[23], появилось во время ленча в отеле «Риц».

— Пятна уже нет, — укоризненно возразил Жорж. — Я вывел его.

— Tres bleni — похвалил его Пуаро. — Я доволен вами, Жорж.

— Благодарю, сэр.

Они помолчали, потом Пуаро мечтательно сказал:

— Представьте, мой милый Жорж, что вы принадлежите к тому же социальному кругу, что и ваш бывший хозяин лорд Эдвард Фрэмптон. Вы добились того, что за вас вышла замуж очень богатая женщина, а она решила подать на развод, имея на то веские основания. Что бы вы стали делать?

— Я бы сделал так, сэр, — ответил Жорж, — чтобы она передумала.

— Мирным или немирным путем?

Жорж был шокирован.

— Вы меня простите, сэр, — сказал он, — но джентльмен, аристократ, никогда не ведет себя, как простой дьяк. Он не способен на низость.

— Действительно, Жорж? Удивительно. Впрочем, может, вы и правы.

В дверь постучали. Жорж приоткрыл ее. Послышался тихий голос. Затем слуга вернулся.

— Записка, сэр.

Пуаро прочитал записку от месье Кау, комиссара полиции: «Мы собираемся допросить графа де ла Роше и просим вас присутствовать».

— Быстро мой костюм, Жорж! Я должен поторопиться.

Через четверть часа запыхавшийся Пуаро вошел в магистратуру. Месье Кау был уже здесь и вместе с месье Карре сердечно приветствовал Пуаро.

— Мы несколько обескуражены, — произнес месье Кау. — Оказывается, граф приехал в Ниццу за день до убийства.

— Если это правда, ваше затруднение легко разрешается, — заметил Пуаро.

Месье Карре откашлялся.

— Мы не должны принимать это алиби, не проверив его со всей возможной тщательностью, — заявил он и позвонил, в колокольчик.

В следующий момент в кабинет вошел высокий, темноволосый, прекрасно одетый мужчина. Держался он весьма надменно. Выглядел прирожденным аристократом. Слухи о том, что его отец был мельником в Нанте, могли показаться полной чепухой, однако это было именно так. Глядя на него, можно было решить, что его предки прошли через гильотину во времена Французской революции.

— Я к вашим услугам, господа, — надменно произнес граф. — Позвольте спросить, зачем я вам понадобился?

— Садитесь, пожалуйста. — Месье Карре старался сохранять любезность. Мы расследуем обстоятельства смерти мадам Кеттеринг.

— Смерти мадам Кеттеринг? Не понимаю.

— Вы были... связаны с леди, насколько мне известно, месье граф?

— Да, а что?

Нацепив на нос пенсне, он спокойно оглядел кабинет. Его взгляд задержался на Пуаро, который смотрел на него с нескрываемым простодушным восхищением, очень польстившим графу. Месье Карре откинулся на спинку стула и откашлялся.

— Вы, конечно, знаете, месье граф, что мадам Кеттеринг убита?

— Убита? Mon Dieu, какой ужас!

Удивление и сожаление были сыграны прекрасно, так прекрасно, что выглядели совершен но естественными.

— Мадам Кеттеринг была задушена между Парижем и Лионом, — продолжал месье Карре, — а ее драгоценности похищены.

— Это незаконно! — горячо воскликнул граф. — Полиция обязана предпринять какие-то меры против бандитов. Сегодня никто не чувствует себя в безопасности.

— В сумочке мадам, — продолжал месье Карре, — мы нашли ваше письмо. Похоже, она собиралась с вами встретиться?

Граф пожал плечами и развел руками.

— Нет смысла скрывать! — прямо сказал он. — Мы все мужчины. Между нами говоря, так оно и было.

— Вы встретились с ней в Париже и дальше поехали вместе, не так ли? — спросил месье Карре.

— Так мы договорились, но мадам изменила свои — планы. Я должен был встретить ее на островах.

— Вы не встретили ее в Париже вечером четырнадцатого числа?

— Каким, образом? Я приехал в Ниццу утром четырнадцатого. Так что, как вы понимаете, это было невозможно.

— Конечно, конечно, — согласился месье Карре. — И вы, наверное, можете рассказать нам, что делали вечером и ночью четырнадцатого числа?

Граф немного подумал.

— Я пообедал в Монте-Карло в кафе де Пари. Потом отправился в Ле Стортинг. Проиграл несколько тысяч франков. — Он пожал плечами. — Домой вернулся, кажется, в час.

— Простите, месье, но каким образом вы добрались до дома?

— На моем собственном двухместном автомобиле.

— С вами никого не было?

— Никого.

— Вы могли бы назвать кого-нибудь, кто подтвердит ваш рассказ?

— Конечно! Многие мои друзья видели меня в тот вечер.

— Ваш слуга видел, когда вы вернулись на виллу?

— У меня свой ключ.

— Разумеется, — пробурчал месье Карре.

Он снова позвонил а колокольчик. Открылась дверь, и появился посыльный.

— Пусть войдет Ада Мейсон.

Появилась Ада Мейсон.

— Будьте добры, мадемуазель, взгляните на этого джентльмена. Это не он был в купе вашей госпожи в Париже?

Женщина долго и внимательно изучала графа, который, как заметил Пуаро, чувствовал себя неуютно под ее взглядом.

— Я не могу сказать, месье, что я уверена, — произнесла она наконец. Может, это он, а может, и нет. И ведь говорила вам, что видела его только со спины. Скорее всего, мне кажется, это все же он.

— Но вы не уверены?

— Нет... — Ада Мейсон запнулась. — Н-н-ет, я не уверена.

— Видели вы этого джентльмена раньше на Керзон-стрит?

Мейсон покачала головой.

— У меня не было необходимости разглядывать всех, кто приходил на Керзон-стрит, — объяснила она.

— Ну хорошо, хорошо, — разочарованно произнес месье Карре.

— Минутку! — вмешался Пуаро. — Могу я задать мадемуазель один вопрос?

— Конечно, месье Пуаро, пожалуйста.

Пуаро обратился к служанке:

— Что произошло с билетами?

— С билетами, сэр?

— Да, с билетами от Лондона до Ниццы, Они были у вас или у вашей госпожи?

— У госпожи был билет в пульмановский вагон, другие билеты находились у меня.

— Где они?

— Я отдала их проводнику французского поезда, сэр, он сказал, что так положено. Надеюсь, я поступила правильно, сэр?

— Совершенно правильно, совершенно правильно. Я просто уточняю все детали.

Месье Кау и месье Карре недоуменно посмотрели на него. Ада Мейсон постояла еще минуты две, затем месье Карре кивнул ей, и она вышла. Пуаро нацарапал что-то на клочке бумаги и передал записку месье Карре. Тот прочитал ее, и его брови поползли вверх.

— Что ж, джентльмены, — раздраженно проговорил граф. — Я вам еще нужен?

— В данный момент нет. — Месье Карре говорил нарочито любезным тоном. Пока все ясно относительно вашей роли в происшествии. Естественно, имея письмо, найденное у мадам, мы не могли не пригласить вас.

Граф встал, взял тросточку, которую оставил у входа, и, изысканно поклонившись, вышел из кабинета.

— Вот так, — сказал месье Карре. — Вы были совершенно правы, месье Пуаро! Будет лучше, если он не узнает, что мы его подозреваем. Два моих человека станут следить за ним день и ночь, и мы, конечно, проверим его алиби. Мне оно представляется весьма зыбким.

— Может быть, — задумчиво проговорил Пуаро.

— Я просил месье Кеттеринга прийти утром, — продолжил месье Карре. Правда, сомнительно, что от этого будет польза. — Хотя парочка подозрительных деталей имеется. — Он замолчал, почесывая кончик носа.

— Именно? — спросил Пуаро.

— Дело в том, — месье Карре откашлялся, — что та дама, с которой, как говорят, он ехал, мадемуазель Мирель, остановилась в другом отеле. Это кажется мне весьма странным.

— Это выглядит так, — сказал месье Кау, — словно они договорились соблюдать осторожность.

— Вот именно, — торжествуя произнес месье Карре. — А почему они должны соблюдать осторожность?

— Чрезмерная осторожность подозрительна, не так ли? — спросил Пуаро.

— Preci Stsmem!

— Мы можем, — пробормотал Пуаро, — задать месье Кеттерингу пару вопросов.

Месье Карре отдал распоряжение, и через минуту Дерек Кеттеринг, как всегда добродушный, вошел в кабинет.

— Доброе утро, месье, — любезно обратился к нему месье Карре.

— Доброе утро! — Дерек был сама сердечность.

— Вы звали меня. Что-нибудь прояснилось?

— Пожалуйста, присядьте, месье.

Дерек сел, сняв шляпу и положив ее на стол.

— Слушаю, — нетерпеливо произнес он.

— Пока ничего нового, — обескураженно сказал месье Кау.

— Очень интересно, — сухо заметил Дерек. — И вы вызвали меня только затем, чтобы это сообщить?

— Естественно! Мы считаем, вы должны знать, как продвигается дело, любезно пояснил месье Карре.

— Даже если продвижения нет?

— У нас есть к вам кое-какие вопросы.

— Задавайте!

— Вы уверены, что не видели свою жену и не говорили с ней в поезде?

— Я уже отвечал на этот вопрос: нет.

— У вас, несомненно, были причины так ответить.

Дерек рассерженно посмотрел на месье Карре.

— Я не знал что она была в поезде. — Он отдельно выговаривал слова, словно сомневаясь в умственных способностях собеседника.

— Да, да, вы уже говорили это, — пробормотал месье Карре.

Дерек нахмурился.

— Я хочу знать, куда вы клоните. И знаете, что я думаю, месье Карре?

— Что вы думаете, месье?

— Я думаю, что французскую полицию сильно переоценивают. Я полагал, вы хоть что-нибудь знаете о бандах дорожных грабителей. Но это переходит все границы. Такое происходит в train de Luxe^[24], а французская полиция совершенно беспомощна.

— Мы расследуем это дело, месье, будьте спокойны.

— Мадам Кеттеринг, насколько мне известно, — вмешался Пуаро, — не оставила завещания. — Он сказал это, глядя в потолок, вытянув ноги и сцепив руки на животе.

— Думаю, нет, — ответил Кеттеринг. — А что?

— Вы унаследовали кругленькую сумму, — заметил Пуаро, — весьма приличную.

И хотя он по-прежнему смотрел в потолок, краем глаза он не мог не заметить, как вспыхнуло лицо Дерек Кеттеринга.

— Что вы хотите этим сказать и кто вы?

Пуаро перестал разглядывать потолок, выпрямился и взглянул молодому человеку прямо в глаза.

— Мое имя — Эркюль Пуаро, — произнес он. — И наверное, я величайший детектив в мире. Вы совершенно уверены, что не видели

свою жену и не говорили с ней в поезде?

— Да что вы заладили? Вы что, думаете, я убил ее? — Неожиданно он засмеялся. — Я не должен выходить из себя, но это же полный абсурд. Зачем мне, если я убил ее, похищать драгоценности?

— Действительно, — разочарованно пробормотал Пуаро. — Я об этом не подумал.

— Ясно же, что речь идет об убийстве и грабеже, — сказал Дерек Кеттеринг. — Бедная Руфь, это все ее проклятые рубины. Наверное, она взяла их с собой, и из-за них-то ее и убили.

Пуаро вдруг оживился. В его глазах блеснул загадочный зеленый огонек. Он стал похож на гладкого, откормленного кота, готовящегося к прыжку.

— Еще один вопрос, месье Кеттеринг. Скажите мне, когда вы последний раз видели свою жену?

— Дайте подумать. Наверное, это было... да, да, недели три назад. Но, боюсь, точную дату не назову.

— Ничего, — сухо заметил Пуаро, — это все, что я хотел знать.

— Итак, — нетерпеливо проговорил Дерек, — что-нибудь еще?

Он вопросительно взглянул на месье Карре. Тот в свою очередь — на Пуаро, который помотал головой.

— Нет, месье Кеттеринг, — вежливо произнес месье Карре, — думаю, мы не будем задерживать вас. Всего доброго!

— Всего доброго. — Кеттеринг вышел, хлопнув дверью.

Как только он удалился, Пуаро быстро произнес:

— Когда вы сообщили месье Кеттерингу о рубинах?

— Я ему вообще ничего о них не говорил, — ответил месье Карре. — Только вчера мы узнали о них от месье Ван Алдина.

— Да, но граф упоминал о них в письме.

Месье Карре растерялся.

— Естественно, я не говорил месье Кеттерингу об этом письме, укоризненно произнес он. — Это было бы бестактно.

Пуаро забарабанил по столу.

— Как же он узнал о них? — тихо прошипел он. — Мадам не могла сказать ему, ведь он не видел ее около трех недель. Месье Ван Алдин или его секретарь вряд ли могли это сделать, они беседовали по поводу совершенно иных материй, и в газетах о рубинах ничего не писали.

Он встал, взял трость и шляпу.

— А наш джентльмен, — пробормотал он себе под нос, — все о них знает. Я удивлен, очень удивлен!

Глава 18

Ленч Дерек

Дерек Кеттеринг пошел прямо в «Негреско», где заказал два коктейля, которые и выпил залпом.

Потом устремил свой взгляд на сверкающее Средиземное море. Он никого не видел вокруг себя и не обратил внимания на подошедшую к его столику женщину, одетую в нечто изумительное оранжево-черное. Дерек заказал третий коктейль и только тогда как бы очнулся. Его ноздри уловили запах хорошо знакомых духов, он поднял глаза и увидел оранжево-черную даму. Это была Мирель. Она улыбалась ему своей невинной соблазнительной улыбкой.

— Дерек! — промурлыкала она. — Ты рад меня видеть?

Она уселась рядом с ним.

— Ну, поприветствуй меня, глупыш! — И она скорчила гримасу.

— Какое неожиданное удовольствие! — сказал Дерек. — Когда ты приехала из Лондона?

Она пожала плечами.

— Дня два назад.

— А как же «Пантеон»?

— Я... как это ты говоришь? Расплевалась с ним.

— Ну да?

— Ты не слишком приветлив, Дерек.

— А что ты ожидала?

Мирель закурила сигарету, выпустила колечко дыма и продолжила:

— Думаешь, я поступила неосторожно?

Дерек посмотрел на нее, пожал плечами и заметил равнодушно:

— У тебя здесь ленч?

— Mats our. У меня ленч с собой.

— Я бесконечно сожалею, но у меня назначена важная встреча.

— Mon Dieu.^[25] Вы, мужчины, как дети! — воскликнула танцовщица. — И сейчас, и тогда в Лондоне, когда ты наговорил мне Бог знает что, ты как ребенок. Ah! mafs cest inoui!^[26] — Моя дорогая

девочка, я и вправду не понимаю, о чем ты говоришь. Мы ведь решили тогда в Лондоне, что крысы бегут с тонущего корабля.

Дерек нахмурился. Мирель наклонилась к нему.

— Ты можешь не таиться от меня, — прошептала она. — Я знаю, я знаю все, что ты сделал ради меня.

Он злобно посмотрел на нее: его насторожило то, что скрывалось за ее словами. А Мирель подмигнула ему.

— О, не бойся. Я буду нема как рыба. Ты великолепен! Ты восхитительно отважен, но ведь именно я подала тебе эту идею. Помнишь? Когда сказала, что иногда происходят несчастные случаи. Ты в безопасности? Полиция не подозревает тебя?

— Какого дьявола?..

— Тише! — Она приложила палец к губам. — Ты прав, я не должна говорить об этом здесь. Не будем об этом! Но ведь все тревоги позади, и наша жизнь будет чудесной, чудесной!

Дерек засмеялся сухим злым смехом.

— Значит, крысы возвращаются? Два миллиона! Совсем другое дело. Я должен был это предвидеть. — Он снова засмеялся. — Ты сможешь мне истратить эти деньги, правда, Мирель? Ты лучше всех женщин знаешь, как это сделать.

— Тише! — воскликнула танцовщица. — Что с тобой, Дерек? Видишь, на нас смотрят.

— Да? Я объясню тебе, что со мной. Я покончил с тобой, Мирель. Ты слышишь? Покончил!

На Мирель это не произвело ожидаемого впечатления.

Минуту или две она смотрела на него, а потом с кроткой улыбкой сказала:

— Какое же, ты дитя! Ты злишься, ты не в духе — и все только потому, что я практична. Разве я не говорила тебе много раз, что обожаю тебя? — Она подалась вперед. — Но я хорошо знаю тебя, Дерек. Посмотри на меня — это я, Мирель. Ты не можешь жить без меня, и ты это знаешь. Я любила тебя раньше, я буду в тысячу раз сильнее любить тебя теперь. Я сделаю твою жизнь прекрасной, удивительной. Ты не найдешь другой такой, как Мирель.

Она буквально пожирала его взглядом. Он побледнел, дыхание его участилось, и она торжествующе улыбнулась. Она знала о своих чарах и власти над мужчинами.

— Значит, решено! — прошептала она и коротко засмеялась. — Теперь, Дерек, ты закажешь мне ленч?

— Нет! — выдохнул он и встал из-за стола. — Сожалею, но я уже сказал тебе, у меня назначена встреча.

— Ты договорился с кем-то еще? Нет, не верю.

— Я договорился с одной леди.

И он стремительно пошел к даме в белом, которая только что поднялась по ступенькам. Он обратился к ней, слегка робея:

— Мисс Грей, не могли бы вы... не могли бы вы составить мне компанию? Вы встречали меня у леди Темплин, если помните.

Катарин долго смотрела на него своими задумчивыми серыми глазами, которые так много выражали...

— Благодарю вас! — сказала она наконец. — С большим удовольствием.

Глава 19

Неожиданный визитер

Граф де ла Роше только что закончил свой завтрак, состоявший из весьма изысканных блюд.

Вытерев салфеткой роскошные черные усы, граф встал из-за стола, прошел через салон, который украшали *objets d'art*^[27], расставленные в артистическом беспорядке: буфет Луи XV, шелковые туфли Марии-Антуанетты и другие редкости составляли *mise en scene*^[28].

Граф обычно объяснял своим гостям, что все это досталось ему от предков. Выйдя на террасу, он равнодушно взглянул на Средиземное море.

Ему было не до того: до мельчайших деталей продуманный план провалился.

Усевшись в соломенное кресло, он закурил сигарету и глубоко задумался.

Ипполит, его слуга, принес кофе и несколько напитков. Граф выбрал выдержанный бренди.

Когда слуга собрался уходить, граф жестом задержал его. Ипполит застыл — олицетворение почтительного внимания.

— Возможно, — сказал граф, — в течение ближайших дней этот дом посетят несколько человек. Наверное, они попытаются установить отношения с тобой и с Мари. И скорее всего, они зададут несколько вопросов относительно меня.

— Да, месье граф.

— Быть может, это уже произошло?

— Нет, месье граф.

— Сюда никто не приходил? Ты уверен?

— Никто, месье граф.

— Это хорошо, — сухо сказал граф, — однако они придут. Я знаю. И будут задавать вопросы.

Ипполит смотрел на хозяина со все большим вниманием.

Граф говорил тихо, не глядя на Ипполита.

— Как тебе известно, я приехал во вторник утром. Если полиция или кто-то другой спросит тебя об этом, не забудь: я приехал во вторник четырнадцатого, а не в среду пятнадцатого. Ты понял?

— Конечно, месье граф.

— В делах, где замешана женщина, надо быть осмотрительным.

— Я буду осмотрительным, месье.

— А Мари?

— И Мари. Ручаюсь за нее.

— Ну вот и чудесно, — пробормотал граф.

Когда Ипполит исчез, граф чуть не подавился черным кофе. Он нахмурился. Покачал головой. Кивнул.

В разгар его размышлений снова вошел Ипполит.

— Дама, месье.

— Дама?

Граф был удивлен. Не потому, что визит дамы был чем-то необычным для виллы «Марина», но сейчас граф не мог представить, какая из них пожелала его видеть.

— Думаю, эта дама незнакома месье. — Слуга как будто читал мысли своего господина.

Граф был еще более заинтригован.

— Проводи ее, Ипполит, — приказал он.

Через минуту очаровательное существо в чем-то оранжево-черном, сопровождаемое ароматом экзотических духов, появилось на террасе.

— Месье граф де ла Роше?

— К вашим услугам, мадемуазель. — Граф поклонился.

— Мое имя Мирель. Думаю, вы слышали обо мне.

— О, действительно, мадемуазель, кого может оставить равнодушным искусство очаровательной Мирель? Вы превосходны!

Мирель приняла комплимент с равнодушной автоматической улыбкой.

— Я не предупредила о своем приходе, — начала она.

— О! Присядьте, прошу вас, мадемуазель, — воскликнул граф, пододвигая стул.

За его галантностью таилось любопытство. Он знал о женщинах почти все.

Правда, он никогда не общался с женщинами типа Мирель; она была такой же хищницей, как и он. В этом смысле он и танцовщица были птицами одного полета. Граф понимал, что его обаяние на Мирель не произведет никакого впечатления: она была парижанкой и знала толк в людях. Как бы там ни было, одно граф понял сразу же. Он понял, что перед ним разгневанная женщина, а разгневанные женщины, это граф знал, говорят больше, чем необходимо, и джентльмен, который при этом сохраняет спокойствие, может остаться в выигрыше.

— С вашей стороны весьма великодушно, мадемуазель, что вы посетили мой скромный уголок.

— У нас есть общие друзья в Париже, — сказала Мирель, — от них я и слышала о вас, но сегодня я пришла по другой причине. Я постоянно слышу ваше имя с тех пор, как приехала в Ниццу, но в связи с другим делом, вы понимаете?

— Что? — спокойно спросил граф.

— Буду откровенна, — продолжала танцовщица. — Но поверьте мне, ваши интересы я принимаю близко к сердцу. В Ницце говорят, что вы убили мадам Кеттеринг.

— Я? Убил мадам Кеттеринг? Ба! Но это же абсурд!

Однако сказал он это скорее вяло, чем возмущенно, провоцируя ее тем самым на дальнейшую откровенность.

— Да, — настаивала она, — это я вам говорю.

— Люди любят болтать, — равнодушно пробормотал граф. — Если все принимать всерьез...

— Вы не поняли. — Мирель подалась вперед, ее темные глаза засверкали.

— Это не уличные сплетни. Так считают в полиции.

— В полиции? — Граф выпрямился и слегка насторожился.

Мирель несколько раз энергично кивнула головой.

— Да, да. Верьте мне. У меня везде друзья. Сам начальник полиции...

Она не закончила фразу, выразительно поведя плечами.

— От красивой женщины ничего нельзя скрыть, — проговорил граф.

— В полиции уверены, что именно вы убили мадам Кеттеринг. Но это неправда.

— Конечно, это неправда! — Граф был спокоен.

— Они считают, что это сделали вы, но они не знают правды. А я знаю.

Граф с любопытством посмотрел на нее.

— Вы знаете, кто убил мадам Кеттеринг? Вы это хотите сказать, мадемуазель?

Мирель закивала:

— Да.

— И кто же это? — быстро спросил граф.

— Ее муж. — Она подошла к графу и сказала тихо, но яростно и выразительно: — Ее убил муж.

Граф откинулся в кресле. Его лицо хранило непроницаемость.

— Позвольте спросить вас, мадемуазель, откуда вы это знаете?

— Откуда знаю? — Мирель прямо подскочила на месте и засмеялась. — Он заранее все обдумал. Он разорен, он банкрот, он прогорел. Только смерть жены могла его спасти. Он сам мне это сказал. Он ехал тем же поездом, что и она, но она этого не знала. Почему, я вас спрашиваю? Потому что он решил напасть на нее ночью. Ах, — она закрыла глаза, — я так и вижу, как это произошло...

Граф закашлялся.

— Возможно, возможно, — пробормотал он. — Но, мадемуазель, зачем же ему в таком случае похищать драгоценности?

— Драгоценности! — выдохнула Мирель. — Драгоценности! Ах, эти рубины...

Ее глаза загорелись ярким светом. Граф озадаченно посмотрел на нее, в который раз удивляясь просто магическому влиянию таких вещей на женщин, и перевел разговор в более практическую плоскость.

— А от меня вы чего хотите, мадемуазель?

Мирель успокоилась и снова стала деловой.

— Все очень просто. Вы пойдете в полицию. Вы скажете, что месье Кеттеринг совершил это преступление.

— А если они не поверят мне? Если потребуют доказательств? — Он пристально смотрел на нее, Мирель тихо засмеялась и дотронулась до своего оранжево-черного шарфа.

— Пошлите их ко мне, месье граф, — почти прошептала она. — Я дам им доказательства.

И она ушла так же стремительно, как и появилась. Граф глядел ей вслед, вытаращив глаза.

— Ну и фурия! — пробормотал он. — Что же так вывело ее из себя? Что заставило выпустить когти? Неужели она верит, что мистер Кеттеринг убил свою жену? Она хочет, чтобы в это поверил я. Она хочет, чтобы в это поверила полиция.

Граф улыбнулся про себя. Он не собирался идти в полицию. Перед ним открылись другие возможности, и, судя по улыбке, они вдохновляли его.

Однако вскоре он опять помрачнел. Мирель сказала, что полиция его подозревает. Это могло быть правдой, а могло и не быть ею. Женщина вроде Мирель, когда она разъярена, способна на все, лишь бы добиться своего. С другой стороны, она могла получить такую информацию. В этом случае, его губы мрачно, сжались, в этом случае он должен предпринять несколько предосторожностей.

Граф вошел в дом и еще раз спросил Ипполита, не приходил ли кто-нибудь из посторонних. Слуга был совершенно уверен, что нет. В спальне граф подошел к старинному бюро. Его тонкие пальцы нажали на потайную кнопку выдвинулся секретный ящичек. В нем лежал коричневый сверток. Граф вынул его и задумчиво подержал в руках. Потом со страдальческой гримасой вырвал из головы волос, положил его на край ящика и аккуратно задвинул его обратно. Держа в руках сверток, он спустился в гараж, где стоял его ярко-красный двухместный автомобиль. Через десять минут он уже ехал в Монте-Карло.

Несколько часов граф провел в казино, потом прогулялся по городу. Затем снова сел в машину и поехал в направлении Ментоны. Было еще не очень темно, и он различил серый автомобиль, следовавший за ним. Он видел его и раньше, когда ехал Монте-Карло. Граф улыбнулся. Дорога пошла вверх.

Граф с силой нажал на акселератор. Маленький красный автомобиль был изготовлен специально для графа и имел более мощный мотор, чем могло показаться на первый взгляд.

Граф оглянулся и снова улыбнулся: серый автомобиль остался далеко позади. Маленькая красная машина летела по пустынной дороге. Место было опасное: дорога, сильно петляя, пошла под уклон,

но граф был первоклассным водителем. Неожиданно его автомобиль сбавил скорость и остановился у почты.

Через две минуты он вновь ехал в направлении Ментоны. Когда наконец появился серый автомобиль, граф пил традиционный чай на веранде одного из отелей.

Чуть позже он вернулся в Монте-Карло, где и пообедал. Дома граф был чуть позже полуночи. Его встретил встревоженный Ипполит.

— Ах, месье граф вернулся! Месье граф случайно не звонил мне?

Граф отрицательно покачал головой.

— В три часа мне позвонили и сказали, что месье граф хочет, чтобы я поехал к нему в отель «Негреско».

— Да? И ты поехал?

— Конечно, месье, но в «Негреско» мне никто ничего не мог сказать о месье графе.

— Ах! И конечно, Мари в это время была на базаре?

— Да, месье.

— Все в порядке, — сказал граф, — Все это не имеет значения. Просто вышла ошибка.

Поднимаясь наверх, он улыбался.

В спальне граф внимательно все осмотрел. Все было вроде как обычно. Он проверил все ящики и шкафы. Затем удовлетворенно кивнул. Все лежало почти так, как было, но не совсем. Было ясно, что дом обыскивали.

Он подошел к бюро и нажал на потайную кнопку. Ящик выдвинулся, но волоска, что граф там оставил, уже не было. Он кивнул еще несколько раз.

— Наша французская полиция великолепна, — пробормотал он, — просто великолепна. Ничто и никто не ускользнет от нее.

Глава 20

У Катарин появляется друг

Следующим утром Катарин и Ленокс сидели на веранде виллы «Маргарита».

Между ними возникло что-то вроде дружбы, несмотря на разницу в возрасте. С точки зрения Ленокс, жизнь Катарин на вилле «Маргарита» была невыносимой: она стала гвоздем сезона. Леди Темплин откровенно эксплуатировала то, что Катарин оказалась связанной с происшествием в Голубом поезде, и это было ужасно.

Сильнейший отпор Катарин разбивался об эгоизм леди Темплии. Шабби же по своей непосредственной наивности лишь подыгрывал жене. Когда он представлял Катарин, то делал обычно это так:

— Это мисс Грей. Вы знаете, что случилось в Голубом поезде? Она там была! И долго разговаривала с Руфью Кеттеринг всего за несколько часов до убийства! Вот повезло, правда?

Несколько подобных фраз, произнесенных в это утро, вызвали необычно резкий отпор Катарин, и когда они с Ленокс остались одни, последняя протяжно сказала:

— Ты уже не такая кроткая. Ты многому научилась, Катарин.

— Сожалею, что начинаю выходить из себя. Как правило, со мной этого не случается.

— Скоро ты научишься выпускать пар. Хотя Шабби всего лишь осел, и вреда от него нет. Но мать непробиваема. Думаю, она не обратила бы внимания даже на второе пришествие, просто раскрыла бы свои голубые глаза пошире, вот и все.

Катарин никак не отреагировала на это тонкое наблюдение, а Ленокс продолжала:

— Мне больше по душе Шабби. Убийство, конечно, вещь интересная, но связь с ним Дерекка все меняет.

Катарин кивнула.

— Значит, вчера он пригласил тебя на ленч, — задумчиво произнесла Ленокс. — Он тебе нравится, Катарин?

— Не знаю, — подумав, тихо ответила та.

— Он очень симпатичный.

— Да, он симпатичный.

— Что тебе в нем не нравится?

Катарин не ответила на этот вопрос, по крайней мере прямо.

— Он говорил о смерти своей жены. Признался, что для него это большая удача.

— Полагаю, ты была шокирована. — Ленокс помолчала и сказала вполне серьезно: — Ты ему нравишься, Катарин.

— Он очень хорошо меня угостил, — засмеялась та.

Но Ленокс не сдавалась.

— Я заметила это в тот вечер, когда он пришел сюда, — задумчиво произнесла она. — Он так смотрел на тебя... Хотя ты совсем не в его вкусе, скорее, наоборот. Но это как вера. Она приходит к человеку в свое время...

— Мадемуазель подойдет к телефону? — спросила Мари, выглянув в окно. Месье Пуаро хочет говорить с ней.

— Опять кровь, ужасы... Иди, Катарин, иди и развлекайся со своим детективом.

Голос Эркюля Пуаро был мягок и деликатен.

— Мадемуазель Грей? Мадемуазель, я звоню по просьбе месье Ван Алдина, отца мадам Кеттеринг. Он хочет поговорить с вами. Или на вилле «Маргарита», или у него в отеле — как вам будет угодно.

Катарин немного подумала. Визит Ван Алдина на виллу «Маргарита» нежелателен: леди Темплин получит от него слишком большое удовольствие.

Она вряд ли упустит шанс приласкать миллионера. Поэтому Катарин сказала Пуаро, что предпочла бы встретиться с Ван Алдином в отеле.

— Прекрасно, мадемуазель. Я заеду за вами. В двенадцать сорок пять, если вы не против.

Минута в минуту Пуаро подъехал к вилле, Катарин уже ожидала его. Они тут же тронулись, и Пуаро спросил:

— Ну, мадемуазель, как дела?

Она посмотрела в его живые глаза и признала, что ее первое впечатление было безошибочным: в нем было что-то очень симпатичное.

— Наш roman policier продолжается, не так ли? — сказал он. — Я дал вам слово, что мы вместе расследуем это дело, а я всегда

выполняю свои обещания.

— Вы очень любезны! — пробормотала Катарин.

— Ах, не смейтесь надо мной! Как насчет деталей? Хотите, я расскажу вам о том, как развиваются события?

Катарин призналась, что хотела бы, и Пуаро живописно обрисовал облик графа де ла Роше.

— Думаете, это он убил ее? — задумчиво спросила Катарин.

— Это всего лишь версия, — осторожно ответил Пуаро.

— А сами вы верите в нее?

— Я бы так не сказал. А вы, мадемуазель, что думаете вы?

Катарин пожала плечами.

— Откуда мне знать? Я ничего не понимаю в таких вещах, но думаю...

— Да? — нетерпеливо произнес Пуаро.

— Ну хорошо. Из того, что вы рассказали, ясно, что граф не принадлежит к тому типу людей, которые способны на убийство.

— Отлично! — воскликнул Пуаро. — Вы согласны со мной. Именно это я и сказал. — Он пристально посмотрел на нее. — А вы что, знакомы с Дерексом Кеттерингом?

— Я встретила его у леди Темплин, а вчера он угостил меня ленчем.

— Mauvals sujet!^[29] — Пуаро покачал головой. — Но les femmes^[30], они это любят, правда?

Он подмигнул Катарин, и она засмеялась.

— Он довольно видный мужчина, — продолжал Пуаро, — наверняка вы заметили его в Голубом поезде?

— Да, я видела его.

— В вагоне-ресторане?

— Нет, вовсе нет. Я видела, как он входил в купе своей жены.

Пуаро кивнул.

— Странно, — пробормотал он. — Я помню, вы говорили, что проснулись и выглянули в окно в Лионе? Вы не заметили темноволосого человека, похожего на графа де ла Роше, который выходил бы из поезда?

Катарин покачала головой.

— Нет, я видела юношу в кепке и накидке, но не думаю, что он сошел с поезда. Он гулял по платформе. Был еще толстый бородатый

француз в пижаме и пальто, он хотел выпить чашечку кофе. Остальные, скорее всего, были железнодорожными служащими.

Пуаро несколько раз кивнул головой.

— Похоже, у графа де ла Роше железное алиби. Алиби — опасная вещь, оно всегда вызывает подозрения. Но вот мы и приехали.

Они поднялись в номер Ван Алдина, где их ожидал Найтон. Пуаро представил ему Катарин. После необходимого обмена общими фразами Найтон сказал:

— Я сообщу мистеру Ван Алдину о приходе мисс Грей.

Он прошел в соседнюю комнату. Оттуда послышались тихие голоса, затем появился Ван Алдин, который сразу направился к Катарин, протягивая ей руки и внимательно вглядываясь в нее.

— Я рад нашей встрече, — просто сказал он. — Я очень хотел услышать ваш рассказ о Руфи.

Простота манер миллионера произвела на Катарин сильное впечатление. Она почувствовала, как глубоко его горе, глубоко и неподдельно, потому что он старался скрыть свои переживания.

— Присядьте, пожалуйста, и расскажите мне все. — Ван Алдин пододвинул ей кресло.

Пуаро и Найтон из деликатности вышли, и Катарин осталась один на один с Ван Алдином. Ей было легко говорить с ним. Просто, стараясь ничего не забыть и как можно точнее воспроизвести все слово в слово, передала она ему свой разговор с Руфью. Он слушал не перебивая, откинувшись в кресле и прикрыв глаза рукой. Когда она закончила, миллионер тихо сказал:

— Благодарю вас, дорогая.

Несколько мгновений они молчали. Катарин чувствовала, что слова соболезнования и утешения неуместны.

Потом Ван Алдин заговорил другим тоном:

— Я очень благодарен вам, мисс Грей. Думаю, вы облегчили последние часы жизни моей бедной девочки. Хочу вас кое о чем спросить. Месье Пуаро, наверное, рассказал вам о том негодяе, который запутал мою девочку? Именно о нем она говорила вам, именно с ним собиралась встретиться. Как вы думаете, она не могла изменить свои планы после вашего разговора? Может быть, она решила нарушить уговор?

— Я не могу сказать наверняка, сэр. Она определенно пришла к какому-то решению, и мне показалось, что она успокоилась.

— Она не говорила вам, где у них была назначена встреча, в Париже или на островах?

Катарин покачала головой.

— Об этом она не сказала.

— Да, — задумчиво произнес Ван Алдин. — Ну ничего, время покажет.

Он встал и открыл дверь в смежную комнату. Появились Пуаро и Найтон.

Катарин отвергла предложение миллионера о ленче, и Найтон проводил ее до такси. Когда он вернулся, Ван Алдин и Пуаро беседовали.

— Если бы мы знали, — задумчиво говорил миллионер, — к какому решению пришла Руфь... Это было бы уже полдела. Может быть, она решила сойти в Париже и телеграфировать мне? А может, поехать на юг Франции и объясниться с графом? Мы в темноте, мы в полной темноте. Но у нас есть показания служанки: Руфь была встревожена и испугана появлением графа в поезде. Значит, это не входило в ее планы. Вы согласны со мной, Найтон?

— Простите, мистер Ван Алдин! Я не слышал, о чем вы сказали.

— Грезите? — спросил Ван Алдин. — На вас это не похоже. Что, эта девушка выбила вас из колеи?

Найтон только вздохнул.

— Чудесная девушка, — задумчиво сказал Ван Алдин. — Чудесная. Вы обратили внимание на ее глаза?

— Любой мужчина, — ответил Найтон, — не мог бы не заметить ее глаз.

Глава 21

На корте

Прошло несколько дней. Вернувшись с утренней прогулки, Катарин увидела Ленокс, с нетерпением поджидавшую ее.

— Тебе звонил твой молодой человек, Катарин!

— Кого ты называешь моим молодым человеком?

— Секретаря Руфуса Ван Алдина. По-моему, ты произвела на него сильное впечатление. Ты становишься роковой женщиной, Катарин. Сначала Дерек Кеттеринг, теперь молодой Найтон. А ведь я его довольно хорошо помню. Он лежал в госпитале моей матери во время войны. Мне тогда было около восьми лет.

— Он был серьезно ранен?

— В ногу, если не ошибаюсь, но ранение было сложным. Думаю, врачи что-то напутали. Они говорили, что он не будет хромать, а он немного прихрамывал.

Вошла леди Темплин.

— Рассказываешь Катарин о майоре. Найтоне? — спросила она. — Он такой славный! Я совсем забыла про него, так много всего было, а сейчас вспомнила.

— Он был не такой важной птицей, чтобы его помнить, — заметила Ленокс.

— Теперь, когда он стал секретарем миллионера, другое дело.

— Дорогая! — укоризненно воскликнула леди Темплин.

— А зачем звонил майор Найтон? — поинтересовалась Катарин.

— Он приглашает тебя на теннис. Если ты не против, он заедет за тобой. Мы с мамой согласны сопровождать тебя. Пока ты будешь развлекаться с секретарем, я могу развлечь миллионера, Катарин. Ему около шестидесяти, но он наверняка выглядит почти так же молодо, как я.

— Я бы хотела познакомиться с мистером Ван Алдином, — мечтательно проговорила леди Темплин. — О нем так много говорят. Один из столпов Западного полушария. И такой влиятельный.

— Майор Найтон был очень любезен. Он сообщил, что это приглашение мистера Ван Алдина, — сказала Ленокс. — И он так

часто повторял это, что я почувствовала запах жареного. Ты и Найтон можете составить прекрасную пару. Благословляю вас, дети мои.

Катарин засмеялась и пошла наверх переодеваться.

Вскоре после ленча приехал Найтон, ему пришлось набраться мужества, чтобы вынести ностальгические воспоминания леди Темплин.

По дороге в Канны он сообщил Катарин:

— Леди Темплин почти не изменилась.

— Внутренне или внешне?

— И то и другое. Ей сейчас, наверное, чуть больше сорока, но она по-прежнему очень красива.

— Да, она красива, — согласилась Катарин.

— Очень рад, что вы приняли приглашение, — продолжил Найтон. — Месье Пуаро тоже собирается быть. Он необыкновенный человек! Вы хорошо знаете его, мисс Грей?

Катарин покачала головой.

— Я встретила его в поезде. Читала детектив и сказала что-то насчет того, что в жизни ничего подобного не бывает. Я и не представляла себе тогда, кто он.

— Это удивительный человек, — тихо сказал Найтон, — и он делает удивительные вещи. Он гений, он умеет доискиваться до самой сути, причем никто до самого конца не представляет, о чем он думает и какие делает выводы. Помню, я тогда жил в Йоркшире, у леди Кленревон украли драгоценности. Поначалу казалось, что это обычный грабеж, но местная полиция засомневалась. Я хотел, чтобы они пригласили Эркюля Пуаро, он единственный человек, кто мог раскрыть это преступление, но они предпочли обратиться в Скотланд-Ярд.

— И что? — любопытствовала Катарин.

— Драгоценности не были найдены, — сухо ответил Найтон.

— Вы действительно верите в него?

— Да. Граф де ла Роше — скользкий субъект. Ему удалось избежать многих неприятностей. Но от Эркюля Пуаро, я думаю, ему не ускользнуть.

— Граф де ла Роше, — задумчиво произнесла Катарин. — Вы и в самом деле думаете, что это он?

— Конечно! — Найтон удивленно посмотрел на нее. — А вы разве так не думаете?

— Да, да, — торопливо сказала Катарин, — конечно, но я имела в виду, что это не обычный грабеж.

— Согласен с вами. Однако граф де ла Роше хорошо знает свое дело.

— Кроме того, у него есть алиби.

— Вы признались, что читаете детективы, мисс Грей. Поэтому вам должно быть известно, что тот, кто имеет самое твердое алиби, обычно вызывает больше всего подозрений.

— Вы полагаете, что реальная жизнь похожа на романы? — с улыбкой спросила Катарин.

— Почему нет? Вымысел основывается на реальности.

— Но он лучше реальности, — убежденно сказала Катарин.

— Наверное. Как бы там ни было, если бы я был преступником, мне не хотелось бы, чтобы по моим следам шел Эркюль Пуаро.

— Мне тоже, — засмеялась Катарин.

Приехав на место, они встретили Пуаро. Было тепло, поэтому он надел белый парусиновый костюм, а из нагрудного кармана торчал цветок камелии.

— Bonjour^[31] мадемуазель! Я выгляжу очень по-английски, не так ли?

— Вы прекрасно выглядите, — тактично ответила Катарин.

— Вы все смеетесь надо мной, — добродушно заметил Пуаро, — но это ничего. Папаша Пуаро всегда смеется последним.

— Где мистер Ван Алдин? — спросил Найтон.

— Он будет ждать нас на корте. По правде говоря, мой друг, он не очень доволен мной. О, эти американцы! Они не знают отдыха! Мистер Ван Алдин хотел бы, чтобы я все дни напролет бегал по пятам преступников по всей Ривьере!

— Я и сам считаю, что это было бы недурно, — заметил Найтон.

— Вы не правы. В таких делах нужна не энергия, а деликатность. А самые интересные встречи случаются на корте. Это очень важно. О, мистер Кеттеринг тоже здесь!

Дерек стремительно подошел к ним. Он выглядел несколько раздраженным и сердитым, словно что-то угнетало его. Он и Найтон

поздоровались с некоторой прохладцей. Только Пуаро, казалось, ничего не замечал. Он беззаботно шутил и расточал комплименты.

— Удивительно, мистер Кеттеринг, но вы прекрасно говорите по-французски, — заявил он. — Вас можно принять за француза. Это так редко среди англичан.

— Я бы тоже хотела так говорить, — призналась Катарин, — мой французский, боюсь, грешит сильным английским акцентом.

Тут Найтон увидел своего шефа, который махал ему с противоположной стороны корта, и пошел к нему.

— Мне нравится этот юноша. — Пуаро улыбался вслед Найтону. — А вам, мадемуазель?

— И мне.

— А вам, мистер Кеттеринг?

Казалось, с губ Дерекы была готова сорваться какая-то фраза, но он вовремя остановил себя.

— Найтон — очень хороший парень. — Казалось, он тщательно подбирал каждое слово.

На мгновение Катарин показалось, что Пуаро разочарован.

— Он большой ваш поклонник, месье Пуаро. — Она передала Пуаро то, что говорил о нем Найтон.

Катарин удивило, что, слушая ее рассказ, маленький человечек начал хорохориться, как петух на заборе.

— Мадемуазель, я забыл задать вам один вопрос, — неожиданно сказал он.

— Когда вы были в купе этой бедной леди, вы не оставили у нее свой портсигар?

Катарин удивилась:

— Нет, кажется, не оставляла.

Пуаро вынул из кармана портсигар из матовой синей кожи. На нем золотом была выдавлена буква «К».

— Нет, это не мой, — сказала Катарин.

— Ах, тысяча извинений. Наверное, это собственная вещь мадам «К», конечно, означает Кеттеринг. Удивительно, но у нее в чемодане мы нашли другой портсигар. Зачем ей были нужны два? — Он внезапно повернулся к Дереку:

— Не знаете, этот портсигар принадлежал вашей жене?

Дерек на миг опешил, замялся:

— Н-нет... я не знаю... полагаю, что это ее вещь.

— А может быть, это ваш портсигар?

Пуаро выглядел более простодушным, чем обычно.

— Конечно, нет. Если бы это был мой портсигар, как он мог оказаться у моей жены?

— Ну, вы могли обронить его, когда заходили к ней в купе, — невинно объяснил Пуаро.

— Я там не был. Я тысячу раз говорил это полиции.

— О, премного извиняюсь, — виновато сказал Пуаро. — Просто мадемуазель упомянула, что видела, как вы заходили в купе своей жены.

И он выжидательно замолчал.

Катарин смотрела на Дерека. Он побледнел, но, может быть, ей это показалось? Когда он засмеялся, смех его выглядел вполне естественным.

— Вы ошиблись, мисс Грей, — просто сказал он. — В полиции мне сказали, что мое купе было рядом с купе моей жены, хотя тогда я этого даже не предполагал. Наверное, вы видели, как я вхожу в свое собственное купе. Он быстро встал, увидев, что к ним идут Ван Алдин с Найтоном.

— Мне придется вас покинуть, — произнес он, — ни за какие деньги не хочу я встречаться с тестем.

Ван Алдин сердечно приветствовал Катарин, но было заметно, что он в плохом настроении.

— Оказывается, вы любите смотреть теннисные матчи, месье Пуаро? — заметил он.

— Да, это доставляет мне удовольствие, — миролюбиво ответил Пуаро.

— Хорошо, что мы во Франции. У нас в Штатах более суровые порядки: дела прежде удовольствий.

Пуаро не обиделся. Он вежливо улыбнулся и доверительно сказал рассерженному миллионеру:

— Не заводитесь, прошу вас. У каждого свои методы. Мы во Франции обожаем сочетать удовольствия с делами.

Он посмотрел на Катарин и Найтона. Они были целиком заняты своей беседой. Пуаро удовлетворенно кивнул, а затем обратился к миллионеру, понизив голос:

— Но я здесь не только ради удовольствия, месье Ван Алдин. Посмотрите, прямо напротив нас сидит высокий мужчина с роскошной бородой.

— Ну и что?

— Это месье Папалолоус.

— Грек?

— Можно сказать, грек. Известнейший в мире антиквар. У него маленький магазинчик в Париже, но полиция его подозревает...

— В чем?

— Он скупает краденое, в основном драгоценности. Ему и делать-то почти ничего не надо — переставить да заново отшлифовать камни. Он имеет дело и с высочайшими особами Европы, и с самым отребьем.

Ван Алдин глядел на Пуаро со все большим вниманием.

— Ну? — нетерпеливо прорычал он.

— Я спрашиваю себя, я, Эркюль Пуаро, — он драматически ударил себя кулаком в грудь, — спрашиваю себя, почему месье Папалолоус вдруг приехал в Ниццу?

Ван Алдин воспрянул. Он уже было разочаровался в Пуаро, решив, что маленький человечек обыкновенный позер. Теперь он возвращался к своему первому впечатлению. Он пристально смотрел на детектива.

— Я должен просить у вас прощения, месье Пуаро.

Пуаро сделал небрежный жест, словно отменяя любые извинения.

— А! — воскликнул он. — Это пустяки. Лучше выслушайте меня, месье Ван Алдин. У меня есть для вас новости.

Миллионер вопросительно посмотрел на него.

Пуаро кивнул.

— Да, да, вам это будет интересно. Как вы знаете, граф де ла Роше был под наблюдением с самого начала. Его виллу обыскали.

— Ну и что? Нашли что-нибудь? Думаю, нет.

Пуаро отвесил легкий поклон.

— Ваше предположение недалеко от истины, месье Ван Алдин. Они не нашли ничего подозрительного. И это вполне естественно. Граф де ла Роше, как у вас говорят, родился не вчера. Он хитер, к тому же у него богатый опыт...

— Продолжайте! — не вытерпел Ван Алдин.

— Может быть, у графа и правда нет ничего компрометирующего. Но мы не должны отбрасывать другую версию. Если у него есть что прятать, то где? Не в доме — полиция обыскала все тщательно. Не при нем — он знает, что в любой момент его могут арестовать. Остается автомобиль. Как я сказал, граф был под наблюдением. На следующий день после разговора в магистратуре он поехал в Монте-Карло. Оттуда взял курс на Ментону. У него очень мощный автомобиль, ему удалось уйти от слежки, и на четверть часа он исчез из нашего поля зрения.

— И за это время он выбросил нечто на обочину? — поинтересовался Ван Алдин.

— Нет! Не на обочину. *Ça nest pas pratique.*^[32] Но слушайте дальше. Я кое о чем попросил месье Карре, и он любезно выполнил мою просьбу. В здешних местах на каждой почте кто-нибудь да знает графа в лицо. А лучший способ спрятать вещь — отправить ее по почте.

— Ну? — взревел миллионер.

— Хорошо. *Volla!*^[33] — Театральным жестом Пуаро вынул из кармана коричневый сверток. — В течение тех самых пятнадцати минут наш джентльмен отправил это по почте.

— Адрес? — задыхаясь, спросил миллионер.

Пуаро покачал головой.

— Может, вам рассказывали о маленьких газетных киосках в Париже, где письма и посылки хранятся до тех пор, пока за ними не придут. Это очень удобно, а стоит совсем недорого.

— Ладно, а что внутри? — нетерпеливо допытывался Ван Алдин.

— Что ж, момент подходящий. — Пуаро огляделся. — Все заняты теннисом. Смотрите, месье!

Миллионер побелел как бумага.

— Боже! — выдохнул он. — Рубины!

Несколько минут он сидел как прикованный. Пуаро тем временем спокойно засунул сверток в карман.

Вдруг миллионер как будто очнулся. Он схватил Пуаро за руки и сжал их так сильно, что маленький человек чуть не закричал.

— Это великолепно! Великолепно! Вы прекрасны, вы тысячу раз прекрасны, месье Пуаро!

— Ничего великолепного, — скромно сказал Пуаро.

— Порядок и метод, приведенные в соответствие друг другу! Вот и все.

— Граф де ла Роше арестован? — мстительно спросил миллионер.

— Нет!

— Но почему? Чего вам еще надо? — Ван Алдин не мог скрыть удивления.

— У графа алиби.

— Но это же чушь!

— Да, — сказал Пуаро, — я тоже уверен, что чушь, но, к несчастью, я должен это доказать.

— А за это время он ускользнет...

Пуаро энергично покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Граф никогда не сделает этого. Единственное, чем он дорожит больше всего на свете, — это его общественное положение. И он любой ценой будет стараться сохранить его.

Но Ван Алдин был неудовлетворен этим ответом.

— Я не понимаю...

Пуаро поднял руку.

— Дайте мне еще немного времени, месье. У меня есть одна маленькая идея.

Многие смеются над маленькими идеями Эркюля Пуаро, но они ошибаются.

— Ладно! — сказал Ван Алдин. — Валяйте! Что же это за маленькая идея?

Пуаро ответил не сразу:

— Я зайду к вам в отель завтра в одиннадцать часов утра. До этого никому ничего не говорите.

Глава 22

Завтрак месье Папаполоуса

Месье Папаполоус завтракал. Напротив сидела его дочь Зия. Раздался стук в дверь, и в гостиную вошел слуга с запиской, которую он подал Папаполоусу. Тот прочитал, недоуменно поднял брови и передал записку дочери.

— Хм, — задумчиво произнес он, почесывая за ухом. — Эркюль Пуаро. С чего бы это?

Дочь и отец посмотрели друг на друга.

— Я видел его вчера на корте. Не нравится мне все это, Зия.

— Было дело, он помог тебе, — напомнила дочь.

— Правда, — согласился Папаполоус. — Я слышал, он отошел от дел.

Этот разговор между отцом и дочерью велся на их родном языке. Потом месье Папаполоус повернулся к слуге и сказал по-французски:

— *Faltes monter ce monsieur!*^[34]

Через несколько минут, постукивая изящной тросточкой, вошел роскошно одетый Эркюль Пуаро.

— Мой дорогой месье Папаполоус!

— Мой дорогой месье Пуаро!

— О, мадемуазель Зия! — Пуаро отвесил изысканный поклон.

— Простите, мы продолжим наш завтрак, — произнес месье Папаполоус, наливая себе кофе. — Ваш визит... немного рановат.

— Я понимаю, это неприлично, — сказал Пуаро, — но обстоятельства...

— Ах, — пробормотал месье Папаполоус, — вы опять занимаетесь расследованием?

— Очень серьезным расследованием, — ответил Пуаро. — Смерть мадам Кеттеринг.

— Как, как? — Папаполоус невинно посмотрел в потолок. — А, это та дама, которая умерла в Голубом поезде, да? Я читал об этом случае в газете, но там не было подробностей.

— В интересах следствия, — заметил Пуаро, — было решено не писать об этом деле подробно.

Наступила пауза.

— И чем же я могу помочь вам? — любезно поинтересовался антиквар.

— Voila, — ответил Пуаро. — Перехожу к делу.

Он вынул из кармана коричневый сверток, извлек футляр, достал рубины и передал их Папаполоусу.

Краем глаза он наблюдал за антикваром — ни один мускул не дрогнул на лице последнего. Он взял камни и некоторое время разглядывал их очень внимательно и профессионально. Затем вопросительно посмотрел на детектива.

— Они великолепны, не так ли? — сказал Пуаро.

— Хороши! — согласился Папаполоус.

— И какова, на ваш взгляд, их цена?

— Вам и правда необходимо, это знать? — поморщился грек.

— Вы проницательны, месье Папаполоус. Нет, не очень. Но... Они могут стоить, например, пятьсот тысяч долларов?

Папаполоус засмеялся, и Пуаро вместе с ним.

— Как имитация, — Папаполоус вернул камни Пуаро, — они прекрасны. Не будет ли бестактным с моей стороны спросить, как они к вам попали?

— Ну что ж, — ответил Пуаро. — Я не имею привычки таиться от старых друзей. Они принадлежали графу де ла Роше.

У месье Папаполоуса глаза полезли из орбит.

— Вот это да! — пробормотал он.

Пуаро подался вперед и сказал самым невинным и простодушным тоном:

— Месье Папаполоус, я выкладываю свои карты на стол. Настоящие камни были украдены у мадам Кеттеринг в Голубом поезде. Я хочу предупредить вас: я не связан с розыском этих камней. Это дело полиции. Я работаю не на полицию, а на мистера Ван Алдина. Я хочу найти человека, который убил мадам Кеттеринг. Камни меня интересуют лишь в той степени, в какой они связаны с убийством. Вы меня поняли?

Последние слова были произнесены с подчеркнутым значением. Месье Папаполоус с непроницаемым выражением лица спокойно произнес:

— Продолжайте!

— Полагаю вероятным, что камни могут поменять владельца в Ницце, если уже не поменяли.

— О! — Месье Папаполоус автоматически продолжал пить кофе. Выглядел он более благородным и величественным, чем обычно.

— Я сказал себе, — оживленно продолжал Пуаро, — какая удача! Мой старый друг месье Папаполоус в Ницце. Он поможет мне.

— И чем же, на ваш взгляд, я могу вам помочь? — холодно поинтересовался месье Папаполоус.

— Я сказал себе, что несомненно месье Папаполоус приехал в Ниццу по делам.

— Отнюдь нет, — возразил месье Папаполоус. — Я приехал сюда потому, что врачи посоветовали мне заняться здоровьем.

И он закашлялся.

— О, как грустно это слышать, — сочувственно произнес Пуаро. — Но продолжим. К кому обращаются великие князья России, австрийский эрцгерцог или итальянский принц, когда желают распорядиться своими фамильными драгоценностями? К месье Папаполоусу, не так ли? Весь мир знает, с какой деликатностью он занимается подобными делами.

Папаполоус отвесил поклон.

— Вы мне льстите.

— Деликатность — великая вещь, — размышлял Пуаро, краем глаза заметив самодовольную улыбку, мелькнувшую на лице грека. — Знаете, я тоже умею быть деликатным.

Взгляды обоих собеседников встретились.

Пуаро продолжал, понизив голос и тщательно подбирая слова:

— Я сказал себе: если эти камни поменяли владельца в Ницце, то, несомненно, об этом известно месье Папаполоусу. Он знает все, что происходит с такими камнями.

— О! — воскликнул месье Папаполоус, намазывая маслом croissant^[35].

— Полиция, как вы понимаете, — заметил месье Пуаро, — не интересуется деталями моего частного расследования.

— Вообще-то слухи ходят, — неуверенно произнес Папаполоус.

— А именно?

— А с какой стати я должен вам рассказывать?

— Есть причина, — ответил Пуаро. — Вы наверняка помните, месье Папалолоус, что семнадцать лет назад в ваших руках был некий документ, тайно оставленный вам на хранение одним... назовем его, очень влиятельным лицом. Документ, повторяю, хранился у вас или исчез. Вы попали, как говорят англичане, в горячий суп.

Он взглянул на девушку. Она отодвинула свои приборы и слушала, поставив локти на стол и подперев подбородок ладонями. Не отводя от нее взгляда, Пуаро продолжал:

— Я тогда был в Париже. Вы вызвали меня. Вы передали себя в мои руки. Вы сказали, что, если я найду документ, ваша благодарность не будет знать границ. Eh bien! Я нашел его!

Папалолоус испустил долгий вздох.

— Это был самый неприятный момент моей карьеры, — пробормотал он.

— Семнадцать лет — долгий срок, — задумчиво произнес Пуаро. — Но я знаю, месье, что ваш народ ничего не забывает.

— Греки? — Папалолоус иронически улыбнулся.

— Я имел в виду не греков, — ответил Пуаро.

Наступила тишина, затем старик величественно выпрямился.

— Вы правы, месье Пуаро, — спокойно сказал он. — Я еврей. И, как вы изволили выразиться, мой народ ничего не забывает.

— Вы можете мне?

— Что касается камней, месье, то здесь я ничего не могу сделать.

Старик тщательно подбирал слова, точь-в-точь как Пуаро несколько минут назад.

— Я ничего не знаю. Ничего не слышал. Но могу подкинуть вам кое-что, если вы, конечно, интересуетесь бегами.

— При определенных обстоятельствах. — Пуаро устремил на него изучающий взгляд.

— Есть одна лошадка в долгих бегах, вот на нее бы вам надо обратить внимание. Я не могу сказать с абсолютной уверенностью: такие новости проходят через многие уши.

Он замолчал и, прищурившись, посмотрел на Пуаро, как бы соображая, улавливает ли тот его мысль.

— Прекрасно, прекрасно, — закивал Пуаро.

— Имя лошадки, — Папалолоус откинулся назад и сцепил пальцы, — Маркиз. Я не уверен, но думаю, это — английская лошадка,

а, Зия?

— И я того же мнения, — отозвалась девушка.

— Благодарю вас, месье! — Пуаро поспешно встал. — Вы дали мне то, что англичане называют тропой к конюшне. До свидания, и премного благодарен.

Он повернулся к девушке.

— До свидания, мадемуазель Зия. Кажется, только вчера мы расстались с вами в Париже. Во всяком случае, не больше двух лет назад.

— Но есть разница между шестнадцатью и тридцатью тремя годами, вздохнула Зия.

— Только не для вас, — галантно возразил Пуаро.

— Может быть, вы с отцом пообедаете со мной на днях?

— Будем счастливы, — ответила Зия.

— Тогда мы организуем это! Ну, а теперь Je me sauve^[36].

Пуаро шел по улице, что-то напевая себе под нос. Он крутил тросточкой и пару раз улыбнулся про себя. У первого же почтового отделения он остановился. Ему потребовалось некоторое время, чтобы отправить телеграмму: он составлял ее в зашифрованном виде, и ему пришлось немного напрячь память, чтобы вспомнить код. Телеграмма была адресована инспектору Джаппу в Скотланд-Ярд. Ее содержание было кратким: «Дайте мне все сведения о человеке по кличке Маркиз».

Глава 23

Новая версия

Ровно в одиннадцать утра Пуаро предстал перед Ван Алдином. Миллионер был один.

— Вы пунктуальны, — с улыбкой заметил он, приветствуя Пуаро.

— Я всегда пунктуален, — заметил тот. — Я всегда придерживаюсь порядка и метода... Ах, кажется, — он запнулся, — я уже это вам говорил. Давайте сразу перейдем к цели моего визита.

— К вашей маленькой идее?

— Да, к моей маленькой идее, — улыбнулся Пуаро. — Прежде всего я бы хотел кое о чем спросить служанку Аду Мейсон. Она здесь?

— Да.

— Вот и хорошо.

Ван Алдин, озадаченно посмотрев на него, позвонил в колокольчик и распорядился привести Аду Мейсон.

Пуаро приветствовал ее в своей обычной деликатной манере, так впечатляющей людей вроде Ады Мейсон.

— Добрый день, мадемуазель, — отечески произнес он. — Вы можете сесть, если месье не возражает.

— Да, да, садись, девочка, — закивал Ван Алдин.

— Благодарю вас, сэр, — с достоинством ответила Мейсон, усаживаясь на краешек стула. Она выглядела более худой и костлявой, чем раньше.

— Хочу задать вам еще несколько вопросов, — сказал Пуаро. — Давайте еще раз вернемся к тому мужчине в поезде. Вы видели графа де ла Роше. Вы сказали, что, возможно, это был он, но вы не уверены.

— Как я объяснила, сэр, я не видела лица этого джентльмена. Поэтому мне трудно сказать наверняка.

Пуаро просиял и кивнул.

— Действительно! Я представляю, как это трудно! Мадемуазель, вы служили у мадам Кеттеринг два месяца, не так ли? В течение этого времени как часто вы видели хозяина?

Немного подумав, Мейсон ответила:

— Только дважды, сэр.

— Издали или вблизи?

— Один раз, сэр, он пришел на Керзон-стрит. Я была наверху. Сквозь перила увидела его в холле. Растерялась, вы знаете, ведь они с миссис... — Мейсон закашлялась.

— А другой раз?

— Я гуляла в парке с Энни, другой служанкой, сэр, и она показала мне хозяина, который шел с какой-то иностранной леди.

Пуаро снова кивнул.

— Теперь внимательно слушайте меня, Мейсон! Не мог ли тот мужчина, которого ваша хозяйка встретила в поезде, быть мистером Кеттерингом?

— Хозяином, сэр? О, не думаю, что это был он.

— Но вы не уверены? — допытывался Пуаро.

— Я никогда не думала об этом, сэр.

Было видно, что Мейсон обескуражена.

— Вы же знаете, что ваш хозяин тоже был в поезде. Что может быть естественнее, если это именно он шел по коридору?

— Но джентльмен, которого встретила миссис, пришел с улицы, сэр. Одет-то он был по-уличному — пальто, шляпа.

— Конечно, мадемуазель, но подумайте минутку.

Поезд только подъехал к вокзалу. Многие пассажиры вышли прогуляться.

Ваша госпожа хотела сделать то же самое, и наверняка она надела свое норковое манто, да?

— Да, сэр, — согласилась Мейсон.

— И ваш хозяин мог сделать то же самое. В поезде топят, но на улице холодно. Он решил пройтись, оделся, вышел на платформу, увидел в одном из окон вашу госпожу. Он не знал, что она едет тем же поездом. Естественно, он вернулся в вагон и направился к ее купе. Она издала возглас удивления, увидев его, и закрыла дверь между своим купе и вашим; наверняка, их разговор носил интимный характер.

Откинувшись на спинку стула, он наблюдал за тем, какой эффект произвели его слова. Никто лучше Эркюля Пуаро не знал, что люди типа Мейсон туго соображают. Он должен дать ей время, чтобы она могла переварить подкинутые ей идеи. Минуты через три она заговорила:

— Конечно, сэ́р, могло́ быть и так. Я никогда́ об этом не думала. Хозяин тоже высокий и темноволосый, и фигура у него почти такая же. Увидев шляпу и пальто, я подумала, что этот джентльмен со стороны. Да, это мог быть и хозяин. Но я бы не стала утверждать наверняка.

— Большое спасибо, мадемуазель. Не смею вас больше задерживать... О, еще минуточку. — Он вынул из кармана портсигар, который уже показывал Катарин. — Это вещь вашей хозяйки?

— Нет, сэ́р, это не ее, но... — Она запнулась.

Видно было, что какая-то новая мысль посетила ее.

— Что же? — ободрил ее Пуаро.

— Я думаю, сэ́р, не уверена, но думаю, что госпожа купила это, чтобы подарить мужу.

— Гм, — бесстрастно хмыкнул Пуаро.

— Но не знаю, подарила она ему это или нет.

— Прекрасно, прекрасно! Думаю, это все. Всего доброго, мадемуазель.

Ада Мейсон бесшумно вышла, тихо прикрыв за собой дверь.

Пуаро посмотрел на миллионера с довольной улыбкой. Ван Алдин был ошеломлен.

— Вы думаете... вы думаете, это был Дерек? — заговорил он. — Но ведь все указывает на другого. Ведь графа уже поймали с рубинами!

— Нет.

— Но вы рассказали мне....

— Что я рассказал вам?

— Историю о рубинах. Вы показали их мне.

— Нет.

Ван Алдин уставился на него.

— Вы хотите сказать, что не показывали их мне?

— Нет.

— Вчера, на корте?

— Нет.

— Кто из нас сумасшедший, месье Пуаро, вы или я?

— Ни вы, ни я, — ответил детектив. — Вы задаете мне вопросы, я отвечаю. Вы сказали, что вчера я показал рубины? Я ответил: нет. То, что я показывал вам, месье Ван Алдин, первоклассная имитация, распознать которую смог только профессионал.

Глава 24

Пуаро дает совет

Миллионеру потребовалось несколько минут, чтобы осознать то, что сообщил ему Пуаро. Он ошарашенно смотрел на детектива. Маленький человек ласково кивнул ему.

— Это кое-что меняет, не так ли?

— Подделка! — Он подался вперед. — Месье Пуаро, вы это знали? Именно к этому вы и клонили все время? Вы никогда не верили, что граф де ла Роше убийца?

— Я сомневался, — спокойно ответил Пуаро. — Я говорил вам об этом. Наглое ограбление и убийство, — он энергично помотал головой, — нет, это трудно представить. Это не вяжется с обликом графа де ла Роше.

— Но вы верите, что он собирался украсть рубины?

— Конечно! В этом нет сомнений. Вот как я вижу это дело. Узнав о рубинах, граф сочинил романтическую историю о книге, которую якобы пишет, чтобы уговорить вашу дочь привезти камни. Запасся их точной копией.

Понимаете, что должно было произойти потом? Ваша дочь не профессионал. И, наверное, прошло бы немало времени, прежде чем она обнаружила бы, что произошло. Поняв это... не думаю, что она стала бы преследовать графа.

Слишком многое бы всплыло наружу. Наверняка он хранил ее письма. Да, совершенно безопасный план с точки зрения графа, и, наверняка, он и раньше проделывал подобные аферы.

— Теперь я все понял, — подавленно сказал миллионер.

— И это соответствует облику графа де ла Роше, — добавил Пуаро.

— Да, но теперь... — Миллионер вопросительно посмотрел на Пуаро. Что же произошло на самом деле? Расскажите мне, месье Пуаро.

— Все очень просто! — Пуаро пожал плечами. — Кто-то опередил графа.

Наступила долгая пауза.

Казалось, Ван Алдин переваривает услышанное.

Когда он заговорил снова, то был вновь спокоен.

— С какого времени вы подозреваете моего зятя?

— С самого начала. У него были и мотив, и возможность. Все думали, что мужчина, вошедший в купе мадам, был граф де ла Роше. Я и сам так думал. Но однажды вы упомянули, что как-то ошиблись, приняв графа за своего зятя. Я заключил, что они одного роста, у них похожие фигуры и цвет волос. Это навело меня на некие забавные идеи. Служанка работала у вашей дочери недолго. Вряд ли она знала месье Кеттеринга в лицо: он редко бывал на Керзон-стрит. Кроме того, мужчина, которого видели в поезде, позаботился о том, чтобы его не узнали.

— Вы верите, что он убил ее? — хрипло спросил Ван Алдин.

Пуаро быстро поднял руку.

— Нет, нет, этого я не сказал, но такая возможность не исключена, она вполне реальна. Он был загнан в угол, в самый угол: ему угрожало разорение. И был лишь один выход.

— Но кража драгоценностей?

— Он мог сделать это, чтобы преступление выглядело как обычное дорожное ограбление. И чтобы отвести подозрения от себя.

— Если это так, что же он сделал с рубинами?

— Это мы узнаем. Есть несколько вариантов. Сейчас в Ницце находится человек, который мог ему помочь, — я показывал вам его на корте.

Ван Алдин встал и положил свои тяжелые ладони на плечи маленького бельгийца. Он заговорил, и его голос дрожал от переполнявших его чувств.

— Найдите убийц, Руфи! Это все, о чем я прошу.

— Предоставьте это Эркюлю Пуаро, — выпятив грудь, величественно произнес он. — Не бойтесь. Я узнаю правду.

Пуаро надел шляпу, улыбнулся миллионеру и вышел из комнаты. Однако, когда он спустился с лестницы, самоуверенное выражение покинуло его лицо.

«Все это хорошо, — бормотал он себе под нос. — Но есть сложности. Да, огромные сложности». Выйдя из отеля, Пуаро неожиданно остановился. Он увидел автомобиль, в котором сидела

Катарин Грей. Рядом стоял Дерек Кеттеринг и что-то серьезно говорил ей.

Через пару минут автомобиль тронулся, а Дерек остался стоять на мостовой, глядя ему вслед. Выражение его лица было необычным. Потом он беспомощно повел плечами, тяжело вздохнул и повернулся... обнаружив стоявшего перед ним Эркюля Пуаро. Вопреки привычке, Дерек разозлился. Они смотрели друг на друга: Пуаро — спокойно и непроницаемо, Дерек — вызывающе. Когда он заговорил, тон его был как обычно чуть насмешливым.

— Славная, правда?

— Да, — задумчиво ответил Пуаро, — именно это, слово лучше всего подходит мадемуазель Катарин. И слово это очень английское, и мадемуазель Катарин очень английская.

Дерек промолчал.

— И еще, она очень *sympathique*^[37], не так ли?

— Да, — отозвался Дерек, — таких, как она, больше нет.

Он сказал это тихо, словно про себя. Пуаро глубокомысленно кивнул.

Потом заговорил уже другим тоном, спокойным, мрачным, новым для Дерека Кеттеринга.

— Простите меня, старика, месье, если я скажу то, что вас рассердит. Но хочу напомнить вам одну хорошую английскую поговорку. Она звучит примерно так: «Надо покончить со старой любовью прежде, чем заводить новую».

Дерек вскинулся:

— Какого дьявола, о чем вы?

— Вы рассердились на меня. — Пуаро сохранял безмятежность. — Именно этого я и ожидал. А что до того, о чем я, так я, месье, хочу сказать вам, что здесь стоит еще один автомобиль, в котором сидит еще одна дама. Если повернете голову, вы ее увидите.

Дерек обернулся. Его лицо потемнело от гнева.

— Мирель, черт ее побери, — пробормотал он. — Я скоро...

Пуаро жестом остановил движение, которое Дерек собирался сделать.

— Разве мудро делать это здесь? — успокаивающе произнес он. Его глаза тихо поблескивали зеленым огоньком.

Дерек порывисто вздохнул. Он был вне себя.

— Я покончил с ней, и она знает это, — рассерженно воскликнул он.

— Вы покончили с ней — это да, но покончила ли она с вами?

Дерек издал быстрый сухой смешок.

— Она не, может покончить с двумя миллионами фунтов, если у нее есть шанс заполучить их, — грубо проговорил он. — В этом вся Мирель.

— Вы циничны. — Пуаро поднял брови.

— Я? — Дерек невесело улыбнулся. — Я жил в обществе, месье Пуаро, достаточно долго, чтобы понять, что все женщины похожи друг на друга. — Внезапно его лицо потеплело. — Все, кроме одной. — Он прямо посмотрел в глаза Пуаро. В его взгляде проскользнула тревога, но тут же исчезла. — И эта одна... — Он махнул рукой в сторону уехавшего автомобиля.

— Ах! — воскликнул Пуаро тоном, рассчитанным на то, чтобы спровоцировать Дерек на дальнейший разговор.

— Знаю, что вы хотите сказать, — быстро произнес Дерек. — Жизнь, которую я вел, сделала меня недостойным ее. Вы можете сказать, что я не имею права даже думать о ней. Вы можете сказать, что хорошему псу нельзя давать плохое имя. Знаю, ужасно, что я говорю все это сейчас, когда после убийства прошло всего несколько дней.

Он прервался, чтобы набрать воздуха, и Пуаро воспользовался паузой, дабы вставить ремарку:

— Но я ведь ничего такого не говорил.

— Но скажете.

— Что?

— Вы скажете, что у меня нет абсолютно никакого шанса жениться на Катарин.

— Нет, — возразил Пуаро, — этого я не скажу. У вас плохая репутация, это правда, но женщин это не пугает. Если бы вы были человеком с чудным характером, высоконравственным, не делающим ничего из того, что делать не следует, и, возможно, делающим все, что следует делать, тогда я бы сомневался в вашем успехе. Моральная устойчивость, знаете ли, не романтична. Она ценится только вдовами.

Дерек Кеттеринг посмотрел на него, повернулся на каблуках и пошел к своей машине.

Пуаро с интересом смотрел ему вслед. Он увидел, как прекрасное создание выпорхнуло из автомобиля навстречу Дереку и заговорило.

Но Дерек Кеттеринг не остановился. Он приподнял свою шляпу и прошел мимо.

— *Ca y est*^[38], — заметил Эркюль Пуаро, — думаю, самое время возвращаться *chez moi*^[39].

У себя он застал невозмутимого Жоржа, который гладил его брюки.

— Славный денечек, Жорж, в чем-то разочаровывающий, но небезынттересный.

Жорж воспринял это замечание в своей обычной бесстрастной манере.

— Действительно, сэр.

— Личность преступника, Жорж, интересная вещь. Многие преступники весьма обаятельны.

— Я слышал, сэр, — произнес Жорж, — что доктор Криппен очень красиво говорил. Однако он разрезал свою жену, как сладкий пирожок.

— Ваши примеры всегда очень точны, Жорж.

Слуга промолчал, и в этот момент зазвонил телефон.

Пуаро сам снял трубку.

— Алло, алло! Да, говорит Эркюль Пуаро.

— Это Найтон. У вас есть время? Мистер Ван Алдин хочет говорить с вами.

Через минуту Пуаро услышал голос миллионера.

— Это вы, Пуаро? Я только хотел довести до вашего сведения, что сейчас приходила Мейсон. Сказала, что все обдумала и почти уверена: мужчина в поезде — это Дерек Кеттеринг. Сказала, что он показался ей знакомым, но тогда она не поняла, чем именно. Она выглядит довольно уверенной.

— О, благодарю вас, месье Ван Алдин. Это сильно продвинет следствие.

Он положил трубку. В течение нескольких секунд странная улыбка не сходила с его лица. Жорж вынужден был повторить вопрос.

— Как? — переспросил Пуаро. — Что вы сказали?

— Ленч подавать здесь, или вы уходите?

— Ни то ни другое, — ответил Пуаро. — Мне лучше лечь и выпить tisane^[40]. То, чего я ожидал, свершилось, а когда это происходит, я не могу остаться спокойным.

Глава 25

ВЫЗОВ

Когда Дерек Кеттеринг проходил мимо, Мирель выпорхнула из машины.

— Дерек, я должна кое-что сказать тебе...

Но Дерек, приподняв шляпу, прошел не остановившись.

Когда он вернулся в свой отель, консьерж отложил в сторону авторучку и доложил:

— Вас ожидает господин, месье.

— Кто он?

— Он не назвался, месье, но сказал, что дела, по которым он пришел, столь важные, что он может подождать.

— Где он?

— В маленьком салоне, месье. Он предпочел его веранде, сказал, что в салоне спокойнее.

Дерек кивнул и направился к салону. Там не было никого, кроме визитера, который, увидев Дерек, встал и галантно поклонился ему.

Однажды Дерек случайно видел графа де ла Роше и теперь без труда узнал этого титулованного господина.

Дерек разозлился. Не хватало еще этого наглеца!

— Граф де ла Роше, не так ли? Боюсь, вы зря потратили время, придя сюда.

— Надеюсь, нет, — уверенно сказал граф, блеснув белоснежными зубами.

Его обаяние обычно не действовало на мужчин, все они без исключения не скрывали своей неприязни к нему. Дереку страстно хотелось вышвырнуть его на улицу. Только боязнь скандала, нежелательного в настоящее время, остановила его. Он снова удивился, как Руфь могла увлечься этим человеком.

Негодяй, более чем негодяй. Он с ненавистью посмотрел на холеные руки графа с отполированными ногтями.

— Я пришел по делу. Думаю, вам будет небезынтересно выслушать меня.

Дерек снова почувствовал сильнейшее искушение вышвырнуть его, и снова ему пришлось сдержаться. От него не ускользнула нотка угрозы, прозвучавшая в голосе графа, но он понял ее по-своему. Были причины, по которым ему следовало все-таки выслушать то, что собирался сказать граф.

Он сел и нетерпеливо забарабанил пальцами по столу.

— Ну, что там у вас? — раздраженно спросил он.

Но не в привычках графа было выкладывать все сразу.

— Позвольте, месье, — начал он, — выразить вам сочувствие.

— Если вы будете таким нахалом, — сказал Дерек, — я немедленно вышвырну вас на улицу.

Он кивком показал на окно, рядом с которым сидел граф, инстинктивно вздрогнувший в тот момент.

— Я могу послать к вам моих секундантов, если желаете, месье, произнес он с достоинством.

Дерек расхохотался.

— Дуэль? Мой дорогой граф, я не отношусь к вам столь серьезно. Но мне бы доставило огромное удовольствие высечь вас публично.

Граф не был столь труслив, чтобы принять угрозу за чистую монету. Он только поднял брови и проговорил:

— Англичане так невоспитанны.

— Ладно, — произнес Дерек, — это все, что вы собирались мне сказать?

— Буду откровенен, — сказал граф. — И немедленно перехожу к делу. Это будет по душе нам обоим, полагаю.

И он улыбнулся своей сладкой улыбкой.

— Продолжайте, — кратко сказал Дерек.

Граф посмотрел в потолок, сложил кончики пальцев и тихо пробормотал:

— Вы получили много денег, месье.

— Какого черта? А вам-то что до этого?

Граф выпрямился.

— Месье, мое имя опорочено. Меня подозревают в ужасном убийстве.

— Это исходит не от меня, — холодно сказал Дерек. — Я нигде не высказывал такого мнения.

— Я невиновен, — заявил граф. — Клянусь небесами, — он поднял руки, — я невиновен.

— Месье Карре, насколько я помню, занимается этим делом, — вежливо заметил Дерек.

Граф продолжал.

— Меня подозревают в преступлении, которого я не совершал. Кроме того, я очень нуждаюсь а деньгах.

Он вздохнул тихо и выразительно Дерек встал.

— Я ожидал именно этого, — тихо сказал он. — Мерзкий шантажист. Я не дам вам ни пенни. Моя жена мертва, и скандал, который вы можете поднять, уже не коснется ее. Наверное, она писала вам глупые письма. Если бы я сейчас купил их у вас за круглую сумму, я бы не сомневался, что вы припрятали одно-два письма, чтобы и дальше шантажировать меня И еще одна вещь, месье де ла Роше: слово «шантаж» одинаково отвратительно звучит и во Франции, и в Англии. Вот мой ответ. Всего хорошего.

— Один момент. — Граф поднял руку, когда Дерек собирался покинуть комнату. — Вы заблуждаетесь Я надеюсь что я джентльмен. — Тут Дерек расхохотался. — Письма женщины священны для меня. — Он красиво и горделиво откинул голову. — Мое предложение совершенно иное. Как я уже сказал, я поиздержался, совесть подсказывает мне пойти в полицию и поделиться там информацией.

— О чем вы?

Снова белоснежные зубы графа вспыхнули в улыбке.

— Полагаю, что в детали вдаваться необязательно, — заметил он. — Ищите того, *cul bono*^[41], говорят обычно. А вы получили много денег.

Дерек рассмеялся.

— Если это все... — угрожающе произнес он.

Но граф покачал головой.

— Это не все, мой дорогой сэр. Я бы не пришел к вам, если бы не имел убедительной и точной информации, достаточной для того, чтобы вас арестовали по подозрению в убийстве.

Дерек вплотную подошел к нему. Его взгляд выражал такую ненависть, что граф в испуге отступил на два шага.

— Вы угрожаете мне? — прорычал Дерек.

— Все, больше вы не услышите от меня ни слова, — заверил его граф.

— Это самый мерзкий блеф, какой только может быть...

Граф поднял свою белую руку.

— Вы не правы. Это не блеф. Уверяю вас. Моя информация получена от одной дамы. У нее есть неопровержимые доказательства того, что вы убили свою жену.

— Дама? Какая дама?

— Мадемуазель Мирель.

Дерек ошеломленно отпрянул назад.

— Мирель, — повторил он.

Граф быстро перешел к делу, ради которого и пришел.

— Каких-то сто тысяч франков, — сказал он. — Большого я не прошу.

— Что? — рассеянно переспросил Дерек.

— Я сказал, месье, что каких-то сто тысяч франков могут... успокоить мою совесть.

Дерек пришел в себя. Спокойно взглянул на графа.

— Вы хотите, чтобы я вам ответил?

— Если угодно, месье.

— Тогда вот что. Убирайтесь к дьяволу. Понятно?

Оставив графа в недоумении, Дерек выскочил из комнаты.

Он поймал такси и поехал в отель, где остановилась Мирель. Там он узнал, что танцовщица только что пришла. Дерек подал консьержу свою визитную карточку.

— Передайте это мадемуазель и спросите, может ли она меня принять сейчас.

Прошло всего несколько минут, и Дерек был препровожден наверх.

Волна экзотических запахов накрыла его, как только он вошел в апартаменты танцовщицы. Комната утопала в орхидеях, мимозе, гвоздиках.

Мирель стояла у окна в пеньюаре. Она бросилась к нему, широко раскрыв объятия.

— Дерек, ты пришел ко мне! Я знала, что ты придешь.

Он отстранил ее и зло взглянул ей в глаза.

— Ты послала ко мне графа де ла Роше?

— Я послала графа? Но зачем?

— Конечно, для шантажа, — мрачно ответил Дерек.

Она вытаращила глаза. Затем вдруг улыбнулась и кивнула головой.

— Конечно, этого следовало ожидать. Это все, на что он способен, *se type la*^[42]. Я должна была предвидеть это. Но Дерек, верь мне, я его не посылала.

Он пристально посмотрел на нее, словно желая прочесть в ее глазах правду.

— Я все расскажу тебе, — продолжала Мирель. — Мне очень стыдно, но я расскажу все. В тот день помнишь? Я просто сошла с ума от злости. — И она сделала выразительный жест. — Ты знаешь мой темперамент! Я не могу сдерживать себя. Я хотела отомстить тебе, поэтому поехала к графу де ла Роше и посоветовала ему пойти в полицию и заявить то-то и то-то. Но не бойся, Дерек. Я не совсем потеряла голову. Доказательства знаю только я. Без меня полиция ничего не сможет, ты понимаешь? И теперь, теперь?

Мирель прижалась к нему, заглядывая ему в лицо глаза ее бегали.

Дерек оттолкнул ее от себя. Она застыла, ее глаза горели, грудь гневно вздымалась.

— Будь осторожен, Дерек, будь очень осторожен. Ты ведь вернулся ко мне, разве нет?

— Я — никогда — не вернусь — к тебе, — отдельно произнес Дерек.

— Ах, вот как! — Она стала похожа на разъяренную кошку. — Так у тебя есть другая женщина? Та, с которой я тебя видела? Да? Я права?

— Я собираюсь просить эту леди стать моей женой. Знай это.

— Чопорная англичанка! И ты думаешь, что я допущу это? О нет! — Ее красивое, гибкое тело затрепетало — Слушай, Дерек, ты помнишь, о чем мы говорили в Лондоне? Ты сказал: единственное, что может тебя спасти, смерть твоей жены. Ты еще сокрушался, что она такая здоровая. Потом у тебя родилась идея — несчастный случай! Более чем несчастный случай.

— Я полагаю, — сказал Дерек брезгливо, — именно это ты рассказала графу де ла Роше?

Мирель засмеялась.

— Что я, дура? Разве полицию может заинтересовать подобный рассказ? Смотри, я даю тебе последний шанс. Ты порвешь с этой англичанкой. Ты вернешься ко мне. И тогда, cher, никогда-никогда я не обмолвлюсь...

— О чем?

Она тихо засмеялась.

— Ты думал, что никто не видел тебя...

— О чем ты?

— Ты думал, что никто не видел тебя, но я видела тебя, Дерек, mon ami. Я видела, как ты выходил из купе своей жены незадолго до того, как поезд прибыл в Лион. Я... я знаю больше. Я знаю, что, когда ты вышел из купе, она была мертва.

Он молча смотрел на нее. Потом повернулся и медленно пошел, шатаясь.

Как во сне.

Глава 26

Предупреждение

— Итак, — сказал Пуаро, — мы хорошие друзья, и у нас нет тайн друг от друга?

Катарин внимательно посмотрела на него. Он произнес свою фразу таким серьезным тоном, которого она прежде от него не слышала.

Они сидели в парке Монте-Карло. Катарин приехала сюда с леди Темплин.

Тут они встретили Найтона и Пуаро. Леди Темплин надела на Найтона, и он был вынужден выдержать целый поток ее воспоминаний, большая часть которых, как полагала Катарин, относилась к области фантазии. Леди Темплин взяла Найтона под руку; уходя, он бросил беспомощный взгляд на оставшихся. Глаза Пуаро блеснули зеленоватым огоньком, когда он заметил это.

— Конечно, мы друзья, — согласилась Катарин.

— С самого начала мы симпатизировали друг другу, — пробормотал Пуаро.

— С тех пор, как вы сказали, что roman pollcier случаются в реальной жизни.

— И я оказался прав, не так ли? — воскликнул он, выразительно поднимая указательный палец. — Мы оказались в центре одного из них. Для меня это естественно, это моя *metier*^[43], но для вас — другое дело. Да, значительно повторил он, — для вас это другое дело.

Она быстро взглянула на него. Ей показалось, что он имеет в виду нечто важное, чего она пока не понимает.

— Почему вы считаете, что я нахожусь в центре события? Я действительно разговаривала с миссис Кеттеринг незадолго до ее смерти, но и все. Я никак не связана с этим делом.

— Ах, мадемуазель, мадемуазель, разве можем мы точно сказать: я покончил с тем-то или тем-то?

Катарин с вызовом взглянула на него.

— В чем дело? — спросила она. — Вы хотите сказать мне что-то важное? От чего-то меня предостеречь! Но я не настолько умна, чтобы

понимать намеки Лучше скажите мне все прямо.

Пуаро грустно посмотрел на нее.

— Ah, mals cest anglais ca^[44], — пробормотал он — Все только или черное, или белое, все разложено по полочкам и рассортировано. Но жизнь, мадемуазель, сложнее. Есть вещи, которые еще не случились, но тень приближения которых уже видна. — Он вытер лоб огромным шелковым носовым платком. — Но я становлюсь поэтом. Давайте говорить только о фактах. И говоря о фактах, что вы думаете о майоре Найтоне?

— Он мне действительно очень нравится, — горячо сказала Катарин. — Он очарователен.

Пуаро вздохнул.

— Вы ответили так искренно! — произнес он. — Если бы вы сказали другим тоном: он довольно мил eh bien, знаете, я бы был более доволен.

Катарин промолчала. Она почувствовала явную неловкость. Пуаро мечтательно продолжал:

— Хотя кто знает... трудно понять, что на самом деле чувствуют *ies femmes*, у них так много способов это скрывать, и искренность — один из них.

Он опять вздохнул.

— Я не понимаю... — начала Катарин, Он перебил ее.

— Вы не понимаете, почему я так неделикатен, мадемуазель? Я старый человек, и иногда, правда не очень часто, я перехожу дорогу тем, кто мне дорог. Мы друзья, мадемуазель. Вы сами так сказали. И поэтому я хотел бы, чтобы вы были счастливы, Катарин неподвижным взглядом смотрела прямо перед собой. Кончиком зонта от солнца она чертила фигуры на дорожке, посыпанной гравием.

— Я задал вам вопрос о майоре Найтоне, мадемуазель. Теперь позвольте спросить, нравится ли вам мистер Дерек Кеттеринг?

— Я почти не знаю его!

— Это не ответ.

— Но я действительно его не знаю, Он взглянул на нее, озадаченный необычной нотой, прозвучавшей в ее тоне. Затем, кивнул головой — медленно и мрачно.

— Наверное, вы правы, мадемуазель. Взгляните на меня. Я, который говорит вам это сейчас, знаю очень многое. Но только две

вещи я знаю наверняка. Хороший мужчина может быть сломлен любовью к плохой женщине. Но и плохой мужчина может быть сломлен любовью к хорошей женщине.

Катарин мельком взглянула на него.

— Когда вы говорите «сломлен»...

— Я имею в виду его точку зрения. Можно уметь совершать преступления и одновременно уметь любить.

— Вы пытаетесь предостеречь меня, — сказала Катарин тихо. — Но от кого?

— Я не умею читать в вашем сердце, мадемуазель. И не думаю, что вы позволите мне делать это. Скажу только вот что. Есть мужчина, который очень притягивает женщин.

— Граф де ла Роше? — с улыбкой спросила Катарин.

Есть и другие, более опасные, чем граф де ла Роше. Они обладают качествами, которые нравятся бесстрашием, обаянием, решительностью. Вы увлечены, мадемуазель, но, надеюсь, не более того. Чувства мужчины, о котором я говорю, действительно искренни, но в то же время...

— Да?

Он встал и сверху вниз взглянул на нее, затем тихо и внятно произнес:

— Вы можете, конечно, полюбить вора, мадемуазель, но не убийцу.

Пуаро быстро повернулся и ушел, оставив ее одну.

Он услышал, как она вскрикнула, но сделал вид, что не слышит. Он сказал все что хотел и оставил ее осмысливать его последнюю фразу, в истинности которой не сомневался.

Из казино вышел Дерек Кеттеринг и, увидев сидящую одну Катарин, подошел к ней.

— А я играл, — сказал он со смехом. — И безуспешно. Проиграл все, что имел при себе.

Катарин встревоженно посмотрела на него. Она почувствовала что-то новое в его манерах, ей казалось что он взволнован, но старается скрыть это.

— Я думаю, вы родились игроком. Дух игры витает над всеми.

— Игрок во всем? Вы почти правы. Но разве в этом нет шарма: рисковать всем и сразу — это особенное чувство.

Катарин почувствовала, что его слова находят отклик в ее душе.

— Я хочу поговорить с вами, — продолжал Дерек. — кто знает, когда у меня еще появится такая возможность. Знаю, здесь поговаривают, будто это я убил свою жену... Пожалуйста, не перебивайте. Это абсурд, конечно. — Он немного помолчал, затем продолжил. но уже не так охотно. — В полиции и в магистратуре я был вполне откровенен. Не собираюсь соблюдать приличия и с вами. Я имею в виду женитьбу ради денег Мне нужны были деньги, когда я встретил Руфь Ван Алдин. Тогда она была похожа на настоящую мадонну, и я принял сотню благих решений, глупых решения. Моя жена любила другого человека до того, как познакомилась со мной. Я ее никогда не волновал.

О, я не жалею, это была честная сделка: она хотела Леконбери, а я хотел денег. Неприятности начались из-за того, что в ее жилах течет американская кровь.

Не интересуюсь мной, она хотела, чтобы я плясал под ее дудку. Она постоянно говорила, что купила меня и что я принадлежу ей. В результате я совершенно отошел от нее. Мой тесть расскажет вам об этом, и он будет прав. К моменту смерти Руфи я был разорен. — Он вдруг засмеялся. — О, это не удивительно, когда против тебя идет такой человек, как Руфус Ван Алдин.

— Что потом? — тихо спросила Катарин.

— Потом? — Дерек пожал плечами. — Руфь была убита — очень своевременно.

Он засмеялся, и его смех причинил Катарин боль. Она вздрогнула.

— Да, — сказал Дерек, — это не слишком приятное признание. Но это так. Я хочу сказать вам кое-что еще. В тот момент, когда я увидел вас впервые, я понял: вы для меня единственная женщина в мире. Я испугался вас. Я подумал, что вы принесете мне несчастье.

— Несчастье? — быстро переспросила Катарин.

Он посмотрел на нее.

— Почему вы произнесли это таким тоном? О чем вы подумали?

— Я подумала о том, что мне рассказывали.

Дерек внезапно помрачнел.

— О, обо мне можно много чего порассказать, моя дорогая, и в основном все это будет правдой. Есть и еще более худшие вещи, о которых я никогда не скажу вам. Я всегда был игроком и всегда имел

неравные с другими шансы. Я бы никогда не сказал вам этого в другое время. Что было, то было. Хочу, чтобы вы мне поверили в одном. Я торжественно клянусь вам: я не убивал свою жену.

Он произнес это вполне искренно, но в то же время в его тоне было нечто театральное. Он поймал ее встревоженный взгляд и продолжил:

— Знаю, я солгал тогда. Я входил в купе моей жены.

— Ах! — воскликнула Катарин.

— Трудно объяснить, почему я туда пошел, но попытаюсь. Я сделал это, повинувшись импульсу... Я следил за женой. Я поехал этим поездом, потому что Мирель сказала мне, что жена договорилась встретиться с графом де ла Роше в Париже. Но я увидел, что это не так. Мне стало стыдно, я подумал, что хорошо бы не откладывая объясниться с ней, поэтому я открыл ее дверь и вошел.

Он помолчал.

— Продолжайте, — мягко сказала Катарин.

— Руфь лежала на боку и спала; я не видел ее лица. Конечно, я мог разбудить ее. Но я вдруг почувствовал усталость. Да и что мы могли сказать друг другу после того, что уже наговорили? Она мирно спала И я вышел из купе так тихо, как только мог.

— Почему вы солгали полиции? — спросила Катарин.

— Я не круглый дурак. С самого начала я понимал, что идеальный мотив для преступления был именно у меня. Если бы я признался, что был в купе перед тем, как ее убили, мне пришел бы конец.

— Понимаю.

Понимала ли она? Она не могла ответить себе на этот вопрос. Ее очень тянуло к Дереку, но в то же время было что-то, что сопротивлялось этому.

— Катарин...

— Да?

— Вы знаете, что я люблю вас. А вы?

— Я... я не знаю.

Она растерялась и беспомощно оглянулась, словно в поисках кого-то, кто мог помочь ей. Щеки ее порозовели, когда она увидела красивого мужчину, что, прихрамывая, шел к ним. Это был майор Найтон.

Неожиданное облегчение и радость послышались в ее голосе, когда она приветствовала его.

Дерек мрачно встал.

— Леди Темплин играет? — спросил он. — Я должен развлечь ее, продемонстрировав преимущества моей системы.

Он поклонился Катарин и направился к казино.

Катарин успокоилась, ее сердце билось ровнее, когда она произносила несколько обычных фраз, обращенных к Найтону. Вскоре она с изумлением поняла, что Найтон, как и Дерек, открывает ей свою душу, но несколько иначе.

Застенчивый и робкий, он с трудом произносил слова.

— С того самого момента, как я впервые увидел вас... о... я не предполагал говорить об этом сейчас... но мы с мистером Ван Алдином можем в любой день уехать, и мне, как знать, не представится такого случая... Знаю, что вы еще не могли полюбить меня, это невозможно. С моей стороны было бы самонадеянным... Но я все же надеюсь, не очень... Нет, нет, не отвечайте мне сейчас. Знаю, что вы можете ответить. Я просто хочу, чтобы вы знали: я люблю вас.

Она была просто ошеломлена. Какой он деликатный! Какой трогательный!

— И вот еще что. Если... если вам когда-нибудь понадобится помощь, дайте мне знать, и я сделаю для вас все что смогу.

Он ласково взял ее руку в свою. подержал некоторое время, затем выпустил и пошел прочь не оглядываясь.

Катарин смотрела ему вслед не шелохнувшись.

Дерек Кеттеринг, Ричард Найтон... Два таких разных человека, таких разных. В Найтоне было что-то надежное и доброе. Что касается Дерекка...

Внезапно Катарин охватило странное чувство. Она ощутила, что сидит на скамейке не одна, что рядом находится кто-то еще и этот кто-то — Руфь Кеттеринг, убитая в Голубом поезде. Катарин была совершенно уверена, что Руфь очень хочет что-то ей сказать. Видение было столь необычным и ярким, что Катарин не могла прогнать его. Она не сомневалась в том, что Руфь Кеттеринг пытается сообщить что-

то жизненно важное для нее. Видение исчезло. Слегка дрожа, Катарин поднялась со скамьи. Что же Руфь хотела сказать ей?

Глава 27

Мирель допрашивают

Оставив Катарин, Найтон отправился на поиски Пуаро, которого он нашел в игорном зале. Пуаро делал минимальные ставки на номер. Когда Найтон приблизился, выпал тридцать третий номер, и Пуаро проиграл.

— Не везет! — сказал Найтон. — Снова будете ставить?

Пуаро покачал головой.

— Не сейчас.

— Вы ощущаете прелесть игры? — полубопытствовал Найтон.

— Не в рулетку.

Найтон бросил на него взгляд. Выражение тревоги промелькнуло на его лице. Он произнес выжидательно:

— Вы заняты, месье Пуаро? Я хотел вас кое о чем спросить.

— Я в вашем распоряжении. Может, выйдем отсюда? На солнышке так чудесно.

Несколько минут они шли молча. Найтон вздохнул.

— Я люблю Ривьеру. Впервые попал сюда двенадцать лет тому назад, во время войны, когда меня направили в госпиталь леди Темплин. После Фландрии это был рай.

— Еще бы, — согласился Пуаро..

— Кажется, война была так давно, — задумчиво протянул Найтон.

Они опять замолчали.

— Вы чем-то озабочены? — спросил Пуаро.

Найтон удивленно посмотрел на него.

— Вы совершенно правы! Но как вы догадались?

— Это же видно, — сухо сказал Пуаро.

— Я не знал что по мне может быть что-то видно.

— Моя профессия — читать в душах, — добродушно объяснил маленький человек.

— Объясню, что меня тревожит. Вы слышали об этой танцовщице Мирель?

— Которая *chère amie* месье Дерекета Кеттеринга?

— Да, та самая. И зная это, вы понимаете, почему мистер Ван Алдин так против нее настроен. Она написала ему, прося аудиенции. Он велел мне ответить вежливым отказом, что я, разумеется, и сделал. Сегодня утром она пришла в отель, прислала нам свою визитную карточку, на которой написала, что ей необходимо срочно видеть мистера Ван Алдина.

— Это интересно, — заметил Пуаро.

— Мистер Ван Алдин рассердился. Сказал мне, что ей передать, и это были не самые изысканные выражения. Я позволил себе не согласиться с ним. Мне кажется вполне вероятным, что у Мирель есть ценная информация. Она же была в Голубом поезде и, возможно, видела нечто, что для нас может оказаться жизненно важным. Вы не согласны со мной, месье Пуаро?

— Согласен, — холодно ответил Пуаро. — Месье Ван Алдин, если так можно выразиться, ведет себя как последний болван.

— Я рад, что вы придерживаетесь такого мнения. Я хочу кое-что сказать вам. Я был настолько убежден в неразумности поведения мистера Ван Алдина, что, спустившись вниз, не передал его отказ, а поговорил с Мирель.

— Вот как?

— Мне было трудно, она настаивала на личной встрече с мистером Ван Алдином. Если честно, то я несколько извратил слова, которые он просил передать ей. Сказал, что в настоящий момент мистер Ван Алдин очень занят, но она может говорить со мной. Однако этого она не пожелала и ушла, ничего не сказав. Но у меня, месье Пуаро, сложилось твердое убеждение: она что-то знает.

— Это уже серьезно, — спокойно проговорил Пуаро. — Вы знаете, где она остановилась?

— Да. — Найтон назвал отель.

— Отлично! Мы немедленно отправимся туда.

Секретарь колебался.

— А мистер Ван Алдин? — неуверенно произнес он.

— Месье Ван Алдин упрям как осел, — сухо проговорил Пуаро. — А я не хожу на поводу у упрямых людей. Я действую вопреки им. Мы немедленно пойдем к этой женщине. Я скажу, что мы уполномочены месье Ван Алдином вести дела от его имени, а вы мне не противоречьте.

Найтон все еще колебался, но Пуаро уже не обращал на него внимания.

В отеле сказали, что мадемуазель у себя, и Пуаро послал визитные карточки, написав на них: «От мистера Ван Алдина».

Вскоре Пуаро и Кантону сообщили, что мадемуазель Мирель может их принять.

Когда они вошли в апартаменты танцовщицы, Пуаро немедленно взял бразды правления в свои руки.

— Мадемуазель, — сказал он, почтительно поклонившись, — мы пришли по поручению месье Ван Алдина.

— Вот как? Но почему он сам не пришел?

— Он неважно себя чувствует, — солгал Пуаро, — перемена климата, знаете ли. Но я и его секретарь майор Найтон уполномочены действовать от его имени. Хотя, конечно, если мадемуазель предпочитает подождать недельки две...

Если и было что-то, в чем Пуаро был непоколебимо уверен так это то, что для женщины типа Мирель слово «ждать» неприемлемо.

— Eh beau, я скажу, месье, — воскликнула она. — Я терпела. Я сдерживалась. И ради чего? Чтобы меня оскорбляли? Да, оскорбляли! Неужели он думает, что с Мирель можно так поступать? Выбросить ее, как старые перчатки! Ни один мужчина не уставал от меня. Это я всегда от них уставала!

Она носилась по комнате, и ее стройное тело трепетало от гнева. Она наткнулась на маленький столик, схватила его и швырнула в стену.

— Вот что я сделаю с ним! — закричала она. — И вот что! — Схватив хрустальную вазу с лилиями, она швырнула ее в каминную решетку, и ваза разлетелась на тысячи осколков.

Найтон смотрел на нее с холодным неодобрением истинного британца. Ему было и неловко, и неприятно.

Пуаро, напротив, казалось, радовался этой сцене. Глаза его блестели.

— Это великолепно! — воскликнул он. — Сразу видно, что у мадемуазель темперамент.

— Я артистка, а каждый артист имеет темперамент. Я сказала Дереку, чтобы он остерегался, но он не послушал меня. — Она подскочила к Пуаро и вдруг спросила:

— Правда, что он собирается жениться на этой английской мисс?

Пуаро закашлялся.

— On ma dit^[45], — пробормотала она, — он страстно увлечен ею.

Мирель выпрямилась.

— Он убил свою жену, — прошипела она. — Знайте! Он еще раньше говорил мне, что хочет сделать это. Он был в impasse^[46]! И выбрал самый простой способ.

— Вы утверждаете, что месье Кеттеринг убил свою жену?

— Да, да, да! а что же еще я вам говорю?

— Полиция, — пробормотал Пуаро, — потребует доказательств этого... утверждения.

— Говорю вам, я видела, как он вышел из ее купе той ночью.

— Когда? — быстро спросил Пуаро.

— Прямо перед Лионом.

— Вы готовы поклясться, мадемуазель?

Это был уже другой Пуаро, он говорил резко и решительно.

— Да.

Наступила тишина. Мирель была весьма живописна, ее взгляд, и злой, и испуганный, перебежал с Пуаро на Найтона.

— Это очень серьезно, мадемуазель, — сказал детектив. — Вы осознаете, насколько это серьезно?

— Конечно.

— Хорошо! В таком случае, мадемуазель, вы понимаете, что нельзя терять ни минуты. Без сомнения, вы немедленно пойдете с нами в магистратуру.

Мирель замаялась. Она размышляла, но, как заметил Пуаро, отступить не собиралась.

— Ладно, ладно, — пробормотала она, — только накину что-нибудь.

Оставшись одни, Пуаро и Найтон обменялись взглядами.

— Надо действовать, пока — как вы говорите? — железо горячо, прошептал Пуаро. — Она сейчас возбуждена, через полчаса она поостынет, а через час передумает. Любой ценой мы должны предотвратить это.

Мирель вернулась закутанная в песочную бархатную накидку, отороченную леопардовым мехом. И сама она была похожа на леопарда рыжеватого-коричневого, опасного. Глаза ее по-прежнему горели злостью и решимостью.

Они застали месье Кау и месье Карре. После нескольких предварительных фраз Пуаро Мирель было позволено рассказать свою историю. Она рассказала ее в тех же выражениях, что и Найтону с Пуаро, но чуть более спокойно.

— Очень необычная история, мадемуазель, — тихо сказал месье Карре. Он откинулся на спинку стула, поправил пенсне и вопросительно посмотрел на Мирель. — Вы хотите, чтобы мы поверили, что месье Кеттеринг запланировал преступление заранее и сказал об этом вам?

— Да, да. Он сказал, что у нее прекрасное здоровье. Если она и умрет, то только благодаря несчастному случаю, который он устроит.

— Вы осознаете, мадемуазель, что можете быть обвинены в сообщничестве?

— Я? Да ни за что на свете, месье! Ни на секунду я не воспринимала его слова всерьез. Что вы! Я знаю мужчин, месье, они говорят много дикостей. Представляете, сколько совершалось бы преступлений, если бы они всегда делали то, что говорят, *au pied de la lettre* ^[47].

Месье Карре наморщил лоб.

— Значит, запишем, что вы восприняли угрозу месье Кеттеринга как ничего не значащие слова? Могу я поинтересоваться, мадемуазель, почему вы прервали свой ангажемент в Лондоне и поехали на Ривьеру?

Мирель смотрела на него бегающими черными глазами.

— Я хотела быть с человеком, которого люблю, — просто ответила она. Разве это не естественно?

Пуаро вставил вопрос.

— Это месье Кеттеринг хотел, чтобы вы поехали с ним в Ниццу?

Казалось, Мирель смутил этот вопрос. Она замялась, а когда заговорила, то совершенно иным тоном.

— Такие вещи я решаю сама, — заявила она.

Это был вовсе не ответ, что хорошо поняли все — присутствующие, но деликатно промолчали.

— Когда вы поняли, что месье Кеттеринг убил свою жену?

— Я уже говорила вам, что увидела, как месье Кеттеринг вышел из купе своей жены незадолго до того, как поезд прибыл в Лион. У

него был такой свирепый взгляд! Боже! Но в тот момент я не поняла, почему он так ужасно смотрел. Я никогда не забуду этого.

Ее голос стал пронзительным, она театрально заломила руки.

— Да, да, — произнес месье Карре.

— Узнав, что мадам Кеттеринг была мертва до того, как поезд прибыл в Лион, я поняла все.

— Но вы не пошли в полицию, мадемуазель, — мягко заметил месье Карре.

Мирель величественно взглянула на него; было видно, что ей нравилась ее роль.

— Могла ли я предать своего возлюбленного? — спросила она. — О нет, не требуйте этого от женщины.

— Но сейчас...

— Сейчас — другое дело. Он сам предал меня! Разве могу я молча страдать?..

Месье Карре прервал ее.

— Конечно, конечно, — пробормотал он успокаивающим тоном. — Теперь, мадемуазель, прочитайте свои показания и распишитесь.

Мирель не стала тратить время на чтение.

— Да, да! Все правильно. — Она встала. — Я вам больше не нужна?

— Пока нет, мадемуазель.

— И вы арестуете Дерека?

— Немедленно, мадемуазель.

Мирель жестоко засмеялась.

— Он должен был подумать, прежде чем оскорблять меня, — воскликнула она.

— Один момент! — Пуаро кашлянул. — Меня интересует одна маленькая деталь.

— Какая?

— Почему вы решили, что мадам Кеттеринг была мертва до того, как поезд прибыл в Лион?

Мирель вытаращила глаза.

— Но она была мертва.

— Да?

— Да, конечно. Я...

Она резко замолчала. Внимательно посмотрев на нее, Пуаро заметил в ее глазах настороженность.

— Мне сказали... Все так говорят.

— О, — произнес Пуаро, — не думаю, чтобы об этом говорилось за стенами магистратуры.

Мирель занервничала.

— Кто-то слышал об этом, — неуверенно сказала она. — Кто-то мне сказал. Я не помню кто.

Она направилась к выходу. Месье Кау поспешил открыть перед ней дверь.

Когда он сделал это, снова послышался голос Пуаро.

— А драгоценности? Простите, мадемуазель. Вы можете что-нибудь рассказать нам о них?

— Драгоценности? Какие драгоценности?

— Рубины Екатерины Великой. Раз вы так много слышали, может, вы слышали что-нибудь и о них?

— Я ничего не знаю ни о каких драгоценностях, — быстро сказала Мирель.

Она вышла, закрыв за собой дверь. Месье Кау вернулся на свое место.

Месье Карре вздохнул.

— Ну и фурия! — сказал он. — Но *diablement chic!*^[48] Интересно, она сказала правду? Я думаю, да.

— Какая-то правда в ее словах, конечно, есть, — сказал Пуаро. — И это подтверждает мисс Грей. Она вышла в коридор незадолго до Лиона и видела, как месье Кеттеринг входил в купе жены.

— Обвинения против него очевидны, — со вздохом сказал комиссар. — И очень жаль, — пробормотал он.

— Что вы имеете в виду? — спросил Пуаро.

— Я долгие годы мечтал упрянуть графа де ла Роше за решетку. И уже было решил, что он в наших руках. А Кеттеринг — это меня едва ли удовлетворит.

Месье Карре почесал кончик носа.

— Если здесь что-то не так, — с сожалением сказал он, — будет ужасно. Месье Кеттеринг — аристократ. В газетах появятся заметки. Если мы ошибаемся... — Он поежился.

— Теперь о драгоценностях, — сказал комиссар. — Как вы думаете, что он сделал с ними?

— Он взял их, конечно, для отвода глаз, — ответил месье Карре. — Скорее всего, они доставляют ему неудобства, ему трудно от них избавиться.

Пуаро улыбнулся.

— Насчет драгоценностей у меня есть идея. Скажите мне, месье, что вы знаете о так называемом Маркизе?

Комиссар взволнованно подался вперед.

— Маркиз! Тот самый Маркиз? Вы думаете, он замешан в этом деле, месье Пуаро?

— Я спросил, что вы знаете о нем.

Комиссар сделал выразительную гримасу.

— Не так много, как хотелось бы, — с сожалением произнес он. — Он работает за сценой, понимаете? Мелкие сошки выполняют за него всю грязную работу. А сам он... Птица высокого полета. Это нам достоверно известно.

— Он француз?

— Д-да... То есть мы так думаем. Но не уверены. Он орудовал во Франции, в Англии, в Америке. Прошлой осенью в Швейцарии была серия грабежей, следы которых, похоже, ведут к нему. Во всех преступлениях он фигурирует как *grand selneur*^[49], свободно говорящий по-английски и по-французски, и его происхождение остается загадкой.

Пуаро кивнул и встал, собираясь уходить.

— Вам больше нечего добавить, месье Пуаро? — поинтересовался комиссар.

— В данный момент нет. Но возможно, в отеле меня ожидают новости.

Месье Карре нерешительно посмотрел на него.

— Если Маркиз связан с этим делом... — Он остановился.

— Это опрокидывает нашу версию, — закончил месье Кау.

— Но не опрокидывает мою, — сказал Пуаро. — Напротив, прекрасно согласуется с ней. До встречи, месье, если я узнаю что-нибудь важное, то немедленно извещу вас.

Он вернулся в отель мрачный. Пока он отсутствовал, пришла телеграмма.

Пуаро вскрыл ее ножом для бумаг, извлеченным из кармана. Телеграмма была длинная, и он дважды перечитал ее, а затем засунул в карман.

Наверху его уже ожидал Жорж.

— Я очень устал, Жорж, не могли бы вы заказать мне чашку горячего шоколада?

Шоколад был заказан и принесен, и Жорж аккуратно поставил его на маленький столик, за который уселся Пуаро. Когда Жорж собрался уходить, Пуаро спросил его:

— Полагаю, Жорж, вы хорошо знаете английскую аристократию?

— Думаю, что могу согласиться с вами, сэр. — Жорж самодовольно улыбнулся.

— Не считаете ли вы, Жорж, что преступники, как правило, принадлежат к низшим слоям общества?

— Не всегда, сэр. Я помню, какие неприятности были с младшим сыном графа Девайза. Он кое-как закончил Итон, а потом... Короче, полиция не признала, что он клептоман. Очень умный молодой человек, сэр, но пороки его одолели, надеюсь, вы понимаете меня, сэр. Граф отправил его в Австралию, и я слышал, что он живет там под чужим именем. Странно, сэр, но это так. Причем стоит ли говорить, что молодой человек материально совершенно не нуждался.

Пуаро медленно кивал головой.

— Страсть к приключениям, — пробормотал он, — и легкий сдвиг в голове. Но удивительно...

Он вынул из кармана телеграмму и снова прочитал ее.

— Еще я помню дочь леди Мэри Фоке, — продолжал вспоминать слуга. Иногда обманывала лавочников. Позор для хороших семей, если так можно выразиться! Я могу вспомнить еще несколько похожих случаев.

— У вас богатый опыт, Жорж, — пробормотал Пуаро. — Я часто недоумеваю, как это вы, состоя на службе у титулованных особ, согласились работать у меня. Я отношу это только за счет любви к приключениям.

— Не совсем, сэр, — возразил Жорж. — Я как-то прочитал в «Сосаети снайпере», что вы были приняты в Бекингемском дворце. В

то время я как раз подыскивал новую службу. Говорят, Его Величество был очень любезен с вами и высоко оценил ваши заслуги.

— Ах! — воскликнул Пуаро. — Все-таки знать об истинных причинах вещей очень интересно!

Он задумался, а потом спросил:

— Вы позвонили мадемуазель Папаполоус?

— Да, сэр. Она и ее отец будут счастливы пообедать с вами сегодня.

— Хм, — глубокомысленно проговорил Пуаро. Он допил шоколад и аккуратно поставил чашечку и молочник на середину подноса. Потом тихо сказал, скорее себе, чем слуге:

— Белка, мой дорогой Жорж, собирает орехи осенью, а съедает зимой. Люди, Жорж, должны учиться у своих меньших братьев. Я всегда так делаю. Я был котом, караулящим у мышиной норы. Я был псом, идущим по следу и не сбивающимся с него. И также, мой дорогой Жорж, я был белкой. Я откладывал маленькие факты. Теперь я разгребаю свои запасы и вынимаю один орешек, орешек, который я отложил дайте вспомнить — семнадцать лет тому назад. Вы понимаете меня, Жорж?

— Никогда бы не подумал, сэр, — ответил Жорж, — что орехи так долго не портятся, а вот вино от долгого хранения становится восхитительным.

Пуаро с улыбкой выслушал его.

Глава 28

Пуаро играет в белку

На приготовления к обеду Пуаро выделил всего четверть часа. Тому были причины. Сначала он поехал на виллу леди Темплин, где попросил вызвать мисс Грей. Она переодевалась, и Пуаро попросили подождать ее в маленьком салоне, куда минуты через три вошла Ленокс Темплин.

— Катарин еще не совсем готова, — объяснила она. — Ей что-нибудь передать, или вы дождетесь ее?

Пуаро задумчиво посмотрел на нее. Несколько секунд он раздумывал, что ответить, будто речь шла о важном деле.

— Нет, — в конце концов сказал он. — Нет, не думаю, что мне необходимо видеть мадемуазель Катарин именно сейчас. Наверное, это даже лучше. Иногда такие вещи трудны.

На лице Ленокс отразилось удивление.

— У меня есть кое-какие новости, — продолжил Пуаро. — Вы, конечно, передадите своей подруге, что сегодня месье Кеттеринг арестован за убийство своей жены.

— Вы хотите, чтобы я сказала это Катарин? — спросила Ленокс, тяжело дыша, как после долгого бега.

Пуаро заметил, что ее лицо побледнело и напряглось.

— Если угодно, мадемуазель.

— Но почему? — спросила Ленокс. — Вы думаете, она огорчится? Думаете, это ее волнует?

— Не знаю, мадемуазель, и честно в этом сознаюсь. Как правило, я знаю все, но в этом случае... нет. Наверное, вы знаете больше, чем я.

— Да, — произнесла Ленокс, — но могу сказать о себе то же, что и вы.

Немного помолчав и нахмурившись, она порывисто спросила:

— Вы верите, что он сделал это?

Пуаро пожал плечами:

— Так считает полиция.

— Вы уклоняетесь от ответа. Вы что-то скрываете. — Она снова замолчала и склонила голову.

— Вы ведь давно знаете Дерек, правда?

— С самого детства, — сокрушенно ответила Ленокс.

Пуаро несколько раз молча кивнул головой.

С обычной своей бесцеремонностью Ленокс выдвинула стул, уселась и, поставив локти на стол, а подбородок уперев в ладони, уставилась прямо на Пуаро.

— Что ему предъявляют? — требовательно спросила она. — Какие мотивы, я хочу сказать. Наверное, то, что он получил много денег после ее смерти?

— Он получил два миллиона.

— А если бы она не умерла, он был бы разорен?

— Да.

— Но должно быть нечто большее, чем мотив, — возразила Ленокс. — Он ехал тем же поездом, я знаю, но и этого недостаточно.

— В купе мадам Кеттеринг был найден портсигар с буквой «К», который не принадлежал ей. Кроме того, два человека видели, как он входил и выходил из ее купе незадолго до прибытия поезда в Лион.

— Какие люди?

— Ваша подруга мисс Грей одна из них. Другая — мадемуазель Мирель, танцовщица.

— А он, Дерек, что он сказал на это? — взволнованно допытывалась Ленокс.

— Он вообще отрицает, что входил в купе своей жены, — сказал Пуаро.

— Дурак! — насупившись, проговорила Ленокс. — Значит, прямо перед Лионом, говорите? А известно, когда она... когда она умерла?

— Медицинское освидетельствование не может быть абсолютно точным, ответил Пуаро, — но медики склонны утверждать, что скорей всего смерть наступила до Лиона. Кроме того, известно, что вскоре после того, как поезд отправился из Лиона, миссис Кеттеринг была уже мертва.

— Откуда вы это знаете?

Пуаро загадочно улыбнулся про себя.

— Некто вошел в ее купе и обнаружил, что она мертва.

— И этот человек никого не разбудил?

— Нет.

— Почему?

— Без сомнения, он имел на то свои причины.

Ленокс пристально посмотрела на него.

— Вы знаете их?

— Надеюсь, что да.

Ленокс сидела, переваривая услышанное. Пуаро молча наблюдал за ней.

Наконец она подняла взгляд. Ее щеки порозовели, а глаза сияли.

— Вы думаете, ее убил кто-то, кто ехал этим же поездом, но ведь это совсем не обязательно. А разве трудно было сесть в поезд в Лионе? Они могли войти в купе, задушить ее, взять рубины и незаметно выйти. Она могла быть убита, пока поезд стоял в Лионе. Поэтому она могла быть живой, когда Дерек вышел из купе, и мертвой, когда кто-то другой вошел туда.

Пуаро откинулся на спинку стула и присвистнул.

Посмотрел на девушку и три раза кивнул головой, затем опять вздохнул.

— Мадемуазель, — произнес он, — то, что вы только что сказали, очень похоже на правду. Я блуждал во тьме, а вы показали мне свет. Был один пункт, который не давал мне покоя, но вы все прояснили.

Он встал.

— А Дерек? — спросила Ленокс.

— Кто знает? — Пуаро пожал плечами. — Признаюсь вам кое в чем, мадемуазель. Я недоволен. Нет! Я, Эркюль Пуаро, пока недоволен. И быть может, именно в этот самый вечер я узнаю нечто большее. В конце концов попытаюсь.

— Вы с кем-то встречаетесь?

— Да.

— С кем-то, кто что-то знает?

— С кем-то, кто что-то знает. В таких делах ни один камень нельзя оставлять не перевернутым. До свидания, мадемуазель.

Ленокс проводила его до двери.

— Я... я помогла? — спросила она.

Лицо Пуаро потеплело, когда он посмотрел на нее.

— Да, мадемуазель, помогли. Если вам будет совсем плохо, вспоминайте это.

Когда автомобиль тронулся, у Пуаро был самый что ни на есть отсутствующий вид, однако в глазах поблескивали зеленые огоньки,

которые всегда означали предвкушение триумфа.

Он опоздал на несколько минут и обнаружил, что Папаполоус с дочерью уже приехал. Он рассыпался в извинениях, сопровождая их самыми вычурными метафорами. Папаполоус в этот вечер выглядел особенно величественно, всем своим видом как бы показывая, насколько безупречна и достойна его жизнь.

Зия блистала красотой и была в хорошем расположении духа. Меню было составлено с большим вкусом, и вино было отменным. Пуаро находился в хорошей форме. В основном говорил он, рассказывал анекдоты, шутил, расточал изящные комплименты Зие, поведал о множестве любопытных случаев из своей практики.

Ближе к концу обеда Папаполоус вежливо поинтересовался:

— Ну, как тропинка, что я указал? Вы не спугнули лошадку?

— Я связываюсь с... моим букмекером, — ответил Пуаро.

Они посмотрели друг на друга.

— Известная лошадка?

— Нет, наши друзья англичане называют таких темными.

— Ага, — задумчиво проговорил Папаполоус.

— Теперь мы можем пойти в казино и попытать счастья за рулеткой, беспечно предложил Пуаро.

В казино компания разделилась. Пуаро целиком отдал себя в распоряжение Зии, а Папаполоус предпочел удалиться.

Пуаро не везло, но Зия сразу начала выигрывать и выиграла несколько тысяч франков.

— Пожалуй, будет лучше, — заметила она, — если я остановлюсь.

Глаза Пуаро блеснули.

— Великолепно! — воскликнул он. — Вы истинная дочь своего отца, мадемуазель Зия. Знать, когда остановиться! О, это искусство!

Он огляделся вокруг.

— Нигде не вижу вашего отца, — беззаботно проговорил он. — Я принесу вашу одежду, мадемуазель, и мы прогуляемся по парку.

Однако он не пошел прямо в гардероб. Он успел заметить, в каком направлении ушел месье Папаполоус, и сейчас искал его. В вестибюле он увидел грека, который стоял у колонны, разговаривая с дамой. Это была Мирель.

Пуаро с невинным видом продефилировал по вестибюлю и как бы случайно зашел за колонну, у которой стоял грек с танцовщицей; они были настолько поглощены разговором, что не заметили маленького человека. Разговор их носил весьма оживленный характер.

Вернее, говорила в основном Мирель, а Папаполоус лишь изредка вставлял реплики или делал выразительные жесты.

— Я же говорю вам, мне нужно время, — убеждала танцовщица. — Дайте мне время, и я принесу вам деньги.

— Ждать, — пожал плечами грек, — это ужасно.

— Совсем немного, — уговаривала его собеседница. — Ах, вы должны! Я прошу дать мне всего одну неделю, ну десять дней. Не сомневайтесь! Деньги будут.

Папаполоус немного отошел от колонны и нос к носу столкнулся с Пуаро, который сделал вид, что только появился здесь.

— Ah! vous voilà^[50], месье Папаполоус. Я вас искал. Можно я пройдуь немного по парку с мадемуазель Зией? О, добрый вечер, мадемуазель. — Он поклонился Мирель. — Тысяча извинений, что я не сразу заметил вас.

Танцовщица равнодушно приняла его приветствие.

Она была явно недовольна вмешательством в их tete-a-tete^[51]. Пуаро быстро понял намек. Папаполоус успел только пробормотать: «Разумеется, разумеется», как, Пуаро уже испарился.

Он подал Зие одежду, и они вышли в парк.

— В таких местах обычно кончают с собой, — заметила Зия.

Пуаро пожал плечами.

— Возможно. Мужчины глупы, не так ли. мадемуазель? Есть, пить, дышать свежим воздухом — это замечательно, мадемуазель. И только глупец расстанется со всем этим лишь потому, что у него нет денег, или потому, что его сердце разбито. L'amour^[52] порой фатальна, не так ли?

Зия засмеялась.

— О, не смейтесь над любовью, мадемуазель. — Пуаро энергично погрозил ей пальцем. — Вы так молоды и красивы.

— Не так, — возразила Зия. — Вы забыли, что мне уже тридцать три. Как вы сказали моему отцу, с тех пор как вы помогли нам в Париже, прошло Семнадцать лет.

— Когда я смотрю на вас, мне кажется, что гораздо меньше, — галантно заявил Пуаро. — Вы тогда были почти такая же, как теперь, мадемуазель. Немного тоньше, немного бледнее, немного серьезнее. Вам было шестнадцать лет, и вы приехали из своего pension^[53]. Вы приехали оттуда не маленькой penslonnaire^[54], но взрослой женщиной. Вы были прелестны, обаятельны, мадемуазель Зия. И я уверен, что так к вам относились все.

— В шестнадцать люди обычно простодушны и глупы.

— Может быть, может быть. В шестнадцать люди доверчивы, не так ли? Они верят всему, что им говорят.

Если бы он заметил быстрый настороженный взгляд, который девушка бросила на него, то не стал бы произносить свою последнюю фразу. Но он продолжал мечтательно:

— Это был забавный случай, однако. Ваш отец, мадемуазель, так никогда и не узнал правды.

— Что?

— Когда он попросил рассказать, как все было, я ответил так: «Я вернул вам то, что вы потеряли. Больше ни о чем меня не спрашивайте». Знаете, мадемуазель, почему я так ответил ему?

— Не представляю, — холодно произнесла она.

— Потому, что в моем сердце жила маленькая pensionnaire, такая бледная, такая худенькая, такая серьезная.

— Не понимаю, о чем вы говорите! — рассерженно воскликнула Зия.

— Не понимаете, мадемуазель? Неужели вы забыли Антонио Переццо? — Пуаро услышал легкий взглас, который сорвался с ее губ. — Он пришел работать помощником в магазин. Но не в этом была цель его прихода. Может помощник поднять глаза на дочь хозяина или нет? Особенно если он красив, молод, сладкоречив. Но не могли же они заниматься любовью постоянно, поэтому время от времени они разговаривали, разговаривали о том, что интересовало обоих, а их очень интересовало то, что находилось на хранении у месье Папаполоуса. И, как вы правильно заметили, мадемуазель, молодые люди глупы и доверчивы, поэтому она сразу поверила ему и описала, как выглядит эта вещь, и даже показала, где она хранится. Когда это произошло, случилась невероятная катастрофа.

Господи! Бедная маленькая penslonnaire! В каком ужасном положении оказалась она. Она испугалась, несчастная малышка. Сказать или не говорить? И вдруг появляется этот потрясающий парень, Эркюль Пуаро.

Это было почти как чудо. Все устроилось само собой. Бесценное сокровище вернулось, и никаких ужасных вопросов задано не было.

Зия с гневом смотрела на него.

— Вы знали об этом все это время? Кто вам рассказал? Это был... Это был Антонио?

Пуаро покачал головой.

— Никто ничего мне не рассказывал, — спокойно произнес он. — Я догадался. Это была хорошая догадка, правда, мадемуазель? Видите, если вы умеете догадываться, не обязательно быть детективом.

Девушка продолжала идти рядом с ним молча.

Потом она глухо вымолвила:

— И что вы собираетесь делать с этой историей? Вы хотите рассказать ее моему отцу?

— Нет, — быстро произнес Пуаро, — конечно, нет.

Она вопросительно посмотрела на него.

— Вы что-нибудь хотите от меня?

— Я хочу, чтобы вы помогли мне, мадемуазель.

— Почему вы решили, что я могу вам помочь?

— Я не решил, я всего лишь надеюсь.

— И если я вам не помогу, то вы все расскажете отцу?

— Ну что вы, что вы! Расстаньтесь с этой идеей, мадемуазель. Я не шантажист. Я не торгую ничьими тайнами.

— Если я откажусь помочь вам... — начала она тихо.

— Значит, вы откажетесь, вот и все.

— Но почему?.. — Она запнулась.

— Слушайте, и я расскажу вам почему. Женщины, мадемуазель, великодушны. Если они могут оказать услугу тому, кто оказал услугу им, они делают это. Однажды я оказал вам услугу, мадемуазель. Мне было что рассказать, но я прикусил свой язык.

Снова наступила тишина, затем девушка сказала:

— Мой отец уже намекнул вам в тот день...

— Это было очень любезно с его стороны.

— Не думаю, — тихо сказала Зия, — что я могу к этому добавить что-нибудь.

Если Пуаро и был разочарован, он не показал этого.

Ни один мускул не дрогнул на его лице.

— Eh blent — задумчиво произнес он. — Поговорим на другие темы.

И он продолжал прогулку так, словно ничего не произошло. Однако девушка была *distracte*^[55], механически и невпопад отвечала ему. Когда они приблизились к казино, она, кажется, приняла какое-то решение.

— Месье Пуаро?

— Да, мадемуазель?

— Я хотела бы помочь вам...

— Вы очень великодушны, мадемуазель, очень великодушны.

Снова наступило молчание. Пуаро не торопил ее.

Он готов был ждать.

— А, ладно! — решила наконец Зия. — В конце концов, почему я не имею права рассказать? Мой отец всегда недоговаривает, с кем бы он ни говорил. Но я знаю, что сейчас в этом нет необходимости. Вы сказали, что ищете только убийцу и не занимаетесь драгоценностями. Я вам верю. Вы были правы, предположив, что мы приехали в Ниццу из-за этих рубинов. Нам их передали, согласно договоренности. Сейчас они у отца. Он намекнул тогда на нашего таинственного клиента.

— На Маркиза? — чуть слышно спросил Пуаро.

— Да, на Маркиза.

— Вы видели его, мадемуазель Зия?

— Однажды, — ответила девушка. — Но не очень хорошо, — добавила она. — Я смотрела через замочную скважину.

— Это всегда трудно, — сочувственно произнес Пуаро. — Но все равно вы видели его. Вы бы узнали его?

Она покачала головой.

— Он был в маске.

— Он молодой или старый?

— У него седые волосы. Может, это был парик, а может, нет. Казалось, что его голова немного крупнее, чем должна быть. Но не думаю, что он стар. Походка у него была молодая, и голос тоже.

— Голос? — задумчиво переспросил Пуаро. — Ах, голос! Его бы вы узнали, мадемуазель Зия?

— Думаю, да!

— Вы им интересовались, да? Поэтому и использовали замочную скважину?

Зия кивнула.

— Да, мне было любопытно, ведь о нем так много говорят! Он не обыкновенный вор, он больше похож на героя романа.

— Да, — глубокомысленно изрек Пуаро, — наверное, так и есть.

— Но я хотела сказать не это, — продолжала Зия. — Я думала, вам будет интересно узнать кое-что другое, что может вам пригодиться.

— Да? — поощрительно произнес Пуаро.

— Рубины, как я сказала, были переданы моему отцу здесь, в Ницце. Я не видела, кто их передавал, но...

— Да?

— Я знаю одно: это была женщина.

Глава 29

Письмо из дома

«Дорогая Катарин, живя среди титулованных особ, ты, наверное, забыла нас, но я всегда знала, что ты чувствительная девушка с добрым сердцем, надеюсь, такой ты и осталась. У нас все по-старому.

Много тревог доставил новый кюре: он чудовищно высокомерен. С моей точки зрения, он не больше не меньше как римлянин. Все говорили об этом викарию, но ты знаешь нашего викария, в нем живет дух истинного христианского милосердия. В последнее время я намучилась с прислугой. Эта Элен просто непристойна: носит юбки выше колен и не признает шерстяных чулок. И совершенно не слушает, когда ей об этом говорят. Еще меня очень беспокоил ревматизм. Доктор Харрисон посоветовал обратиться к лондонскому специалисту... Потратить три гинеи и трястись в поезде, так я сказала ему.

Но я все же поехала. Лондонский врач вытянул свою физиономию и долго юлил, пока я прямо не спросила его; «Я женщина прямая, доктор, не тяните резину, ответьте прямо — у меня рак?» Тогда он вынужден был ответить: да.

Он сказал, что при хорошем уходе я протяну год и сильных болей не будет. А я уверена, что у меня будут такие же боли, как у любой христианки. Жизнь становится скучной, когда почти все друзья умирают. Но мне бы хотелось, чтобы ты была в. Сент Мэри Мед, моя дорогая. Если бы ты не получила наследства и не приобщилась к высшему обществу, я бы положила тебе жалование, вдвое большее, чем бедная Джейн, чтобы ты ухаживала за мной...

Но что толку желать невозможного! Если у тебя будет что-то не так, а это вполне вероятно... Я слышала сотни историй про титулованных господ, которые женились на богатых девушках, а потом эти девушки оказывались на церковной паперти. Я не хочу сказать, что нечто подобное может случиться именно с тобой, но никто не знает, что с ним случится. В общем, на всякий случай, моя дорогая, знай, что у тебя есть дом, где тебя любят. И хотя я женщина прямая, но сердце у меня доброе. Любящая тебя Амалия Винер.

P.S. Я видела в газете заметку и фотографию, где ты стоишь рядом с кузиной леди Темплин, я ее вырезала и положила вместе с другими вырезками.

Я молилась о тебе в воскресенье, чтобы Господь уберег тебя от суетности и гордыни».

Катарин, прочитав выразительную эпистолау дважды, отложила ее и устремила задумчивый взор на голубые волны Средиземного моря. Она почувствовала комок в горле. Внезапная тоска по Сент Мэри Мед охватила ее.

Тоска по каждодневным, глупым мелочам, по дому.

Ей страстно захотелось спрятать лицо в ладони и зарыдать.

Спасла ее Ленокс.

— Хэлло, Катарин! Что случилось?

— Ничего. — Катарин сложила письмо и засунула его в сумочку.

— Ты выглядишь расстроенной. Надеюсь, ничего, что я позвонила твоему другу месье Пуаро и пригласила его на ленч в Ниццу? Я сказала, что ты хочешь видеть его, я подумала, что только из-за меня он не придет.

— Значит, ты хочешь его видеть?

— Да, — ответила Ленокс, — я просто схожу по нему с ума. Никогда не встречала мужчину с кошачьими глазами.

— Хорошо, — вяло произнесла Катарин. Она устала за последние дни. Арест Дерека Кеттеринга стал новым гвоздем сезона, и случившееся в Голубом поезде обсуждалось на каждом углу.

— Я заказала машину, — сказала Ленокс. — Наврала матери, не помню что именно, но это не важно: она тоже все забывает. Если она узнает, куда мы собираемся, обязательно увяжется с нами, чтобы помучить месье Пуаро.

Приехав в «Негреско», девушки увидели Пуаро, который уже ожидал их. Он был полон галицийской любезности и расточал девушкам такие комплименты, что они умирали от смеха, однако в общем ленч прошел невесело. Катарин была вялой и рассеянной, а Ленокс то раздражалась бурным монологом, то надолго замолкала. Когда они пили кофе на террасе, Ленокс вдруг не выдержала:

— Как идут дела? Вы знаете, что я имею в виду.

— Дела идут своим чередом. — Пуаро пожал плечами. Он немного грустно посмотрел на Ленокс. — Вы молоды, мадемуазель, но три вещи нельзя торопить: le bon Dieu^[56], природу и старых людей.

— Чушь! Вы не старый.

— Как мило, что вы так говорите.

— Здесь майор Найтон, — сказала Ленокс.

Катарин быстро оглянулась.

— Он с мистером Ван Алдином, — продолжала Ленокс. — Хочу его кое о чем спросить. Скоро вернусь.

Оставшись один на один с Катарин, Пуаро прошептал:

— Вы рассеянны, мадемуазель, ваши мысли витают далеко отсюда, правда?

— Не далее Англии. — Повинуясь безотчетному чувству, она вынула из сумочки полученное утром письмо и передала его Пуаро. — Первая весточка из моей прошлой жизни.

Он с серьезным выражением лица прочитал письмо и вернул его Катарин.

— Вы возвращаетесь в Сент Мэри Мед?

— Нет. Зачем?

— Ах! Значит, я ошибся. Простите, я оставлю вас на минутку.

Он направился к Ленокс Темплин, Ван Алдину и Найтону. Американец выглядел усталым и постаревшим. Он только вежливо кивнул Пуаро, не оказывая ему иных знаков внимания. Когда Ван Алдин начал отвечать на какой-то вопрос Ленокс, Пуаро отвел Найтона в сторону.

— Мистер Ван Алдин плохо выглядит, — заметил он.

— Это вас удивляет? — спросил Найтон. — Скандал, связанный с арестом Дерекета Кеттеринга, совершенно выбил его из колеи. Он жалеет, что связался с вами и попросил узнать правду.

— Ему лучше вернуться в Англию, — сказал Пуаро.

— Мы выезжаем послезавтра.

— Это хорошие новости. — Пуаро немного помолчал, глядя на Катарин. — Я хотел бы, — пробормотал он, — чтобы вы сказали об этом мисс Грей.

— О чем?

— О том, что Ван Алдин возвращается в Англию.

Слегка озадаченный, Найтон неуверенно пошел в сторону Катарин.

Пуаро удовлетворенно кивнул головой и обратился к Ленокс и американцу.

Потом они все подошли к Катарин, и после трехминутного разговора миллионер и его секретарь удалились. Пуаро тоже собрался уходить.

— Весьма благодарен за ваше приглашение, мадемуазель! — воскликнул он.

— Это был очаровательный ленч. Ma foi^[57], мне это было необходимо. — Он выпятил грудь. — Теперь я лев, я великан! Ах, мадемуазель Катарин, вы не знаете, каким я могу быть. Вы видели спокойного, тихого Эркюля Пуаро, но есть и другой Эркюль Пуаро. Теперь я пойду в наступление, буду грозен, буду вселять ужас в сердца тех, кто не слушает меня.

Он самодовольно посмотрел на них, и они изобразили огромное впечатление, которое должны были произвести его слова, хотя Ленокс кусала губы, а уголки губ Катарин дрожали: девушкам трудно было удержаться от смеха.

— Я сделаю это, — мрачно закончил он. — И я одержу победу.

Он прошел несколько шагов и услышал голос Катарин.

— Месье Пуаро, я... я хочу вам сказать: думаю, вы совершенно правы, и я возвращаюсь в Англию.

Пуаро очень внимательно посмотрел на нее, так внимательно, что она покраснела.

— Понимаю, — мрачно произнес он.

— Не думаю, что понимаете, месье, — возразила Катарин.

— Я знаю больше, чем вы думаете, мадемуазель, — спокойно парировал он.

Пуаро ушел с загадочной улыбкой на лице. Усевшись в автомобиль, он взял курс на виллу «Марина».

Ипполит, слуга графа де ла Роше, был занят протиранием стекла на письменном столе своего хозяина. Сам граф де ла Роше уехал в Монте-Карло.

Случайно выглянув в окно, Ипполит увидел незнакомого человека, бодро направлявшегося к входной двери. Его облик был столь необычен, что даже такой опытный человек, как Ипполит, не мог

бы предположить род его занятий. Позвав с кухни свою жену Мари, он обратил ее внимание на этого, как он выразился, «типа».

— Может, это опять полиция? — испуганно спросила Мари.

— Сама взгляни.

Мари взглянула.

— Конечно, не полиция, — объявила она, — слава Богу.

— Если бы месье граф не предупредил меня, — сказал Ипполит, — я бы ни за что не подумал, что этот человек, похожий на торговца вином, есть тот, кто он есть.

Раздался звонок, и Ипполит медленно и важно пошел открывать.

— Сожалею, но месье графа нет дома, — сказал он визитеру.

Маленький человечек с огромными усами безмятежно отмахнулся.

— Знаю! Вы Ипполит Флавель, не так ли?

— Да, месье, именно так меня зовут.

— И у вас есть жена Мари Флавель?

— Да, месье, но...

— Я хотел видеть вас обоих. — Человечек проследовал в холл мимо Ипполита. — Ваша жена, конечно, на кухне, — сказал он. — Я пойду туда.

Пока Ипполит собирался открыть рот, гость безошибочно нашел нужную дверь в глубине холла и направился по коридору на кухню, где на него уставилась ошеломленная Мари.

— Volla! — Гость плюхнулся в соломенное кресло. — Я Эркюль Пуаро.

— Да, месье?

— Вы не слышали это имя?

— Никогда не слышал его, — ответил Ипполит.

— Позвольте заметить, вы получили неважное образование. Это одно из величайших в мире имен. — Пуаро вздохнул и сложил руки на животе.

Ипполит и Мари в недоумении уставились на него.

Они не понимали, чего хочет от них неожиданный визитер.

— Месье хочет... — пробормотал Ипполит.

— Я хотел бы знать, почему вы солгали полиции.

— Месье! — воскликнул Ипполит. — Я... я солгал полиции? Я никогда не делал ничего подобного.

— Вы ошибаетесь. — Пуаро помотал головой. — Вы сделали это несколько раз. Сейчас, дайте мне вспомнить. — Он вынул из кармана маленький блокнот и заглянул в него. — Да, да, семь раз вы солгали только за последнее время. Я объясню вам в чем.

Спокойно, бесстрастно он перечислил все случаи лжи.

Ипполит был ошеломлен.

— Но речь не об этом, — продолжал Пуаро. — Только, мои дорогие, не думайте, что вы одни такие умные. Меня интересует одна конкретная ложь, а именно — ваше утверждение, что граф де ла Роше приехал на виллу утром четырнадцатого января.

— Но это не ложь, месье, это правда. Месье граф приехал сюда утром четырнадцатого, это был вторник, да, Мари?

Мари энергично закивала.

— Да, да, вот именно. Я точно это помню.

— О, — произнес Пуаро, — и что же вы в тот день приготовили для своего прекрасного хозяина на *dejeuner*^[58].

— Я? — Мари замялась.

— Странно! — заметил Пуаро. — Почему так: люди помнят одно и совершенно забывают другое.

Он подался вперед и стукнул кулаком по столу. Его глаза засверкали.

— Да, да, да! Слушайте меня! Вы солгали и думаете, что никто об этом не знает. Но есть двое, которые знают. Да, двое. Один — *le bon Dieu*... — Он поднял руку к небесам, снова плюхнулся в кресло, самодовольно сощурился и удовлетворенно пробормотал: — И другой — Эркюль Пуаро.

— Уверю вас, месье, вы ошибаетесь. Месье граф де ла Роше уехал из Парижа в понедельник ночью...

— Да, это так. Курьерским поездом. Я не знаю, прерывал ли он свое путешествие. Может, и вы не знаете. Но одно я знаю точно: сюда он приехал в среду, а не во вторник утром.

— Месье ошибается, — твердо сказала Мари, Пуаро встал.

— Тогда свое слово скажет закон, — пробормотал он. — Очень жаль.

— Что вы имеете в виду, месье? — испуганно спросила Мари, — Вы будете арестованы за соучастие в убийстве миссис Кеттеринг, английской леди.

— Убийстве?

Ипполит побледнел и задрожал, Мари выронила скалку и заплакала.

— Но это невозможно, невозможно, я думала...

— Раз вы настаиваете на своей лжи, о чем говорить? Думаю, вы оба болваны.

Он повернулся и пошел к двери, но его остановил вопль.

— Месье, месье, один момент. Я не представлял, что тут такие дела. Я... я думал, это просто связано с женщиной. У нас уже были небольшие неприятности с полицией из-за этого. Но убийство — совсем другое дело.

— Мое терпение на исходе, — рассерженно воскликнул Пуаро. Он повернулся и указал пальцем на Ипполита. — Весь день я тут торчу, стараясь, чтобы до вас, глупцов, хоть что-то дошло. Я хочу правды. Если вы не скажете ее мне, ваше дело. Итак, последний раз. Когда месье граф де ла Роше приехал на виллу «Марина» — во вторник утром или в среду утром?

— В среду, — всхлипнул слуга, и Мари закивала головой за его спиной.

Пуаро несколько мгновений смотрел на них, затем медленно поднял голову.

— Вы мудры, дети мои, — спокойно произнес он. — Вы были на волоске от серьезных неприятностей.

Он покинул виллу «Марина» улыбаясь.

— Одно предположение подтвердилось, — пробормотал он. — Может, удастся подтвердить и другое?

Было шесть часов, когда визитную карточку месье Пуаро передали Мирель.

Она немного подумала, глядя на нее, а потом утвердительно кивнула. Когда Пуаро вошел, она в ярости носилась по комнате.

— Ну? — воскликнула она, останавливаясь. — Ну? Что еще? Вы меня еще не совсем доканали? Разве вы не заставили меня предать моего бедного Дерека? Чего еще вы хотите от меня?

— Один-единственный вопросик, мадемуазель. Когда поезд отъехал от Лиона и вы вошли в купе миссис Кеттеринг...

— Что?

Пуаро посмотрел на нее с отеческим упреком и начал снова:

— Я сказал, когда вы вошли в купе миссис Кеттеринг...

— Я туда не входила.

— И увидели, что...

— Я туда не входила.

— Ah, sacre!^[59]

Он приблизился к ней, схватил за плечи и так яростно затряс, что она откинулась назад.

— Вы будете мне лгать? Я расскажу вам, как все произошло, да так, словно я сам там был, И вы это знаете. Врать мне — опасное занятие. Будьте осторожны, мадемуазель Мирель.

Она отвела глаза.

— Я... я не... — начала она неуверенно. — Я не... — Она запнулась.

— Меня интересует только одно, — сказал Пуаро. — Меня интересует, мадемуазель, вот что. Либо вы нашли то, что искали, либо...

— Либо что?

— Либо кто-то другой был там до вас.

— Я больше не отвечу ни на один ваш вопрос, — провизжала танцовщица, вырвалась из цепких рук Пуаро, повалилась на пол и забилась в истерике.

Вбежала испуганная служанка.

Эркюль Пуаро пожал плечами, поднял брови и спокойно вышел из комнаты. Он был доволен.

Глава 30

Мисс Винер делает вывод

Катарин посмотрела в окно спальни мисс Винер. Шел дождь, несильный, но мелкий и монотонный. Из окна был виден сад: ухоженные клумбы вдоль дорожек, на которых весной расцветут розы, тюльпаны, гиацинты.

Мисс Винер возлежала на огромной викторианской кровати. Остатки завтрака были сдвинуты на край маленького столика. Она была погружена в распечатывание корреспонденции, сопровождая это занятие едкими комментариями.

Катарин читала письмо, обратный адрес которого был означен как парижский отель «Риц».

«Дорогая мадемуазель Катарин! Я надеюсь, что вы пребываете в добром здравии и возвращение в английскую зиму не очень плохо подействовало на вас. Что касается меня, то я продолжаю свое расследование с неослабевающим усердием. Не думайте, что я здесь отдыхаю. Вскоре приеду в Англию и надеюсь иметь удовольствие видеть вас. Мы встретимся, не так ли? По приезде в Англию напишу вам. Вы не забыли, что мы коллеги в этом деле?

Надеюсь, вы хорошо помните это. Примите мои заверения, мадемуазель, в искренней и глубокой преданности.

Эркюль Пуаро».

Катарин озадаченно сдвинула брови. Что-то в этом письме заинтриговало ее.

— Этих Томми Сандерса и Алберта Дюкса из хора мальчиков нельзя брать на пикник, — вещала мисс Винер. — Пока их не исключат, я не пожертвую ни пенни. Они такое вытворяют на воскресных службах! Томми споев: «О, Бог, скорее спаси нас» — и больше рта не открывает, и я буду не я, если Алберт Дюкс не жуев резинку!

— Да, они ужасны, — согласилась Катарин.

Она распечатала второе письмо, и краска прихлынула к ее щекам. Голос мисс Винер зазвучал откуда-то издалека.

Когда Катарин пришла в себя, мисс Винер произносила длинную торжественную речь:

— Можешь относиться к этому как угодно. Для меня титулы ничего не значат. Жена викария или не жена викария, это не женщина, а кошка. Она намекает что ты купила свой путь в общество.

— Наверное, она недалеко от истины.

— Гляжу я на тебя, — продолжала мисс Винер, — ты совсем не изменилась. Разве ты вернулась важной дамой, к которой нельзя подступиться? Нет, ты такая же добрая и носишь те же толстые чулки и простые туфли. Только вчера я сказала об этом Элен. «Элен, — сказала я, — посмотри на мисс Грей. Она общалась с великими мира сего, но не носит, как ты, юбки выше колен, и шелковые чулки, что ползут, как только на них посмотришь, и самые смешные туфли, какие я только видела!»

Катарин мысленно улыбнулась. Мисс Винер была кремень, когда речь шла о ее предубеждениях. Старая леди продолжала с энтузиазмом:

— Для меня было большим облегчением увидеть, что ты не потеряла голову. Я как-то разбирала старые вырезки. Помню, было несколько про леди Темплин и ее военный госпиталь, а найти никак не могу. Может, ты посмотришь, дорогая, твои глаза острее моих. Все вырезки в бюро.

Катарин посмотрела на письмо, что держала в руках, хотела что-то сказать, но сдержалась и пошла к бюро.

Она сразу же нашла вырезки и стала их разбирать.

С тех пор как она вернулась в Сент Мэри Мед, она не переставала восхищаться мужеством мисс Винер.

Она понимала, как мало может сделать для старой женщины, но из опыта знала, как много это «мало» значит для старых людей.

— Вот, — наконец сказала она. — «Виконтесса Темплин, которая устроила на своей вилле в Ницце офицерский госпиталь, стала жертвой сенсационного ограбления. Ее драгоценности похищены. Среди них — один из старинных изумрудов, принадлежавших семье виконта Темплина».

— Эти дамы из высшего общества помешаны на драгоценностях, — заметила мисс Винер.

— А вот еще. Фотография: «Очаровательная леди Темплин со своей маленькой дочерью Ленокс».

— Дай взглянуть! Лица девочки почти не видно, правда? Но это хорошо, я думаю. В жизни случаются такие контрасты: красивые матери рожают уродливых детей. Конечно, фотограф понимал это, когда поставил девочку сзади — это было лучшее, что он мог сделать для нее.

Катарин засмеялась.

— Вот еще: «Одна из обаятельнейших посетительниц Ривьеры в этом сезоне — леди Темплин. Рядом — ее кузина мисс Грей, получившая огромное наследство».

— Именно эту я и хотела найти, — сказала мисс Винер. — Была еще одна твоя фотография из газеты, но я ее потеряла. Там было написано что-то вроде этого: «Мисс такая-то делает то-то и то-то». Для некоторых, наверное, большое испытание видеть, на кого они в действительности похожи.

Катарин промолчала. Она продолжала копаться в вырезках. Внезапно на ее лице появилось встревоженное и озадаченное выражение. Она вынула из конверта второе письмо и перечитала его.

— Мисс Винер! Один мой друг, с которым я познакомилась на Ривьере, хочет навестить меня.

— Мужчина? — строго спросила мисс Винер.

— Да.

— Кто он?

— Секретарь мистера Ван Алдина, американского миллионера.

— Как его зовут?

— Найтон. Майор Найтон.

— Хм... Секретарь миллионера... Хочет приехать сюда. Теперь, Катарин, послушай, что я тебе скажу ради твоей же пользы. Ты милая девушка, ты добрая девушка, ты сама знаешь, как надо поступать, но каждая женщина хоть раз в жизни, но бывает дурой. Десять против одного, что этот человек охотится за твоими деньгами.

Жестом отвергнув возражения Катарин, мисс Винер продолжала:

— Я ожидала чего-то в этом роде. Что такое секретарь миллионера? Десять к одному, это молодой человек, который любит

беззаботную жизнь. Молодой человек с хорошими манерами и любовью к роскоши, и, конечно, безмозглый и безынициативный, и если есть что-нибудь более подходящее для него, чем работа у миллионера, так это женитьба на богатой женщине. Я не говорю, что твой знакомый именно таков, я просто предполагаю. Ты не молода, и, хотя у тебя очень хорошая фигура, ты не красавица, и вот что я тебе скажу: не будь душой, но если уж ты решила ей быть, то пусть хотя бы деньги останутся записанными на тебя. Теперь я умолкаю. Что ты на это скажешь?

— Ничего! Вы не против, если он приедет сюда?

— Я умываю руки, я выполнила свой долг. Что бы ни случилось, отвечать будешь ты. Ты хочешь пригласить его на ленч или на обед? Пожалуй, Элен сможет состряпать приличный обед, если окончательно не потеряет головы.

— Думаю, что ленч предпочтительнее. Это очень любезно с вашей стороны, мисс Винер. Я позвоню ему и скажу, что мы рады пригласить его на ленч. Он приедет из города на машине.

— Элен неплохо готовит мясо в томатном соусе, — сказала мисс Винер. Нельзя сказать, что она делает это очень хорошо, но по крайней мере лучше, чем все остальное. Испечь торт она не сумеет: у нее тяжелая рука, и она не умеет сбивать крем, но ее воздушный пудинг действительно хорош. В кладовой ты найдешь славный кусок стилтона. Мне говорили, что джентльмены любят стилтон. И еще есть прекрасное вино, его делал мой отец.

— О нет, мисс Винер, это вовсе не обязательно.

— Ерунда, дитя мое. Ни один джентльмен не чувствует себя счастливым, если не выпьет чего-нибудь за едой. У меня есть также хорошее довоенное виски, если он предпочитает крепкие напитки. Делай, как я сказала, и не спорь. Ключ от винного погреба в третьем ящике платяного шкафа, с левой стороны.

Катарин послушно пошла к шкафу.

— Во втором ряду, — добавила мисс Винер. — В третьем ряду я храню бриллиантовые сережки и филигранную брошь.

— О! — удивленно воскликнула Катарин. — Почему вы не храните их в шкатулке для драгоценностей?

Мисс Винер фыркнула.

— Нет уж, спасибо, дорогая моя. Я помню, как отец приобрел сейф и поставил его на первом этаже. Он важничал из-за этого, как павлин. Сказал моей матери: «Теперь, Мэри, ты будешь давать мне свои драгоценности каждый вечер, и я буду запирать их сюда». Моя мать была очень тактичной женщиной, знала, что джентльмены всегда идут своей, дорогой, послушалась отца и отдавала ему свои драгоценности на ночь. Однажды пришли воры, и, естественно, первое, на что они набросились, был сейф. Наверное, потому что отец рассказал про него всей деревне.

Можно подумать, что там хранились все сокровища Соломона. Воры обчистили сейф полностью: взяли серебряные кубки, золотую тарелку, шкатулку с драгоценностями. — Она вздохнула, вспоминая. — Мой отец так гордился драгоценностями матери. Там были венецианская цепочка, и несколько прекрасных камней, и кораллы, и два бриллиантовых кольца, причем камни были довольно крупные. Отец был просто убит. И тогда мать сказала ему, что прятала свои драгоценности среди белья, и поэтому грабители не нашли их.

— Значит, шкатулка была пустой?

— О нет, дорогая. — ответила мисс Винер. — Тогда бы отец сразу все понял. Моя мать была очень мудрой женщиной, она все предусмотрела. В шкатулке были пуговицы, много пуговиц! Но самое забавное, мой отец обиделся на нее, сказал, что не любит, когда его обманывают. Но я отвлекла тебя. Ты должна позвонить своему другу! Сама выбери лучший кусок мяса и скажи Элен, чтобы она не показывалась за ленчем в дырявых чулках.

— Ее имя Элен или Хелен, мисс Винер?

Мисс Винер, закрыла глаза.

— Я умею произносить звук «х» так же, как и любой другой, моя дорогая, но Хелен — это неподходящее имя для прислуги. Я не знаю, о чем думают матери из низших слоев, когда дают дочерям такие имена.

Дождь кончился, когда Найтон подъехал к коттеджу. Катарин стояла в дверях, озаренная солнечным светом, льющим из окна за ее спиной. Найтон по-мальчишески быстро подошел к ней.

— Надеюсь, что не побеспокоил вас. Я просто хотел увидеть вас поскорее. Мисс Винер не против моего визита?

— Идите и познакомьтесь с ней, — ответила Катарин. — Она может быть довольно суровой, но вы быстро поймете, что это

добрейшее существо.

Мисс Винер величественно восседала в гостиной. Ее украшали семейные камеи, так кстати спасенные от грабителей. Найтона она приветствовала с церемонностью, которая могла бы погрузить в уныние любого мужчину. Однако Найтон обладал очаровательными манерами, против которых трудно устоять, и через десять минут мисс Винер оттаяла. Ленч удался, и Элен, или Хелен, в новой паре шелковых чулок сновала туда-сюда с удивительным проворством. Потом Катарин и Найтон вышли прогуляться, а вернувшись, пили чай *tete-a-tete*, а мисс Винер отдыхала у себя в спальне.

Проводив Найтона, Катарин, стараясь не шуметь, поднялась на второй этаж. Из спальни послышался голос мисс Винер.

— Твой друг уехал?

— Да, благодарю, что вы позволили пригласить его.

— Можешь не благодарить. Думаешь, я принадлежу к старым скрягам, которые никогда ничего ни для кого не делают?

— Я всегда думала, что вы славная, мисс Винер, — с чувством произнесла Катарин.

— Хм, — успокоенно пробормотала мисс Винер.

Когда Катарин собралась покинуть комнату, мисс Винер опять окликнула ее.

— Катарин?

— Да.

— Я была не права насчет этого молодого человека. Мужчина, когда ему надо, умеет быть искренним и галантным, он знает, какие знаки внимания надо оказывать, чтобы понравиться женщине. Но когда мужчина и правда любит, он выглядит как баран. Я беру назад свои слова. Это настоящее.

Глава 31

Ленч мистера Аарона

— Ах! — К такому выводу пришел Жозеф Аарон, сделав долгий глоток из пивной кружки. Он со вздохом поставил ее на стол, облизал пену с губ и подмигнул Пуаро, который сидел напротив него.

— Дайте мне хорошую отбивную и стакан чего-нибудь покрепче, и плевать я хотел на ваши тарталетки, омлеты и жульены. Дайте мне, — повторил он, свиную отбивную.

Пуаро понимающе улыбнулся.

— Пудинг — это тоже неплохо, — продолжал мистер Аарон. — Яблочный торт? Пожалуй, я съем яблочный торт! Благодарю вас, мисс, и принесите мне, пожалуйста, сливки.

Ленч продолжался. Наконец, сделав долгий вздох, мистер Аарон отложил приборы и принялся за сыр, готовясь перейти к разговору.

— Вы сказали, месье Пуаро, что у вас ко мне дельце? — просил он. — Если я смогу вам помочь, то буду счастлив сделать это.

— Это очень любезно с вашей стороны, — ответил Пуаро. — Я подумал: «Если ты хочешь понять профессию актера, знай, что никто не разбирается в этом лучше, чем твой друг Жозеф Аарон».

— И вы недалеко от истины, — польщенно заметил мистер Аарон. — Я знаю прошлое, настоящее и будущее этой профессии.

— Preclsement. Теперь я хочу спросить вас, месье Аарон, что вы знаете о молодой женщине по фамилии Кидд?

— Кидд? Китти Кидд?

— Китти Кидд.

— Она была хорошенькая. Играла мальчиков, пела и танцевала. Та самая?

— Именно.

— Она была очень хорошенькая. Имела успех. Без ангажемента не оставалась. В основном играла мальчиков, хотя ее нельзя назвать характерной актрисой.

— Я слышал об этом, но она ведь исчезла, да?

— Да нет. Просто сошла с круга. Уехала во Францию и там подцепила какого-то аристократа. Думаю, из-за этого она оставила

сцену.

— И давно это произошло?

— Сейчас вспомню. Три года назад.

— Она была умна?

— Чертовски!

— Знаете имя того человека?

— Знаю только, что он из высшего общества. Граф или маркиз?

Сейчас, когда я начал вспоминать, мне кажется, что маркиз.

— И с тех пор вы ничего о ней не знаете?

— Ничего. Больше никаких слухов о ней не было. Держу пари, она сшивается на раутах, ведь она теперь маркиза. О, она такая: где бы ни была, знает, как себя вести.

— Понимаю, — сказал Пуаро задумчиво.

— Сожалею, что больше ничего не могу вам рассказать, месье Пуаро, произнес мистер Аарон. — Хотелось бы вам помочь. Вы здорово выручили меня однажды.

— Оставьте, мы квиты. Вы тоже меня здорово выручили.

— Значит, мы и правда квиты, — засмеялся мистер Аарон.

— Ваша профессия, должно быть, очень интересна, — заметил Пуаро.

— У-гу, — похоронным тоном сказал мистер Аарон, — все время надо ловить момент: никогда не знаешь, что понравится публике, а что нет. Я делаю это не слишком плохо, но нос приходится держать по ветру.

— В последние годы особенной популярностью стали пользоваться танцы, задумчиво пробормотал Пуаро.

— Я никогда не видел ничего особенного в русском балете, но публике нравится. На мой вкус, это слишком эфемерно.

— Я познакомился с одной танцовщицей на Ривьере, с мадемуазель Мирель.

— Мирель? Гремучая смесь во всех отношениях. И всегда-то к ней текут деньги, а пока они текут, эта девочка может танцевать. Я ее видел, знаю, что говорю. Сам я с ней никогда дел не имел, но слышал, что это нечто!

Темпераментная, вспыльчивая...

— Да, — задумчиво проговорил Пуаро, — уж я-то могу представить.

— Темперамент! — сказал мистер Аарон. — Темперамент! Так они это называют. Моя женушка была, танцовщицей до того, как вышла за меня, но, слава Богу, у нее никогда не было никакого темперамента. Вы бы желали иметь темперамент у себя дома, месье Пуаро?

— Согласен с вами, мой друг, дома ему не место.

— Женщина должна быть спокойной, симпатичной и уметь хорошо готовить, заметил мистер Аарон.

— Мирель не так давно стала появляться на публике, да? — спросил Пуаро.

— Около двух с половиной лет, — ответил мистер Аарон. — Какой-то французский граф выпустил ее. Я слышал, теперь она сошлась с экс-премьером Греции. Такие ребята спокойно расстаются с деньгами.

— Для меня это новость, — заметил Пуаро.

— О, она подметки на ходу рвет. Говорят, из-за нее молодой Кеттеринг убил свою жену. Я, правда, не знаю, не уверен. Однако он в тюрьме, а она вроде бы очень довольна. Говорят, носит рубин размером с голубиное яйцо. Сам я голубиные яйца никогда не видел, но боюсь, что все это игра воображения.

— Рубин размером с голубиное яйцо! — Глаза Пуаро заблестели зеленым светом. — Интересно!

— Я знаю это от одного приятеля, — продолжал мистер Аарон. — Но ведь люди часто преувеличивают. Все женщины одинаковы: вечно болтают про свои драгоценности. Мирель хвастается, что на этом камне лежит проклятие. Кажется, она называет его Огненное сердце.

— Но насколько мне известно, — вставил Пуаро, — рубин Огненное сердце центральный камень в ожерелье.

— Видите? Я же говорю, что женщины вечно врут про свои драгоценности. А у Мирель всего один камень, надетый на платиновую цепочку. Десять к одному, это — стекляшка.

— Нет, — мягко произнес Пуаро, — я не думаю, что это стекляшка.

Глава 32

Катарин и Пуаро обмениваются новостями

— А вы изменились, мадемуазель, — сказал Пуаро Катарин. Они сидели друг против друга за столиком в твое. — Да, вы изменились. — повторил он.

— В чем?

— Мадемуазель, это трудно передать.

— Я стала старше.

— Да, вы стали старше. Но я не имею в виду морщины и все такое. Когда я впервые увидел вас, мадемуазель, вы изучали жизнь со стороны. У вас был спокойный, довольный взгляд человека, который всего лишь наблюдает за игрой.

— А теперь?

— Теперь вы уже не наблюдатель. Может быть. то, что я сейчас скажу, абсурдно, но сейчас у вас взгляд человека, который сам включился в трудную игру.

— С моей старой леди не всегда просто, — с улыбкой сказала Катарин, но уверяю, это не смертельная схватка. Вы должны приехать к нам и познакомиться с ней, месье Пуаро. Полагаю, что именно вы сможете по достоинству оценить ее мужество и силу духа.

Они молчали, пока официант расставлял блюда. Когда он исчез, Пуаро сказал:

— Помните, я рассказывал о моем друге Хастингсе? Он как-то назвал меня улиткой. Eh bien, мадемуазель, вы меня превзошли.

— Ну что вы, какие пустяки, — беззаботно сказала Катарин.

— Эркюль Пуаро никогда не говорит пустяков, поверьте.

Они опять замолчали. Потом Пуаро прервал тишину:

— Вы виделись с кем-нибудь из своих ривьерских друзей с тех пор, как вернулись в Англию?

— Только с майором Найтоном.

— Вот как?

Катарин заметила, что его глаза на миг блеснули.

— Значит, мистер Ван Алдин в Лондоне? — продолжил Пуаро.

— Да.

— Постараюсь увидеть его завтра или послезавтра.

— У вас есть для него новости?

— Почему вы так решили?

— Просто интересуюсь, вот и все.

Пуаро пристально посмотрел на нее мерцающим взглядом.

— Вижу, мадемуазель, что вам о многом хотелось бы меня спросить. Почему бы и нет? Разве происшествие в Голубом поезде — это не наш общий roman policier?

— Да, я хотела бы спросить вас кое о чем.

— Eh bien?

Катарин посмотрела на него с внезапно вспыхнувшей решимостью.

— Что вы делали в Париже, месье Пуаро?

— Я нанес визит в русское посольство.

— А!

— Вижу, вам это ни о чем не говорит. Но не буду улиткой. Нет! Я выложу свои карты на стол, то есть сделаю то, чего улитки не делают никогда. Надеюсь, вы догадываетесь, что я не удовлетворен обвинением, выдвинутым против Дерек Кеттеринга?

— Это-то меня и удивило. Я полагала, вы закончили это дело тогда, в Ницце.

— Вы не говорите всего, что думаете, мадемуазель. Но я вам прощаю. Это благодаря моему... расследованию... Дерек Кеттеринг оказался там, где он сейчас. Если бы не я, в преступлении был бы обвинен граф де ла Роше. Eh bien, мадемуазель, я не жалею о том, что сделал. У меня была одна цель узнать правду, и мое расследование привело прямо к мистеру Кеттерингу. Но закончил ли я на этом? Полиция считает, что да, но я, Эркюль Пуаро, не удовлетворен. — Он запнулся, потом продолжил:

— Скажите мне, вы не связывались с мадемуазель Ленокс?

— Она прислала мне короткое письмо. Думаю, немного досадует на меня за то, что я вернулась в Англию.

Пуаро кивнул.

— Я говорил с ней в тот вечер, когда арестовали месье Кеттеринга. Во многих отношениях это был очень интересный

разговор.

Он снова замолчал, и Катарин не нарушала течения его мыслей.

— Мадемуазель, — наконец заговорил он, — сейчас я нахожусь в затруднительном положении. Объясню вам почему. Мне кажется, есть некто, кто любит Дерека Кеттеринга, — исправьте меня, если я ошибаюсь, — и для ее спокойствия — да, да! — для ее спокойствия я надеюсь, что прав я, а не полиция. Вы знаете, о ком идет речь.

Катарин ответила не сразу:

— Да, думаю, знаю.

Пуаро наклонился к ней.

— Я не удовлетворен, мадемуазель, нет, я не удовлетворен. Факты, неопровержимые факты указывают на месье Кеттеринга. Но есть одна вещь, которая полностью выпадает из картины преступления.

— Что именно?

— Изуродованное лицо жертвы. Тысячу раз, мадемуазель, я спрашивал себя: «Мог ли такой человек, как Дерек Кеттеринг, совершить чудовищное зверство после убийства? С какой целью? По каким причинам? Соответствует ли это темпераменту Дерека Кеттеринга?» Ответы на эти вопросы меня совершенно не удовлетворяют. Снова и снова я возвращался к вопросу: почему? И помочь в его решении мне может единственная вещь. Вот эта.

Он вынул из кармана блокнот и двумя пальцами осторожно извлек несколько волосков.

— Помните, мадемуазель? Вы помните, что я нашел их под пледом в купе.

Катарин подалась вперед, пристально всматриваясь в волосы.

Пуаро несколько раз тихо покачал головой.

— Они, я вижу, ни о чем вам не говорят, мадемуазель, хотя, кажется, вы догадываетесь.

— У меня были идеи, — тихо сказала Катарин, — забавные идеи. Именно поэтому я спросила вас, месье Пуаро, что вы делали в Париже.

— Когда я писал вам...

— Из отеля «Риц»?

Пуаро усмехнулся:

— Да, да, вы правы, из отеля «Риц». Я люблю пошиковать... когда платят миллионеры.

— Русской посольство... — медленно произнесла Катарин. — Нет, не понимаю, куда вы клоните.

— Факты связаны между собой не прямо, мадемуазель. Я ходил туда за информацией. И я виделся с одним субъектом, и я угрожал ему! Да, мадемуазель, я, Эркюль Пуаро, угрожал ему.

— Полицией?

— Нет, — сухо ответил Пуаро. — Прессой, а это более серьезное оружие.

Он посмотрел на Катарин, а она чуть заметно улыбнулась ему, кивая головой.

— Вы снова превращаетесь в улитку, месье Пуаро?

— Нет, нет, я не хочу тайн. Я расскажу вам все. Я подозревал, что этот субъект сыграл важную роль в продаже драгоценностей месье Ван Алдину. Я надавил на него, и в конце концов он все рассказал. Я узнал, что камни были проданы при его участии, и узнал также, что в то время, как это происходило, под окнами квартиры, где совершалась сделка, появился человек. У него была крупная голова и седые волосы, но походка его была легкой и молодой. Мысленно я дал ему имя — месье Маркиз.

— И вы приехали в Лондон, чтобы встретиться с мистером Ван Алдином?

— Не только поэтому. У меня были еще кое-какие дела. В Лондоне я встретился еще с двумя людьми: с театральным агентом и с врачом с Харлей-стрит. От них я тоже получил информацию. Сложите все, что я рассказал вам, мадемуазель, вместе, и вы поймете то, что понял я.

— Но как?

— Очень просто, мадемуазель. И я вам скажу еще кое-что. С самого начала я сомневался, что убийство и ограбление были совершены одним и тем же лицом. Я долго не был уверен...

— А теперь?

— А теперь я знаю.

Наступило молчание. Затем Катарин подняла голову, ее глаза сверкали.

— Я не так умна, как вы, месье Пуаро. Половина из того, что вы рассказали, мне совершенно непонятна. Мои идеи пришли ко мне совершенно с другого конца...

— Но так всегда и бывает, — спокойно заметил Пуаро. — Зеркало показывает правду, но все смотрят в него из разных точек.

— Может, мои идеи абсурдны, может, — они никак не согласуются с вашими, но...

— Да?

— Скажите, это как-то поможет вам?

Пуаро взял протянутую ему газетную вырезку. Прочитав ее, он мрачно кивнул.

— Как я сказал, мадемуазель, каждый смотрит в зеркало со своей точки, но ведь это то же самое зеркало, и в нем отражаются одни и те же вещи.

Катарин встала.

— Мне пора, — сказала она. — Времени осталось только, чтобы успеть на поезд. Месье Пуаро...

— Да, мадемуазель?

— Это... это не может больше так продолжаться... Я... я скоро не выдержу...

Ее голос сорвался.

Он успокаивающе погладил ее по руке.

— Будьте мужественны, мадемуазель. Не отчаивайтесь. Конец близок.

Глава 33

Еще одна версия

— Месье Пуаро хочет видеть вас, сэр.

— О черт! — воскликнул Ван Алдин.

Найтон сочувственно промолчал.

Ван Алдин встал с кресла и прошелся по комнате.

— Я полагаю, вы уже читали сегодняшние утренние газеты? Черт бы их побрал!

— Я заглянул в них, сэр.

— По-прежнему трезвонят?

— Боюсь, что да, сэр.

Миллионер сел, сцепив руки на затылке.

— Зачем мне это понадобилось, — простонал он. — Господи, если бы я знал... я бы никогда не стал просить этого бельгийца докопаться до правды. Я только хотел найти убийцу Руфи.

— Вы предпочли бы, чтобы ваш зять не, попал в руки закона?

— Я бы предпочел взять закон в свои руки, — вздохнул Ван Алдин.

— Не думаю, что это был бы ваш самый мудрый поступок, сэр.

— Так ты говоришь, этот тип хочет видеть меня?

— Да, мистер Ван Алдин. Он очень настаивает.

— Ну ладно. Пусть придет, если хочет.

Пуаро излучал свежесть и благодущие. Он не обращал внимания на отсутствие сердечности со стороны миллионера и беззаботно разглагольствовал на разные темы. Он приехал в Лондон, как он объяснил, навестить своего доктора. При этом он упомянул имя известного хирурга.

— Нет, нет, ничего особенного, просто пуля одного бандита — память о тех временах, когда я работал в полиции. — Он тронул свое левое плечо и слегка поморщился. — Я всегда считал, что вы везучий человек. В вас нет ничего от расхожего образа американского миллионера, страдающего расстройством пищеварения.

— Очень тронут, — сказал Ван Алдин. — Вы же знаете, что я веду очень скромную жизнь — простая еда в умеренном количестве.

— Вы иногда видите с мисс Грей, не так ли? — вполне невинно поинтересовался Пуаро, обращаясь к секретарю.

— Я? Да, я видел ее один или два раза, — ответил Найтон, покраснев, что было отмечено Ван Алдином с удивлением.

— Забавно, но вы не говорили мне, что видели ее, Найтон.

— Я не думал, что это может вас интересовать, сэр.

— Эта девушка мне очень нравится, — заметил Ван Алдин.

— Как жаль, что она снова похоронила себя в Сент Мэри Мед, — произнес Пуаро.

— Это очень благородно с ее стороны, — горячо возразил Найтон. — В этом мире так мало людей, способных посвятить себя заботам о сварливых старых леди, у которых никого нет на свете.

— Я умолкаю. — Глаза Пуаро блеснули. — Но мне все равно жаль. А теперь, месье, давайте перейдем к делу.

Миллионер и секретарь с изумлением посмотрели на него.

— Вы, наверное, будете шокированы и обескуражены, услышав то, что я вам скажу. А что если, месье Ван Алдин, Дерек Кеттеринг не убивал свою жену?

— Что?

— А что если, говорю я, месье Кеттеринг не убивал свою жену?

— Вы сошли с ума, месье Пуаро?

Это сказал Ван Алдин.

— Нет, — ответил. Пуаро. — Я не сумасшедший. Быть может, я эксцентричен, во всяком случае так обо мне говорят, но в своей профессии я не имею себе равных. Я спрашиваю вас, месье Ван Алдин, вы обрадуетесь или огорчитесь, если то, что я сказал вам, правда?

Ван Алдин взглянул на него.

— Естественно, я буду рад, — наконец сказал он. — Эти ваши упражнения в предположениях, они имеют под собой почву?

Пуаро посмотрел в потолок.

— Есть предположение, — спокойно произнес он, — что убийца — граф де ла Роше. Во всяком случае, я опроверг его алиби.

— Как вам это удалось?

Пуаро скромно пожал плечами.

— У меня свои методы. Немного такта, немного ума — и дело сделано.

— Но рубины! — возразил Ван Алдин. — Ведь рубины, которые были у графа, оказались фальшивыми.

— Ясно, что он мог совершить преступление только из-за рубинов. Но вы упускаете одну вещь, месье Ван Алдин. Кто-то мог опередить графа.

— Но это совершенно новая версия! — воскликнул Найтон.

— Вы и впрямь верите во всю эту дребедень, мосье Пуаро? — прорычал миллионер.

— Это не доказано, — спокойно сказал Пуаро. — Это только версия, но, и это я говорю, месье Ван Алдин, факты стоит проверить. Вы должны поехать со мной на юг Франции, и мы разберемся на месте.

— Вы действительно думаете, что мне необходимо ехать с вами?

— Думаю, это именно то, чего вы желаете, — ответил Пуаро.

В его тоне была нота упрека, которая ускользнула от внимания присутствующих.

— Да, конечно, — согласился миллионер. — Когда вы собираетесь ехать, месье Пуаро?

— Вы сейчас очень заняты, — напомнил Найтон.

Но миллионер уже все решил и протестующим жестом отбросил все возражения.

— Думаю, это важнее, — сказал он. — Олл райт, месье Пуаро. Едем завтра. Каким поездом?

— Мы поедem, полагаю, Голубым поездом, — с улыбкой ответил Пуаро.

Глава 34

Снова Голубой поезд

Поезд для миллионеров, как его иногда называли, стремительно летел вперед. У Найтона и Ван Алдина было двойное купе, соединенное общей дверью, как у Руфь Кеттеринг и ее служанки в то роковое путешествие. Купе Пуаро находилось в другом конце вагона.

Для Ван Алдина поездка была мучительной, ибо воскрешала болезненные воспоминания. Пуаро и Найтон иногда тайком переговаривались, стараясь не тревожить его.

Однако, как только поезд замедлил ход, подъезжая к Лионскому вокзалу Парижа, Пуаро вдруг засуетился. Ван Алдин решил, что одной из задач поездки была попытка восстановить картину преступления. Пуаро сам проигрывал каждую роль. Он был служанкой, торопливо входящей в купе. Он был миссис Кеттеринг, со страхом и недоумением узнающей своего мужа. Он был Дерексом Кеттерингом, обнаружившим, что его жена едет тем же поездом, что и он. Он проверял самые разные возможности, в том числе и то, как лучше спрятаться в смежном купе.

Вдруг его посетила какая-то идея. Он схватил Ван Алдина за руку.

— Mon Dieu! Об этом я и не подумал! Мы должны прервать наше путешествие в Париже. Быстрее, быстрее, давайте скорее выйдем.

Схватив саквояж, он выскочил из поезда. Недоумевающие Ван Алдин и Найтон покорно последовали за ним. Вернувшееся уважение Ван Алдина к Пуаро было вновь поколеблено. Их остановили: билеты остались у проводника, о чем все трое забыли. Объяснения Пуаро были убедительны, искренни и эмоциональны, но не произвели должного впечатления на невозмутимого служащего.

— Давайте откажемся от этой идеи, — резко произнес Ван Алдин. — Думаю, вы поторопились, месье Пуаро. Ради Бога, давайте оплатим наш проезд от Кале и пойдем туда, куда вы решили нас повести.

Но Пуаро вдруг застыл как вкопанный. Руки, которыми он только что выразительно размахивал, медленно опустились и повисли.

— Какой же я был кретин! — просто сказал он. — Ma foi, я сегодня совершенно потерял голову. Давайте вернемся и спокойно

продолжим наше путешествие. По счастью, поезд еще не ушел.

Они едва успели: поезд тронулся, как только Найтон последним вскочил на подножку. Проводник отчитал их и помог внести багаж в купе.

Ван Алдин молчал, он был явно разочарован в выдающихся способностях Пуаро. Оставшись на несколько минут наедине с Найтоном, он заметил:

— Охота на гусей... Он просто помешался на этом деле, носится как пуганый заяц...

Присоединившись к ним, Пуаро долго извинялся. Было видно, что он весьма обескуражен и всякие упреки излишни. Ван Алдин мрачно принял его извинения, воздержавшись от каких бы то ни было замечаний.

После обеда, к удивлению миллионера и его секретаря, Пуаро заявил, что все трое должны находиться в купе Ван Алдина. Миллионер обескураженно посмотрел на него.

— Может, вы что-то скрываете от нас, месье Пуаро?

— Я? — Пуаро широко раскрыл невинные глаза. — Ну что вы!

Ван Алдин промолчал, но он был неудовлетворен.

Проводнику сказали, что постели стелить не надо. Каково же было его удивление, когда миллионер дал ему огромные чаевые.

Трое спутников сидели в тишине. Пуаро дремал и выглядел усталым. Вдруг он обратился к секретарю:

— Майор Найтон, дверь вашего купе заперта? Я имею в виду дверь в коридор.

— Да, я сам только что запер ее.

— Вы уверены? — спросил Пуаро.

— Могу пойти и проверить, если хотите. — Найтон улыбнулся.

— Нет, нет, не беспокойтесь. Я сделаю это сам.

Он прошел в соседнее купе и вернулся, кивая головой.

— Да, да, вы правы. Простите причуды старика. — Он закрыл смежную дверь и занял свое место в правом углу.

Время шло. Трое мужчин дремали, вздрагивая от толчков поезда. Наверное, никогда прежде они не ездили в таком роскошном поезде с такими неудобствами. Время от времени Пуаро смотрел на часы, потом опять погружался в дремоту. Один раз он быстро встал, быстро

открыл дверь в соседнее купе, заглянул туда и вернулся на свое место, качая головой.

— Что все это значит? — прошептал Найтон. — Вы думаете, что-нибудь случится, да?

— Нервы, — признался Пуаро. — Я как уж на сковородке. Подскакиваю от малейшего звука.

Найтон зевнул.

— Самое ужасное и неудобное мое путешествие, — пробормотал он. Надеюсь, месье Пуаро, вы понимаете, что играете с огнем? — И Найтон попытался заснуть.

Он и Ван Алдин умирали от усталости, когда Пуаро, в сотый раз взглянув на часы, вскочил и стал трясти миллионера за плечо.

— Что? Что такое?

— Через пять или десять минут мы прибудем в Лион.

— Господи! — побледнев и отшатнувшись, воскликнул Ван Алдин. — Значит, примерно здесь и в это время была убита Руфь?

Он выпрямился и уставился перед собой невидящим взором. Губы его подергивались. Он мысленно возвращался к трагедии, которая омрачила его жизнь.

Раздался долгий скрип тормозов, и поезд остановился. Ван Алдин опустил окно и выглянул наружу.

— Если, как вы говорите, это был не Дерек, значит, именно здесь мужчина вышел из поезда? — спросил он не оборачиваясь.

Но Пуаро отрицательно покачал головой.

— Нет, — задумчиво проговорил он. — Из поезда вышел не мужчина... я думаю... да, конечно, из поезда вышла женщина.

Найтон вскрикнул.

— Женщина? — взревел Ван Алдин.

— Да, женщина. — Пуаро кивнул головой. — Вы, наверное, не помните, месье Ван Алдин, но мисс Грей обмолвилась, что видела какого-то юношу в кепке и накидке, который гулял по платформе. Я полагаю, скорее всего это была женщина.

— Что за женщина?

Лицо Ван Алдина выражало недоверие, но Пуаро был непрекаем:

— Ее имя, то есть имя, под которым она была известна многие годы, Китти Кидд, но вы, месье Ван Алдин, знаете ее под именем Ады

Мейсон.

— Что? — вскричал Найтон, вскочив на ноги.

Пуаро подскочил к нему.

— Ах, пока не забыл. — Он вынул что-то из кармана и протянул Найтону.

— Позвольте мне предложить вам сигарету из вашего собственного портсигара. С вашей стороны было неосмотрительно обронить его, когда вы выходили из поезда в Париже.

Найтон стоял, оцепенело глядя на него. Затем он сделал резкое движение, но Пуаро предупреждающе поднял руку.

— Не двигаться, — тихо приказал он. — Дверь смежного купе открыта, и сию минуту вас схватят. Я открыл дверь в коридор, когда мы ехали по Парижу, и мои друзья из полиции уже там. Предполагаю, вы знаете, что французская полиция давно мечтает вас заполучить, майор Найтон или, вернее, месье Маркиз.

Глава 35

Объяснения

— Объяснения?

Пуаро улыбнулся. Он сидел за столом напротив миллионера в его номере в отеле «Негреско». Ван Алдин имел вид человека, избавившегося от огромного напряжения, но глубоко озадаченного. Пуаро откинулся на спинку стула, закурил сигарету и, глядя в потолок, начал говорить:

— Хорошо, я все вам объясню. Это началось с одной детали, которая озадачила меня. И знаете что?

Изуродованное лицо. Это нечасто встречается при расследовании убийств, и это ставит вопрос об опознании жертвы. Естественно, это было первое, о чем я подумал. Являлась ли убитая женщина Руфью Кеттеринг? Но вопрос отпал, когда мисс Грей решительно и категорично опознала убитую. Это была Руфь Кеттеринг.

— Когда вы начали подозревать служанку?

— Не сразу. Но одна небольшая деталь заставила меня обратить на нее внимание. Она сказала, что портсигар, найденный в купе, был куплен миссис Кеттеринг в подарок ее мужу. Зная отношения супругов, я с трудом мог поверить в вероятность такого утверждения. Это поставило под сомнение другие показания Ады Мейсон. Мне показалось подозрительным и то, что она проработала у своей хозяйки два месяца. Конечно, этот факт мог быть признан незначимым, если принять за истину то, что служанка осталась в Париже, а миссис Кеттеринг после этого несколько человек видели живой и здоровой, но... — Пуаро подался вперед и поднял свой указательный палец. — Но я — хороший детектив. Я подозреваю.

Я подозреваю всех и вся. Я не верю ничему из того, что мне рассказывают. И я сказал себе: «Откуда я знаю, что Ада Мейсон осталась в Париже?» Казалось бы, ответ на этот вопрос полностью удовлетворителен.

Показания вашего секретаря, мистер Ван Алдин, совершенно постороннего человека, полностью соответствовали словам самой Руфи, сказанным ею проводнику. Но это последнее я на минутку

отбросил, ибо очень странная идея, возможно, совершенно фантастическая идея пришла мне в голову. Но если бы каким-то образом она оказалась истинной, тогда это показание можно было бы считать недействительным.

Я сосредоточился на краеугольном камне моей версии, связанном с показаниями майора Найтона о том, что он видел Аду Мейсон в отеле «Риц» после того, как Голубой поезд покинул Париж. Вроде бы это было вполне правдоподобно, но, внимательно проверив все факты, я обнаружил две детали.

Во-первых, по странному совпадению, Найтон тоже работал у вас два месяца.

Во-вторых, начальная буква его фамилии тоже «К».^[60] Предположим, только предположим, что именно его портсигар был найден в купе миссис Кеттеринг.

Если Ада Мейсон и Найтон были заодно, могла ли Ада Мейсон ничего не предпринять, когда я показал ей портсигар ее напарника? Вначале, ошарашенная, она быстро сочинила историю насчет подарка миссис Кеттеринг своему мужу. *Vien entendu*^[61], это было не оригинально. Козлом отпущения сделали графа де ла Роше, хотя Ада Мейсон не могла опознать его с уверенностью — на случай, если у него окажется неопровержимое алиби.

Теперь, если вы постараетесь вспомнить, как все было, вы поймете важность того, что произошло дальше. Я подбросил Аде Мейсон идею, что мужчина, которого она видела в поезде, был не граф де ла Роше, а Дерек Кеттеринг.

Сначала она была растеряна, но, когда я вернулся в отель, вы позвонили и сказали, что Ада Мейсон уверена: тот мужчина был именно мистер Кеттеринг.

Чего-то в этом роде я и ожидал. И этому могло быть только одно объяснение. У нее было время проконсультироваться с кем-то и получить соответствующие инструкции. Кто дал ей инструкции? Майор Найтон. И была еще одна очень маленькая деталь, которая могла не значить ничего, а могла очень много. В случайном разговоре Найтон обмолвился про ограбление в Йоркшире в доме, где он останавливался. Может, еще одно совпадение, а может — еще одно звено в цепочке.

— Но есть одна вещь, которую я не понимаю, месье Пуаро. Может быть, я тупой, раз до сих пор этого не понял. Кто вошел в купе Руфи в Париже? Дерек Кеттеринг или граф де ла Роше?

— Все очень просто. Никакого мужчины и не было! Ah, mille tonnerres!^[62] Видите, как умно все было продумано! Кто сказал, что был мужчина? Только Ада Мейсон. И мы поверили в показания Ады Мейсон, потому что Найтон сказал, что миссис Кеттеринг оставила ее в Париже.

— Но Руфь сама сказала проводнику, что оставила свою служанку в Париже, — продолжал недоумевать Ван Алдин.

— Вот к этому-то я и веду. У нас, с одной стороны, было свидетельство самой миссис Кеттеринг о том, что она оставила свою служанку в Париже, но, с другой стороны, никакого ее свидетельства у нас не было. Потому что, месье Ван Алдин, мертвые не могут давать показаний. Это показание не ее, а проводника — а это разные вещи.

— Так вы считаете, что проводник солгал?

— Не совсем. Он говорил то, что, как он думал, было правдой. Но женщина, которая сказала ему, что оставила свою служанку в Париже, была не миссис Кеттеринг.

Ван Алдин недоуменно смотрел на него.

— Месье Ван Алдин, Руфь Кеттеринг была мертва до того, как поезд подошел к Лионскому вокзалу. Это была Ада Мейсон, одетая в одежду миссис Кеттеринг. Это она покупала корзину с обедом, это она отдавала распоряжения проводнику.

— Невероятно!

— Нет, месье Ван Алдин, это очень даже вероятно. Les femmes, современные женщины различаются в основном одеждой, а не внешностью. Ада Мейсон того же роста, что и ваша дочь. Одетая в ее норковое манто и маленькую шляпку, надвинутую на глаза, с такими же коралловыми сережками в ушах, она была принята проводником за вашу дочь, что неудивительно. Перед этим он почти не видел миссис Кеттеринг. Правда, он мельком видел служанку, когда та подавала ему билеты, но ему она запомнилась просто как безликая женщина, одетая в черное. Если бы он был наблюдательным человеком, то заметил бы, что хозяйка и ее служанка совершенно непохожи друг на друга, но вряд ли он вообще думал об этом. Не забывайте, что Ада Мейсон, она же Китти Кидд, была актрисой, способной в один момент изменить

свой облик и даже тембр голоса. Нет, не было никакой вероятности, что ее узнают в одежде миссис Кеттеринг. Но была вероятность того, что, увидев убитую, проводник обнаружит, что накануне он разговаривал не с ней.

Вот вам и ответ на вопрос об изуродованном лице. Главная опасность для Ады Мейсон состояла в том, что в купе своей новой знакомой могла зайти Катарин Грей. Но эту проблему Ада Мейсон легко разрешила, запершись в своем купе.

— Но кто убил Руфь? И когда? — Имейте в виду, что преступление было задумано и осуществлено двумя людьми — Адой Мейсон и Найтоном, которые работали в паре. В тот день Найтон был в Париже по вашим делам. Он мог сесть в поезд, когда тот плелся, подъезжая к центру. Миссис Кеттеринг, возможно, удивилась, но ничего не заподозрила. Наверное, он привлек ее внимание к какой-то сцене за окном и, когда она отвернулась, накинул шнур на шею, и в несколько секунд все было кончено.

Дверь купе закрыта. Он и Ада Мейсон принялись за работу. Они сняли с Руфи одежду. Потом завернули тело в плед и положили в смежное купе на полку среди чемоданов и саквояжей. Найтон сошел с поезда, захватив шкатулку с драгоценностями, среди которых были и знаменитые рубины. Он знал, что преступление будет обнаружено только через двенадцать часов, и был спокоен. К тому же его показания и показания мнимой миссис Кеттеринг, засвидетельствованные проводником, обеспечивали ему надежное алиби.

На Лионском вокзале Ада Мейсон быстро переделалась в одежду миссис Кеттеринг, нацепила сережки из фальшивых кораллов и изменила свою внешность, насколько это было возможно. Когда проводник пришел стелить постель, она рассказала ему заранее приготовленную историю о служанке, которую оставила в Париже. При этом она стояла у окна спиной к двери.

Это было мудро, ибо, как мы знаем, мисс Грей проходила мимо купе и была готова поклясться, что видела миссис Кеттеринг живой и невредимой.

— Продолжайте, — сказал Ван Алдин.

— Потом Ада Мейсон одела тело в ночную рубашку, положила его так, словно Руфь спала повернувшись лицом к стене, аккуратно

повесила одежду, переделалась в мужское платье и приготовилась сойти с поезда.

Когда Дерек Кеттеринг вошел в купе своей жены и решил, что она спит, Ада Мейсон находилась в смежном купе, ожидая, когда поезд остановится в Лионе и она сможет незаметно сойти с него. Как только проводник ступил на платформу, она незаметно проскользнула за его спиной и неторопливо пошла, делая вид, что просто прогуливается. Улучив момент, когда ее никто не мог видеть, она перебежала на другую платформу и села в первый же поезд, идущий в Париж. Ее имя зарегистрировано в отеле «Риц» на другой день после совершенного преступления. Здесь ей ничего не оставалось делать, как спокойно ожидать вашего приезда. Драгоценностей при ней не было: ваш секретарь, который был вне подозрений, привез их с собой в Ниццу. У него была предварительная договоренность с Папаполоусом, и Ада Мейсон лишь передала драгоценности ему из рук в руки. В общем игру очень точно продумал и мастерски сыграл такой умелый игрок, как Маркиз.

— И вы могли бы поклясться, что Ричард Найтон — известный преступник, которого давно разыскивает полиция?

Пуаро кивнул.

— Одно из главных качеств джентльмена по имени Маркиз — обаяние, обходительность. Вы стали жертвой его шарма, месье Ван Алдин, когда предложили ему быть вашим секретарем после столь поверхностного знакомства.

— Да я был готов поклясться, что он не метил на этот пост, — воскликнул миллионер.

— О, это было очень аккуратно сделано, так аккуратно, что даже человек с таким глубоким знанием людей, как вы, был введен в заблуждение.

— Я читал его послужной список. Он безупречен.

— Да, да, это была часть игры. В качестве Ричарда Найтона он вел вполне достойную жизнь. Хорошая семья, хорошие знакомства, отличился во время войны... Он был, казалось, совершенно вне подозрений.

Но когда я стал собирать информацию о таинственном Маркизе, я обнаружил множество совпадений. По-французски Найтон говорил

как француз. Он был в Америке, Франции и Англии в то же самое время, когда там орудовал Маркиз.

Ходили слухи, что серия грабежей в Швейцарии была организована Маркизом, и именно там и тогда вы встретили майора Найтона, и, скорее всего, именно накануне этой встречи поползли слухи о вашей предстоящей покупке... о рубинах.

— Но почему убийство? — подавленно пробормотал Ван Алдин. — Ведь вор-профессионал может украсть драгоценности, не обагрывая рук кровью.

Пуаро покачал головой.

— Это не первое убийство, лежащее на совести Маркиза. Он — убийца по природе, он не оставляет живых свидетелей. Мертвые мужчины и женщины не рассказывают историй.

Маркиз имел сильное пристрастие к известным историческим драгоценностям. Он решил сделаться вашим секретарем и контролировать ситуацию с помощью служанки вашей дочери, которой, как он предполагал, вы собирались подарить рубины. И хотя его план был детально продуман и надежен, он не удержался от искушения натравить на вас бандитов, — помните? — когда вы возвращались в отель со своей покупкой. Затея провалилась, хотя это его вряд ли расстроило. Его план, повторяю, был надежен. Никакие подозрения не могли пасть на безупречного Ричарда Найтона. Но, как и все великие люди, — а Маркиз был великим человеком, — он имел слабости. Он полюбил мисс Грей и, думая, что ей нравится Дерек Кеттеринг, постарался сделать так, чтобы подозрение пало на него. И теперь, месье Ван Алдин, я расскажу вам нечто очень странное. Мисс Грей никак не назовешь женщиной, склонной к фантазиям, однако она твердо верит, что ощутила присутствие вашей дочери, когда однажды сидела на скамейке в парке Монте-Карло. Это произошло сразу после ее долгого разговора с майором Найтоном. Мисс Грей говорит, что убитая женщина страстно хотела ей что-то сообщить, и вдруг мисс Грей поняла, что она пытается сказать: ее убийца — майор Найтон! Тогда мисс Грей это показалось столь фантастическим, что она никому ничего не рассказала. Но была уверена, что это так, и начала действовать сама, так, как считала нужным.

Она не отвергла ухаживаний Найтона и притворилась, что верит в виновность Дерека Кеттеринга.

— Поразительно! — воскликнул Ван Алдин.

— Да, это очень странно. Это относится к области необъяснимого. Но одна небольшая деталь меня смущала. Ваш секретарь явно прихрамывал в результате ранения, полученного во время войны. Но Маркиз не прихрамывал. Это было камнем преткновения. Однако мисс Ленокс Темплин однажды упомянула, что хромота Найтона удивила хирурга, который лечил его в госпитале миссис Темплин. Это навело меня на мысль о симуляции. В Лондоне я навестил этого хирурга и узнал несколько технических деталей, которые подтвердили мою правоту. Я как бы случайно назвал имя этого хирурга в разговоре с вами и Кантоном. Было бы естественным, если бы Найтон при этом сказал, что именно этот врач лечил его во время войны, но он ничего не сказал, это и стало последним маленьким штрихом, который заставил меня окончательно уверовать в правильность моей версии. Мне также помогла мисс Грей, она показала мне газетную вырезку, из которой следовало, что леди Темплин была ограблена именно в то время, когда в ее госпитале лечился Найтон. Получив мое письмо из отеля «Риц», мисс Грей поняла, что я иду по тому же следу, что и она.

У меня были и другие затруднения в расследовании, но в конце концов я получил то, что хотел, — свидетельство о том, что Ада Мейсон приехала в «Риц» на следующее после убийства утро, а не накануне.

Наступила долгая пауза. Затем миллионер протянул руку Пуаро.

— Полагаю, вы понимаете, что все это значит для меня, месье Пуаро, страстно произнес он. — Я подписал вам сегодня утром чек, но никакой чек не может выразить то, что я чувствую по отношению к вам. Вы прекрасны, месье Пуаро. Тысячу раз вы прекрасны.

Выпятив грудь, Пуаро встал из-за стола.

— Я — всего лишь Эркюль Пуаро, — скромно произнес он. — Да, вы правильно сказали, в своем деле я большой человек, так же, как вы большой человек в вашем деле. Я рад и счастлив, что смог оказать вам услугу. Теперь я пойду ликвидировать разрушения, причиненные нашим путешествием: о мои бедные пиджаки и брюки! Как жаль, что со мной нет восхитительного Жоржа!

В холле отеля он столкнулся со старыми знакомыми — навстречу ему шли величественный месье Папаполоус и его дочь Зия.

— Я думал, вы уехали из Ниццы, месье Пуаро, — пробормотал грек, пожимая руку маленькому детективу.

— Дела заставили меня вернуться, дорогой месье Папаполоус.

— Дела?

— Да, дела. Кстати, о делах. Надеюсь, ваше здоровье лучше, мой дорогой друг?

— Намного лучше. Завтра мы возвращаемся в Париж.

— Я счастлив слышать такие хорошие новости. Надеюсь, вы не совсем разорили греческого экс-министра?

— Я?

— Насколько я понимаю, вы продали ему прекрасный рубин, который носит сейчас мадемуазель Мирель, танцовщица?

— Да, — пробормотал грек, — действительно.

— Наверное, этот рубин не похож на Огненное сердце?

— Кое-какое сходство, конечно, есть, — безмятежно отозвался грек.

— У вас золотые руки, месье Папаполоус, я вас поздравляю. Мадемуазель Зия, я огорчен, что вы так скоро возвращаетесь в Париж. Я надеялся видеть вас, когда закончу свои дела.

— Не будет ли бестактностью, если один человек спросит у другого, что это за дела? — поинтересовался месье Папаполоус.

— Отнюдь нет, отнюдь нет. Я только что имел удовольствие упрятать Маркиза за решетку.

Благородное лицо месье Папаполоуса чуть перекошилось.

— Маркиз? — пробормотал он. — Где-то я слышал это имя. Нет, не могу вспомнить.

— Откуда же вам его знать? Я говорю об очень известном бандите и похитителе драгоценностей. Его только что арестовали за убийство мадам Кеттеринг.

— Действительно? Как это интересно!

Они обменялись вежливыми пожеланиями всех благ.

Когда Пуаро исчез из поля зрения, месье Папаполоус обратился к своей дочери.

— Зия, — проникновенно сказал он. — Этот человек — дьявол!

— Мне он нравится.

— Мне он самому нравится, — согласился месье Папаполоус. — Но все равно он дьявол.

Глава 36

У моря

Мимоза уже отцвела. Вдоль балюстрады виллы леди Темплин розовела герань и темнела гвоздика. Средиземное море расстиралось темно-синей гладью.

Пуаро с Ленокс Темплин сидели на террасе. Он только что закончил историю, которую рассказал Ван Алдину два дня назад. Ленокс слушала внимательно, стараясь не пропустить ни слова. Глаза ее потемнели, брови мрачно сдвинулись к переносице. Когда он закончил, она просто сказала:

— А Дерек?

— Вчера его освободили.

— И он уехал? Куда?

— Он уехал из Ниццы вчера ночью.

— В Сент Мэри Мед?

— Да, в Сент Мэри Мед.

Наступила пауза.

— Я ошибалась насчет Катарин, — сказала Ленокс. — Думала, ей все равно.

— Она очень скрытная. Она никому не верит.

— Но она могла бы верить мне, — с сожалением сказала Ленокс.

— Да, — печально произнес Пуаро, — она могла бы верить вам.

Но мадемуазель Катарин большую часть своей жизни провела, слушая других. А тем, кто привык только слушать, не так просто говорить самим: они хранят свои горести и радости при себе и никому о них не рассказывают.

— Я была душой. Я думала, ей и правда нравится Найтон. Жаль, что я ошиблась. Наверное, это случилось потому... потому, что я хотела этого.

Пуаро дружески потрепал ее по руке.

— Будьте мужественны, мадемуазель, — ласково сказал он.

Ленокс печально посмотрела на море, и ее лицо, обычно некрасивое, стало трагически-прекрасным.

— Хорошо, — наконец сказала она. — Так и должно было случиться. Я слишком молода для Дерека, а он как дитя, которое никогда не вырастет. Ему нужна мадонна.

Они опять замолчали. Вдруг, повинувшись импульсу.

Ленокс повернулась к Пуаро:

— Но ведь я помогла, месье Пуаро, правда же, я помогла!

— Да, мадемуазель. Это вы навели меня на истинный след, когда сказали, что убийце не обязательно было ехать в поезде. До этого я не мог понять, как было совершено преступление.

— Я рада! — Ленокс глубоко вздохнула. — Все-таки это кое-что.

Они услышали далекий гудок паровоза.

— Этот чертов Голубой поезд, — сказала Ленокс. — Поезда безжалостны, правда, месье Пуаро? Люди умирают и гибнут, но все равно ездят поездами. Я говорю чушь, но вы понимаете, что я имею в виду.

— Да, да, я понимаю. Жизнь похожа на поезд, мадемуазель. Она идет. И знаете, это хорошо.

— Почему?

— Потому что поезда всегда приезжают на конечный пункт, и ведь у вас, англичан, есть на этот счет пословица?

— Путешествия кончаются встречами влюбленных? — засмеялась Ленокс.

— Кет, это не обо мне.

— Нет, нет, о вас. Вы молоды, моложе, чем думаете. Верьте поезду, мадемуазель, потому что его ведет *le bon Dieu!*

Снова раздался гудок.

— Верьте поезду, — повторил Пуаро. — И Эркюлю Пуаро. Он знает.

notes

1

Мой дорогой (*не прав, фр.*)

2

Мой друг (*фр.*)

3

Дорогая (*фр.*)

4

Красивый мужчина, это непрактично (*фр.*)

Мой Бог! (*фр.*)

6

Hy! (*φρ.*)

7

Черт возьми! (*фр.*)

Простодушие (*φρ.*)

9

Очень английская (*фр.*)

10

Прекрасный английский (*фр.*)

Серо-голубой костюм и вечернее платье «Осенний вздох» *(фр.)*

Крепдешин (*фр.*)

Вкyc (*фр.*)

Полицейский роман (*фр.*)

Сюрте Женераль — французская полиция.

Хорошо (*фр.*)

«Наш полицейский роман» *(фр.)*

Дорогой друг (*фр.*)

Родословные французских дворянских фамилий.

Ах, это, допустим (*фр.*)

Именно (*фр.*)

Жизнь (*фр.*)

Кусечек филе камбалы «Жанетт» (*фр.*)

Поезд «Люкс» (*фр.*)

Да, конечно (фр.)

Ах, но это что-то невиданное! (*фр.*)

Предметы искусства (*фр.*)

Мизанцена (*фр.*)

Несносный человек! (*фр.*)

Женщины (*фр.*)

Здравствуйте (*фр.*)

Это не практикуется (*фр.*)

Так! (*φρ.*)

Введите этого господина! (*фр.*)

Рогалик (*фр.*)

Я ухожу (*фр.*)

Симпатичная (*фр.*)

Вот так (*фр.*)

К себе (*фр.*)

Настой из трав (*φр.*)

Кому на пользу, кто от этого выиграет (*лат.*)

ЭТОТ ТИП (фр.)

Профессия (*фр.*)

Однако эти англичане (*фр.*)

Говорят (*фр.*)

тулик (фр.)

Буквально (*фр.*)

Дьявольский шик! (*фр.*)

Важный господин (*фр.*)

Ах, вот и вы (*фр.*)

Наедине (*фр.*)

Любовь (*фр.*)

Пансион (*фр.*)

Пансионерка (*фр.*)

Рассеянна (*фр.*)

Господа Бога (*фр.*)

По правде сказать (*фр.*)

Завтрак (фр.)

Ах, черт! (*фр.*)

По-английски фамилия «Найтон» пишется — «Knighton».

61

Разумеется (*фр.*)

Тысяча чертей! (*фр.*)